

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

Национальный
исследовательский

**Томский
государственный
университет**

УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ

Russian Journal of Criminal Law

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

2024

№ 23

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
КРИМИНОЛОГИЯ
УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН
РЕЦЕНЗИИ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС-77 54545 от 21 июня 2013 г.
выдано Федеральной надзорной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Андреева О.И. – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Воронин О.В.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, ответственный секретарь (г. Томск); **Мариничева А.Ю.** – менеджер Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, технический секретарь (г. Томск); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, главный редактор (г. Томск); **Филимонов В.Д.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, зав. кафедрой уголовного процесса и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (г. Омск); **Андреева О.И.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Ахмедшин Р.Л.** – доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Барабаш А.С.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Ведерников Н.Т.** – доктор юридических наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (г. Москва); **Голик Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации (г. Москва); **Головкин Л.В.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Гришко А.Я.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя (г. Москва); **Деряшев Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры организации раскрытия и расследования преступлений Омской академии МВД России (г. Омск); **Николюк В.В.** – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва); **Прокументов Л.М.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Самович Ю.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (г. Кемерово); **Свиридов М.К.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, член-корреспондент СО Академии наук высшей школы, действительный член Международной академии наук высшей школы, действительный член Академии социальных наук (г. Томск); **Селиверстов В.И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва); **Смолькова И.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовного процесса института государства и права Байкальского государственного университета (г. Иркутск); **Стойко Н.Г.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминологии Юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург); **Уткин В.А.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск); **Халиулин А.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета прокуратуры Российской Федерации (г. Москва); **Черненко Т.Г.** – доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Юридического института Кемеровского государственного университета (г. Кемерово); **Шеслер А.В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

МИССИЯ ЖУРНАЛА «УГОЛОВНАЯ ЮСТИЦИЯ»

Научно-практический журнал высшей школы России «Уголовная юстиция» призван служить объединению интеллектуального потенциала научных и практических работников в обсуждении и решении актуальных проблем уголовной политики, формирования и применения законодательства о борьбе с преступностью в современных социально-политических и экономических реалиях. Особое значение приобретают региональные особенности реализации уголовной политики. Специализированные журналы такого профиля существуют, но они издаются, как правило, ведомственными вузами и научными учреждениями. Своеобразие журнала – в его направленности на обсуждение актуальных проблем уголовной политики не только специалистов – ученых и практиков, но и компетентных представителей гражданского общества, правозащитников, представителей законодательных органов власти.

В международно-правовом аспекте термин «уголовная юстиция» охватывает все стадии противодействия преступности – от ее предупреждения до исполнения наказания, поэтому журнал охотно предоставляет возможность публикаций для представителей всех наук криминального цикла. Его издатели будут рады участию в нем специалистов иных отраслей юридического знания для комплексного обсуждения рассматриваемых проблем.

Журнал включен в Перечень научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя:

634050, РФ, г. Томск, проспект Ленина, 36, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Юридический институт, редакция журнала «Уголовная юстиция». E-mail: crim.just@mail.ru

Сведения о журнале можно найти на сайте в сети Интернет: <http://journals.tsu.ru/crimjust/>

Электронную версию журнала «Уголовная юстиция» смотрите: <http://www.elibrary.ru>

Издательство: Издательство Томского государственного университета

Редакторы: К.Г. Шилько, А.А. Цыганкова; редактор-переводчик В.В. Кашпур; оригинал-макет А.И. Лелююр; дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Подписано в печать 20.06.2024 г. Формат 60x80¹/₈. Печ. л. 16,5. Усл.-печ. л. 18,6. Тираж 500 экз. Заказ № 5961. Цена свободная.

Дата выхода в свет 19.07.2024 г.

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании Издательства Томского государственного университета. 634050, пр. Ленина, 36, Томск, Россия. Тел.: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–52-96-75. Сайт: <http://publish.tsu.ru>. E-mail: rio.tsu@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Валеев М.Т. Стадии процесса пенализации общественно опасных деяний в действующем уголовном законодательстве РФ)	5
Григорьев П.А. Смертная казнь в уголовном праве РФ: новое решение старой проблемы	10
Караева Ю.С. Уголовно значимые правовые состояния специального субъекта преступления: нормативная проекция опасного состояния личности или ее общественной опасности?	17
Кашкина Е.В. Уголовно-правовая охрана семьи как элемента традиционных ценностей (на примере законодательства Российской Федерации и бывших союзных республик)	25
Лозинский И.В. К вопросу о направлениях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности	32

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Андреева О.И., Герцен П.О., Рукавишников А.А. Обеспечение права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, при прекращении судом уголовного дела в связи с истечением срока давности	40
Гончарова В.А. Сроки для защиты прав потерпевших от преступлений: проблемы согласованности гражданского и уголовно-процессуального законодательства	47
Диваев А.Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия	54
Дударев В.А., Маевский С.С. Дистанционное проведение отдельных следственных действий: тенденции, перспективы, критический анализ	63
Затеев П.Е., Носкова Е.В. Проблемы практики применения особого порядка судебного разбирательства	67
Истомин А.Г. Отдельные вопросы прекращения уголовных дел (уголовного преследования) прокурором на этапе окончания предварительного расследования	74
Солодкая В.И., Бешкок А.А. Право на обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства	79
Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность	83

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Ольховик Н.В. Правовые проблемы применения исполнительной пробации	88
Уткин А.В. «Сибирский проект» исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) кодекса России в период кодификации уголовно-исполнительного законодательства	92
Филиппова О.В. Обеспечение трудовой занятости осужденных как основное направление профилактики рецидива	98

КРИМИНОЛОГИЯ

Корнаков И.И. Ранние взгляды Ч. Ломброзо на наказание и пенитенциарную систему	103
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Корнакова С.В. Зарубежный опыт защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних	108
Трефилов А.А. Задержание в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна (часть 1)	116

РЕЦЕНЗИИ

Шеслер А.В. Влияние механизма совершения общественно опасного деяния на конструкцию состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации	125
--	-----

CONTENTS**CRIMINAL LAW**

Valeev M.T. Stages of penalization of socially dangerous acts in the current Criminal Code of the Russian Federation	5
Grigoriev P.A. Death penalty in the criminal law of the Russian Federation: A new solution to an old problem	10
Karavaeva Yu.S. Criminally significant legal states of a special subject of a crime: A normative projection of a person's dangerous state or their social danger?	17
Kashkina E.V. Criminal law protection of the family as a traditional value (a case study of legislations of the Russian Federation and former Union Republics)	25
Lozinskiy I.V. On further improvement of the Criminal Code of the Russian federation protecting public relations in the sphere of economic activities	32

CRIMINAL PROCEDURE

Andreeva O.I., Gertsen P.O., Rukavishnikova A.A. Ensuring the right of the victim to compensation for damage caused by a crime when the court terminates a criminal case due to the expiration of the limitation period	40
Goncharova V.A. Time limits for protecting the rights of crime victims: Problems of coordination of civil and criminal procedure legislation	47
Divaev A.B. Legal forecasting and effectiveness of criminal procedural impact	54
Dudarev V.A., Maevskiy S.S. Remote individual investigative actions: Trends, prospects, critical analysis	63
Zateev P.E., Noskova E.V. Problems of practical application of special procedure of judicial proceedings	67
Istomin A.G. Selected issues of criminal case (criminal prosecution) termination by the prosecutor at the stage of preliminary investigation completion	74
Solodkaya V.I., Beshkok A.A. Right to appeal procedural actions and decisions in the system of criminal proceedings principles	79
Chukonova E.S., Babchenko A.I. Artificial intelligence and justice: Myth or reality	83

PENAL LAW

Olkhovik N.V. Legal issues of applying executive probation	88
Utkin A.V. The "Siberian Project" of the Correctional Labor (Penal) Code of the Russian Federation during penal legislation codification	92
Filippova O.V. Ensuring employment of convicts as the main direction of recidivism prevention	98

CRIMINOLOGY

Kornakov I.I. Cesare Lombroso's early views on punishment and the penitentiary system	103
--	-----

CRIMINAL LAW OF FOREIGN COUNTRIES

Kornakova S.V. Foreign experience in protecting minors' sexual inviolability	108
Trefilov A.A. Detention in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein (Part 1)	116

REVIEWS

Shesler A.V. The mechanism of committing a socially dangerous act: Influence on the structure of the elements of a crime in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation	125
---	-----

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343

doi: 10.17223/23088451/23/1

СТАДИИ ПРОЦЕССА ПЕНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ
В ДЕЙСТВУЮЩЕМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РФ

Марат Тагирович Валеев¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, mtv666@yandex.ru*

Аннотация. Рассматриваются стадии процесса пенализации общественно опасных деяний, их значения и понятие. Выделяются конкретные этапы пенализации с обоснованием их актуализации. Приводится содержание каждой из стадий.

Ключевые слова: пенализация, уголовное наказание, система наказаний

Для цитирования: Валеев М.Т. Стадии процесса пенализации общественно опасных деяний в действующем уголовном законодательстве РФ // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 5–9. doi: 10.17223/23088451/23/1

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/1

STAGES OF PENALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS
IN THE CURRENT CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Marat T. Valeev¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, mtv666@yandex.ru*

Abstract. Penalization of dangerous acts in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation is its independent stage, implemented through article sanctions. The “sanction” stage is inferred from the criminal illegality of a certain socially dangerous act. Indeed, the criminal punishment in the sanctions of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation can only be explained by the fact that the act is set out in the criminal law. The above stages of penalization maintain the stated sequence only during the initial construction of the entire criminal law, since each subsequent stage is conditioned by the previous ones. Further on, although remaining interdependent, they can be implemented separately depending on the specific needs of the criminal law policy.

Keywords: penalization, criminal punishment, system of punishment

For citation: Valeev, M.T. (2024) Stages of penalization of socially dangerous acts in the current Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 5–9. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/1

Стадии пенализации общественно опасных деяний можно понимать в нескольких значениях. Первое, учитывая подчиненный характер наказания по отношению к преступлению, и, соответственно, пенализации по отношению к криминализации, предполагает совпадение этапов криминализации и пенализации. Криминализация как процесс, отмечают исследователи, включает в себя ряд стадий, рассмотрение которых осуществляется в рамках одного процесса [1].

Такой подход правомерен при понимании криминализации в широком смысле, как явления, одновременно охватывающего не только установление преступности деяния, но и его наказуемости. Нет уголовно-правового запрета – нет и преступления, нет преступления – нет и преступности [2]. Пенализация в таком случае либо не выделяется вовсе, либо выступает составной частью криминализации,

которая рассматривается как выражение уголовно-правовой политики государства, в рамках которого осуществляется и обнаружение тех негативных явлений, с которыми надо бороться уголовно-правовыми средствами, и установление уголовной ответственности за них. Так, Р.Р. Галиакбаров, не придавая пенализации самостоятельного значения, называет ее одной из форм криминализации [3]. В.Н. Кудрявцев считает, что «криминализация – общее понятие, охватывающее как процесс, так и результат признания определенных видов деяний преступными и уголовно наказуемыми» [4]. По выражению Н.С. Таганцева, «наказание в таком случае есть только логический момент понятия о преступном» [5].

Такой взгляд на соотношение криминализации и пенализации был довольно распространен в научной литературе до начала 80-х гг. прошлого столетия. Следует

отметить, что широкий подход к определению криминализации существует в литературе и сегодня [6]. Именно в этот период в литературе начал складываться иной, «узкий» подход к понятию «криминализация», рассматривающий ее только как отнесение деяния к числу преступлений. Пенализация в таком случае отграничивается от криминализации и играет роль относительно самостоятельной категории (хотя и носит подчиненный характер), предполагающей установление в уголовном законе наказуемости. Относительная самостоятельность пенализации при «узком» подходе не означает ее полной автономности: и криминализация, и пенализация связаны между собой как две стороны процесса установления уголовно-правового запрета. «Узкий» подход к понятию криминализации, получивший со временем признание и распространение, представляется более плодотворным, так как позволяет говорить об обусловленности не только уголовно-правового запрета в целом, но и отдельных его частей, а также системы наказаний, механизмов замены наказаний, санкций за отдельные преступления и т.д. [7–9].

При таком подходе криминализация и пенализация различны по содержанию, объекту, пределам, способам правового регулирования, «алгоритмам» конструирования частей уголовно-правовых норм. Но в первую очередь они будут отличаться по основаниям. Основанием криминализации будет выступать объективно существующая общественная опасность. Задача законодателя – выявить её и констатировать объективную необходимость в установлении уголовно-правовой нормы. Основанием же пенализации выступает уголовная противоправность деяния, то есть уже состоявшаяся закрепленность в качестве преступления. Иными словами, если в установлении необходимости преступности деяния законодатель ошибиться может, то в установлении наказуемости признанного преступным – нет. Далее мы будем исходить из узкого понимания криминализации.

Второе значение стадий пенализации общественно опасных деяний, учитывая, что это деятельность законодателя, предполагает закрепленные «ступени» принятия УК РФ федерального закона. Рассмотрение стадий в таком аспекте малоинформативно для научного исследования, так как предполагает лишь этапы юридически регламентированной процедуры принятия закона в чтениях законодательным органом.

Третье значение стадий пенализации предполагает понимание этапов пенализации как проистекающего в истории уголовного права процесса появления норм, посвященных наказанию. Иными словами, это этапы закрепления наказуемости преступлений в отечественном уголовном праве, выстроенные в том хронологическом порядке, в каком они имели место в истории [10].

Эти этапы, если рассматривать их «из дня сегодняшнего», построены с восхождением от частного к общему. Сначала появились санкции за конкретные деяния. Затем – общие нормы о видах наказаний. Позже – первые нормы, предусматривающие систему наказаний. Далее – нормы-дефиниции об общем понятии наказа-

ния. Наконец, последними в законе относительно недавно появились нормы, разъясняющие предназначение уголовного наказания.

Такое понимание предполагает этапы закрепления наказуемости по логике построения и изложения современного уголовного закона, – от общего к частному, по мере изложения его институтов.

Почему следует выделять этапы пенализации? Потому что результаты пенализации не представляют собой единый ряд норм «одинакового ранга». Статья 47 УК РФ, предусматривающая наказание в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, и санкция за преступление, предусмотренное ст. 105 УК РФ, это результаты пенализации. Однако хотяу пенализации в целом, как отмечалось выше, существует общее основание, указанные результаты пенализации наряду с общим имеют и самостоятельные основания. Пенализация общественно опасных деяний в уголовном законе начинается с установления смысла нахождения в нем наказания. Основанием «смыслового» этапа пенализации является, наряду с преступностью опасных деяний, и право государства наказывать. Это базовая («смысловая») стадия пенализации. На ней законодатель конструирует нормы, позволяющие понять, какую роль играет наказание в уголовном праве, за что и для чего оно используется этой отраслью.

В УК РФ значение наказания наиболее отчетливо выражено в ст. 2 УК РФ («Задачи Уголовного кодекса Российской Федерации») и ч. 1 ст. 14 УК РФ («Понятие преступления»). Эти нормы взаимосвязаны: задачи уголовного закона влияют на наказание, а наказание влияет на задачи уголовного закона. (Нормы о значении наказания в действующем уголовном законе – результат компромисса конвенционального (объединяет абсолютные теории построения норм о наказании) и ретрибутивного (относительные) подхода: если норма о задачах уголовного говорит *для чего* используется наказание, то норма о понятии преступления – *за что* применяется наказание. «Смысловой» способ пенализации общественно опасных деяний предопределяет направление и содержание всех следующих за ним способов пенализации в Общей и Особенной части УК, подчиняя их единой парадигме.) В истории нашей страны наказание было средством решения различных задач – и пополнения казны, и устрашения населения, и укрепления действующей армии, и освоения земель, и классовой борьбы и т.д. Безусловно, поставленная задача приспособливает «под себя» содержание средства ее решения. В свою очередь, преступление может влечь разные последствия, но, в первую очередь, оно наказуемо, а потому именно наказание – важнейшее (хоть и не единственное) средство решения задач, стоящих перед уголовным правом. Кроме того, предназначение наказания может кардинально меняться в зависимости от того, является ли оно следствием преступления, или опасного состояния, или «провинности» других лиц. Между тем эти и другие «причины» наказания имели место в истории отечественного уголовного права. Связка же наказания

только с преступлением сужает задачи уголовного закона до охраны только от преступных посягательств.

В чем состоит предназначение наказания, закрепляемое на «смысловой» стадии пенализации? Во-первых, в декларировании наказания как основного средства решения задач уголовного закона. Во-вторых, в отграничении преступного от непроступного, так как законодатель проводит грань между ними именно путем установления наказания за преступные деяния [11]. В-третьих, наказуемость как признак преступления, закрепленный в ст. 14 УК РФ, – это обязательная совокупная оценка всех предусмотренных Особенной частью опасных деяний как заслуживающих уголовного наказания.

Содержание этой негативной оценки раскрывается на следующем этапе пенализации – «содержательном». Основание «содержательного» этапа – необходимость однозначного понимания, что из себя представляет реакция государства на наиболее опасные формы поведения, а также ориентир для законодателя следующего поколения, дабы не помещать в «прокрустово ложе» наказания меры, которые таковыми по своей правовой природе не являются. Здесь устанавливаются объем и пределы понятия уголовного наказания, его цели и существенные свойства. Существенными для уголовного наказания являются такие его свойства, как объективация в мероприятии, государственный характер, возмездность, способность вызывать страдания и направленность на это, выражение осуждения, способность быть лишением, ограничением [8]. Указанные свойства должны находить свое отражение при законодательном определении наказания, что позволяет отличить его от иных средств борьбы с преступностью и мер государственного принуждения.

Далее законодатель переходит к следующей стадии пенализации – конструированию перечня наказаний и его видов. На этом этапе закрепляются конкретные виды уголовных наказаний, их содержание и размеры (ст. 44, 46–59 УК РФ). Его основанием выступает наличие довольно широкого спектра характера и степени общественной опасности преступных деяний, полный охват которого возможен только разными видами наказаний.

Среди требований к «видовому» этапу пенализации – недопустимость дублирования наказаний, закрепление наказаний, для реализации которых имеются необходимые ресурсы (наличие в законе неприменяемых наказаний снижает эффективность системы наказаний, дезориентирует правоприменителя, подрывает авторитет публичной власти), закрепление необходимого и достаточного перечня видов, унифицированный подход к определению конкретных наказаний (так, из 13 закрепленных в УК РФ видов наказаний в шести случаях наказания определяются через содержание (с использованием терминов «...состоит в», «...заключается в»), в четырех случаях – через порядок назначения (с использованием термина «...назначается за»), в трех случаях – через привязку к категории преступления («применяется», «устанавливается», «может быть установлено») и ряд других.

Закрепив перечень наказаний и, нормы о его конкретных видах, законодатель конструирует их систему.

В научной литературе существует довольно объемная дискуссия на тему того, что понимать под системой наказаний. Большинство авторов справедливо не отождествляют перечень наказаний с системой. Сам по себе перечень, даже упорядоченный и предусматривающий расположение от менее репрессивного наказания к более репрессивному, еще не образует систему. Любая совокупность элементов становится системой только когда способна достигать целей, которых не может достичь ни один ее элемент в отдельности, но способны достичь совместно благодаря новым свойствам, возникающим при взаимодействии элементов. Эти новые («эмерджентные») свойства и являются системообразующими, объединяющими элементы в систему. Цель системы наказаний – корректировка объема кары в процессе назначения и исполнения наказания в сторону усиления, уменьшения, либо изменения без усиления или уменьшения. Свойства наказаний, проявляющиеся в результате их «взаимодействия» для достижения цели, делают простой перечень наказаний системой. Например, возможность сложения наказаний, поглощения, замены наказания, зачета, дополнения или сочетания. «Системная» форма пенализации проявляется в таких нормах, как ст. 45, ч. 5 ст. 46, 72, 80 УК РФ). Основанием системы наказаний в таком случае выступает изменчивость (динамика) общественной опасности преступного деяния и лица, его совершившего, а также необходимость соответствия кары таким изменениям. Дискуссионным является вопрос и о том, сложилась ли вообще система наказаний в действующем УК РФ. Так, к существенным недочетам системы В.А. Уткин, в частности, относит «избыточность» ряда уголовных наказаний, использование заведомо неприменимых или неприменяемых наказаний и связанную с этим «девальвацию» закона; несоответствие между легальной и фактической репрессивностью ряда наказаний; неоправданную конкуренцию между наказаниями и сходными мерами уголовно-правового характера; недостаточно конкретное либо неполное определение содержания, оснований назначения и порядка исчисления сроков ряда наказаний и ряд других [12]. По мнению А.В. Шеслера, перечень и содержание системы в настоящее время не всегда юридически и социально обусловлены, нарушено требование усиления суровости наказаний в их перечне, отсутствует законодательное закрепление карательной сущности наказания, что, в свою очередь привело к непоследовательной гуманизации уголовного закона [13]. Некоторые авторы, напротив, полагают уголовные наказания, закрепленные в действующем законе, полноценной системой, отвечающей всем необходимым признакам [14].

О важности указанного этапа пенализации свидетельствует тот факт, что оптимизация системы и содержания основных уголовных наказаний, а также разработка обособленной системы дополнительных наказаний, согласованной с системой иных мер уголовно-правового характера, является одним из направлений совершенствования российского уголовного законодательства Концепции уголовно-правовой политики Российской Федерации, подготовленной рабочей группой Общественной палаты по действию реформам правосудия [15].

Пенализация опасных деяний в Особенной части УК РФ – её самостоятельный этап, реализуемый установлением санкций статей. Основанием «санкционного» этапа следует признать уголовную противоправность конкретного общественно опасного деяния. Действительно, объяснением существования уголовного наказания в санкциях Особенной части УК может служить только предусмотренность деяния в уголовном законе.

Приведенные этапы пенализации выдерживают изложенную очередность только при первоначальном конструировании всего уголовного закона, так как каждый последующий этап обусловлен предыдущими. В дальнейшем же они хоть и сохраняют обусловленность, могут осуществляться каждый в отдельности, самостоятельно, в зависимости от конкретных нужд уголовно-правовой политики.

Список источников

1. Коробеев А.И. О понятии криминализации и декриминализации // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1988. С. 31–36.
2. Прокументов Л.М. Роль и место криминализации и декриминализации деяний в системе правовых наук // Проблемы теории наказания и уголовно-исполнительного права / под ред. В.А. Уткина. Томск, 2003. С. 22–26.
3. Галиакбаров Р.Р. Проблемы криминализации многосубъектных общественно опасных деяний // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. Омск, 1980. С. 40–51.
4. Основания уголовно-правового запрета. М., 1982. 303 с.
5. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001. 798 с.
6. Дворянсков И.В. Эффективность альтернативных наказаний. М., 2004. 96 с.
7. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика. Владивосток, 1987. 267 с.
8. Валеев М.Т. Свойства уголовного наказания в свете теории пенализации. Томск, 2006. 167 с.
9. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний. Томск, 2018. 239 с.
10. Валеев М.Т. Развитие способов пенализации в отечественном уголовном законодательстве. М., 2023. 152 с.
11. Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М., 1948. 311 с.
12. Уткин В.А. Некоторые проблемы системы уголовных наказаний и их применения // Вестник Кузбасского института. 2014. № 2. С. 9–11.
13. Шеслер А.В. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации об уголовных наказаниях // Вестник Кузбасского института. 2015. № 3. С. 130–132.
14. Розенко С.В. Тенденции развития системы наказания в российском уголовном законодательстве // Вестник Югорского государственного университета. 2015. Вып. 38. С. 225–227.
15. Концепция уголовно-правовой политики Российской Федерации. URL: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/newsitem/17889> (дата обращения: 20.04.2024).

References

1. Korobeev, A.I. (1988) O ponyatii kriminalizatsii i dekriminalizatsii [On the concept of criminalization and decriminalization]. In: Filimonov, V.D. (ed.) *Aktual'nye pravovye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Current legal issues of combating crime]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 31–36.
2. Prokumentov, L.M. (2003) Rol' i mesto kriminalizatsii i dekriminalizatsii deyaniy v sisteme pravovykh nauk [The role and place of criminalization and decriminalization of acts in the system of legal sciences]. In: Utkin, V.A. (ed.) *Problemy teorii nakazaniya i ugolovno-ispolnitel'nogo prava* [Problems of the Theory of Punishment and Criminal-Executive Law]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 22–26.
3. Galiakbarov, R.R. (1980) Problemy kriminalizatsii mnogosub'ektnykh obshchestvenno opasnykh deyaniy [Problems of criminalization of multi-subject socially dangerous acts]. In: Zamoskovtsev, P.V. et al. (eds) *Aktual'nye problemy kriminalizatsii i dekriminalizatsii obshchestvenno opasnykh deyaniy* [Current problems of criminalization and decriminalization of socially dangerous acts]. Omsk: [s.n.]. pp. 40–51.
4. Dageĭ, P.S. et al. (1982) *Osnovaniya ugolovno-pravovogo zapreta* [Grounds for criminal-legal prohibition]. Moscow: Nauka.
5. Tagantsev, N.S. (2001) *Russkoe ugolovnoe parvo* [Russian Criminal Law]. Vol. 1. Tula: Aftograf.
6. Dvoryanskov, I.V. (2004) *Effektivnost' al'ternativnykh nakazaniy* [Effectiveness of alternative punishments]. Moscow: Yuniti.
7. Korobeev, A.I. (1987) *Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika* [Soviet Criminal-Legal Policy]. Vladivostok: Far Eastern University.
8. Valeev, M.T. (2006) *Svoystva ugolovnogo nakazaniya v svete teorii penalizatsii* [Properties of Criminal Punishment in Light of the Theory of Penalization]. Tomsk: [s.n.].
9. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugolovnykh nakazaniy* [Problems of the Theory of Criminal Punishments]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Valeev, M.T. (2023) *Razvitie sposobov penalizatsii v otechestvennom ugolovnom zakonodatel'stve* [Development of penalization methods in domestic criminal legislation]. Moscow: Yurlitinform.
11. Durmanov, N.D. (1948) *Ponyatie prestupleniya* [The Concept of Crime]. Moscow: USSR AS.
12. Utkin, V.A. (2014) Nekotorye problemy sistemy ugolovnykh nakazaniy i ikh primeneniya [Some problems of the system of criminal penalties and their application]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 2. pp. 9–11.
13. Shesler, A.V. (2015) Kontseptsiya ugolovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii ob ugolovnykh nakazaniyakh [The concept of the criminal-legal policy of the Russian Federation on criminal penalties]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*. 3. pp. 130–132.
14. Rozenko, S.V. (2015) Tendentsii razvitiya sistemy nakazaniya v rossiyskom ugolovnom zakonodatel'stve [Trends in the development of the punishment system in the Russian Criminal Code]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 38. pp. 225–227.

15. Public Chamber of the Russian Federation. (n.d.) *Kontsepsiya ugovovno-pravovoy politiki Rossiyskoy Federatsii* [The concept of the criminal-legal policy of the Russian Federation]. [Online] Available from: <https://www.oprf.ru/ru/discussions/newsitem/17889> (Accessed: 20th April 2024).

Информация об авторе:

Валеев М.Т. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: mtv666@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

M.T. Valeev, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Penal Law and Criminology, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mtv666@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.241

doi: 10.17223/23088451/23/2

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РФ: НОВОЕ РЕШЕНИЕ СТАРОЙ ПРОБЛЕМЫ

Павел Александрович Григорьев¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, pav96gri@yandex.ru*

Аннотация. Представлены актуальные проблемы правового регулирования смертной казни в РФ. Исследуются различные аспекты так называемого моратория Конституционного Суда РФ на применение смертной казни, рассмотрены прошлые законодательные инициативы, касающиеся этого вида наказания. На основании проведенного исследования сделан вывод о необходимости внесения в уголовное и уголовно-исполнительное законодательство РФ изменений, направленных на полное исключение норм о смертной казни.

Ключевые слова: мораторий, смертная казнь, уголовное наказание

Для цитирования: Григорьев П.А. Смертная казнь в уголовном праве РФ: новое решение старой проблемы // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 10–16. doi: 10.17223/23088451/23/2

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/2

DEATH PENALTY IN THE CRIMINAL LAW OF THE RUSSIAN FEDERATION: A NEW SOLUTION TO AN OLD PROBLEM

Pavel A. Grigoriev¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, pav96gri@yandex.ru*

Abstract. This article focuses on the problems of legal regulation of the death penalty after the withdrawal of the Russian Federation from the Council of Europe and contains conclusions aimed at preserving and further regulating the moratorium of the Constitutional Court, which limited the application of this punishment. The author concludes that it is necessary to amend the legislation to make the norms on the appointment and execution of the death penalty void. The article is relevant, since the international events from 2022 onwards have escalated the discussion on the death penalty in Russian national law. The opposing viewpoints and regularly voiced doubts about the legal force of the moratorium of the Constitutional Court of the Russian Federation confirm that the problem remains unresolved and urgent. The topic of the death penalty and its regulation has long been in the focus of research. Its various aspects have been studied by Yana Yu. Vasilieva, Aleksey I. Rarog, Vasilij A. Tirranen and others. However, the transformation of the Russian criminal law has outlined the lack of research based on current realities. The author studies the public relations regarding the death penalty, regulated by the norms of law of the Russian Federation, namely, the norms of the Constitution of the Russian Federation, of international law, provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, and the Penal Code of the Russian Federation, as well as lawmaking of the Constitutional Court of the Russian Federation. The study was conducted using general and specific scientific (including legal) methods. The key method is formal-legal. Though not divided into parts, the article has an internal structure. It opens with the stated question, relevance and description of main approaches to the solution. The main part includes arguments in favor of amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation, which would result in excluding the death penalty from the current legislation altogether. The article ends with a brief summary of the research. The conclusions may serve as a basis for amending the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Code of the Russian Federation. In addition, the provisions of the article may be the basis for future scientific research on the death penalty.

Keywords: moratorium, death penalty, criminal punishment

For citation: Grigoriev, P.A. (2024) Death penalty in the criminal law of the Russian Federation: A new solution to an old problem. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 10–16. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/2

Начиная с 2022 г., ознаменовавшегося многочисленными событиями на международной арене, в РФ резко интенсифицировалась дискуссия о таком исключительном виде наказания, как смертная казнь.

В последние два года дискуссия ведется с новой силой, она охватила буквально все части общества – политические элиты, судебское сообщество, ученых-правоведов, рядовых граждан и т.д. В публичном простран-

стве устами отдельных государственных и общественных деятелей озвучиваются одиозные призывы как можно скорее отменить мораторий на применение смертной казни и начать наказывать особо опасных преступников «по высшей мере». Пока одни сторонники смертной казни утверждают, что с 2022 г. «моратория у нас не существует» [1], иные проponentы этого наказания подходят к аргументации более формально и детально – через отсылки к отсутствию у РФ международных обязательств в рамках Совета Европы, что в конечном счете нивелирует мораторий [2].

Не стоит в стороне сообщество ученых-юристов, в особенности та его часть, которая специализируется на уголовно-правовых и криминологических направлениях науки права. Менее чем за два года свет увидел ряд научных публикаций по теме смертной казни, в которых содержатся как идеи о дальнейшем недопущении смертной казни (таких работ, стоит заметить, меньшинство), так и призывы восстановить практику применения этого наказания (подобных публикаций значительно больше). К примеру, в одной из статей в поддержку смертной казни сформулирован, на наш взгляд, крайне противоречивый вывод, что «налицо формирование всех предпосылок, позволяющих отменить мораторий на смертную казнь, что позволит восстановить социальную справедливость, а также будет соответствовать всем целям уголовного наказания» [3. С. 128].

Полагаем, что подобные взгляды во многом являются следствием чрезмерно позитивистского и формального подхода к исследованию проблемы. Такой подход может подразумевать отказ от ценной исследовательской методологии (в данном случае – игнорирование историко-правового метода, а также пренебрежение статистическим методом). Смертная казнь не может рассматриваться вне социальных, исторических и культурных контекстов, поскольку она является феноменом, содержащим значительный морально-этический и исторический компоненты. Пренебрежение данными обстоятельствами – прямой путь к фроммовской некрофилии в праве, в законодательном процессе и, наконец, в общественной жизни, что приведет к прямому противоречию с важнейшими охраняемыми законом ценностями (жизнь, личная неприкосновенность и иные). В отечественной науке философский термин «некрофилия» возникает в некоторых правовых исследованиях. К примеру, Ю.М. Антонян оперирует данным термином в работах, посвященных тоталитарной преступности [4. С. 244].

Более широкое исследование проблемы с фокусом внимания на статистических данных и на практике применения смертной казни в исторической ретроспективе приводило бы ученых – сторонников смертной казни – к диаметрально противоположным выводам. Только по официальной статистике в СССР за 1918–1958 гг. из 4 806 427 осужденных по политическим мотивам 839 772 были приговорены к расстрелу, а наиболее трагичными стали 1937 г. (353 074 смертных приговора) и 1938 г. (328 618 смертных приговоров – подобные числа вполне сопоставимы с данными о численности населения крупных региональных городов) [5. С. 87–88]. Затруднительно понять, как при подобной исторической

фактуре смертная казнь в отечественном праве до сих пор может иметь сторонников, особенно в научной среде.

В продолжающейся сейчас полемике очень к месту крылатая фраза «все новое – это хорошо забытое старое». Призывы начать (или возобновить) «ставить к стенке» еще задолго до 2022 г. переходили на высокий уровень практического воплощения. В 2005 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 230074-4 с говорящим названием «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации» [6]. Инициаторы законопроекта предлагали «отменить в Российской Федерации мораторий на исполнение наказания в виде смертной казни» со дня вступления закона в силу. Законопроект получил критические замечания в отзыве Правительства РФ, которое в числе прочего указывало на неверное оперирование терминологией в тексте. Не поддержал законопроект и Комитет Государственной Думы по государственному строительству и законодательству. Спустя почти 13 лет после инициирования, в 2018 г., законопроект был окончательно отклонен и снят с рассмотрения. И хотя в 2005 г. дискуссия об отмене моратория не получила широкого публичного освещения, уже само по себе периодическое возвращение к этой проблеме свидетельствует о том, что она так и не разрешена окончательно.

Считаем, что в незавершенной полемике о смертной казни в РФ должна быть наконец поставлена точка. Эту дискуссию следует завершить однозначным выводом о недопустимости реставрации высшей меры наказания в отечественной правовой системе. Дальнейшее неприменение смертной казни представляется единственным правомерным решением в существующих реалиях. Предлагаемое решение основывается отнюдь не на морально-этических и эмоциональных аргументах, а имеет под собой ясные обстоятельства юридического характера:

1) действующий мораторий Конституционного Суда РФ на применение смертной казни лишь отчасти обусловлен международными обязательствами РФ, и выход РФ из Совета Европы не является неизбежной предпосылкой для отмены моратория;

2) дальнейшим решением проблемы смертной казни может и должно стать внесение изменений в ст. 59 (и в некоторые статьи Особенной части) Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ [7] (УК РФ) и в главу 23 Уголовно-исполнительного кодекса РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ [8] (далее – УИК РФ) с опорой на нормы ч. 2 ст. 20 Конституции РФ [9];

3) восстановление практики применения смертной казни идет вразрез с курсом на гуманизацию уголовного права и противоречит одному из основных начал уголовного законодательства РФ – принципу гуманизма.

Рассмотрим приведенные доводы более подробно.

Во-первых, изменения в международных обязательствах России, произошедшие в 2022 г., выразившиеся в выходе нашей страны из договоров Совета Европы, не могут и не должны обусловить отмену двух актов Конституционного Суда РФ, оформивших так называемый

мораторий на применение смертной казни. Действительно, и Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П [10] (далее – Постановление 1999 г.), и Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р [11] (далее – Определение 2009 г.) в части положений о смертной казни содержат многочисленные ссылки на Протокол № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [12] (далее – Протокол № 6 и ЕКПЧ) и иные документы международно-правового характера. Конституционный Суд РФ также неоднократно ссылался в этих актах на факт участия нашей страны в Совете Европы.

Вместе с тем основные выводы Конституционного Суда РФ относятся к внутринациональному праву и практике его применения, а международно-правовая аргументация содержательно второстепенна. Конституционный Суд РФ прямо утверждает, что Протокол № 6 не был ратифицирован и не стал частью российского права. В России, указывается в п. 7 Определения 2009 г., на основе Конституции РФ и конкретизирующих ее правовых актов смертная казнь как наказание уже длительное время не назначается и не исполняется. В результате столь продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни, резюмирует Конституционный Суд РФ.

В.Д. Зорькин, председатель Конституционного Суда РФ, в своем выступлении на X Всероссийском съезде судей, комментируя призывы отменить мораторий на применение смертной казни, справедливо отмечал, что в России сложился «конституционно-правовой режим, в рамках которого граждане получили право не быть приговоренными к смертной казни». В своем выступлении В.Д. Зорькин обозначил идею, что «руководствоваться необходимо этими решениями, а не только указывать на то, что Россия перестала быть стороной ЕКПЧ, выйдя из-под юрисдикции ЕСПЧ» [13].

Однако сам по себе способ закрепления моратория в актах судебного органа действительно вызывает вопросы, касающиеся его формально-правовой корректности. В настоящее время на фоне призывов отменить мораторий эти вопросы дополняются еще и озабоченностью о прочности правовых позиций Конституционного Суда РФ. Встает очень насущный вопрос: могут ли Постановление 1999 г. и Определение 2009 г. утратить юридическое значение, и если да, то насколько легко смертная казнь вернется в правоприменительное поле?

Вынуждены констатировать, что пока в тексте УК РФ и УИК РФ продолжают оставаться нормы о смертной казни, возможность их применения дамокловым мечом нависает над правоприменительной практикой по делам об особо тяжких преступлениях. Еще очевиднее потенциал применения этих норм проявляется на фоне прекращения международно-правовых обязательств РФ по ЕКПЧ. Для возобновления применения смертной казни потребуется только «избавиться» от двух актов Конституционного Суда РФ, насыщенных ссылками на ЕКПЧ.

Чтобы не допустить развития подобного сценария в будущем, решением может стать принятие нового – третьего по счету в рамках моратория (после Постановления 1999 г. и Определения 2009 г.) – акта Конституционного Суда РФ, в котором высший судебный орган подтвердил бы неприменение смертной казни с учетом реалий выхода из Совета Европы в 2022 г. и признал бы все нормы УК РФ и УИК РФ, в которых упоминается смертная казнь, не соответствующими Конституции, рекомендовав федеральному законодателю внести необходимые изменения в законы.

Во-вторых, разумным продолжением правовой регламентации моратория на применение смертной казни в России должна стать реализация положений ч. 2 ст. 20 Конституции РФ в форме федерального законодательства, т.е. через внесение изменений в УК РФ и УИК РФ. Полное исключение этой меры наказания из текста УК РФ и УИК РФ, по нашему мнению, является наиболее оптимальным решением, которое способно поставить точку в многолетней дискуссии.

Рассуждая о внесении изменений в кодексы, нельзя не упомянуть еще раз мораторий Конституционного Суда РФ. Основной проблемой представляется «половинчатый» характер отмены смертной казни через мораторий органа конституционного контроля. Среди ученых распространено мнение, что существующий мораторий носит не вполне законный характер. В.А. Тиранен приходит к выводу, что запрет на применение и назначение судами смертной казни на основании актов Конституционного Суда РФ не соответствует законодательству, а потому нелегитимен [14. С. 52]. Вряд ли можно поспорить и с утверждением В.А. Тиранена, что «единственным препятствием для применения казни на данный момент является политическая воля руководства страны, которая и повлекла за собой принятие такого определения Конституционным Судом» [14. С. 53].

Однако как правильно отменить смертную казнь на законодательном уровне? Полагаем, что в настоящее время возможны два основных пути для законодательной отмены смертной казни в России. Путь первый – конституционно-правовой (условно может быть назван «сложным»), состоящий из внесения изменений в ст. 20 Конституции России. Путь второй – уголовно-правовой (может условно именоваться как «реалистичный»). В соответствии со вторым подходом вносить изменения требуется только в УК РФ и УИК РФ, причем с опорой на ст. 20 Конституции РФ.

Среди некоторых ученых распространено, как мы полагаем, ошибочное убеждение в том, что отмена смертной казни возможна исключительно по сложному пути – через изменение главы 2 Конституции РФ. Такие идеи приводятся, например, в работе В.Н. Яловой, которая считает, что отмена смертной казни не может являться уголовно-правовым решением, поскольку положения об этой мере наказания не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном Конституцией РФ [15. С. 132–133]. Подобной позиции придерживается и А.И. Рарог. Ученый высказывает мнение, что «до тех пор пока действует ст. 20 Конституции РФ, сохранение

смертной казни в системе уголовных наказаний либо отказ от нее – это проблема, которую можно решить только конституционно-правовым путем» [16. С. 666].

Не считаем возможным согласиться с такими выводами ввиду следующего. Так, в ч. 2 ст. 20 Конституции РФ сказано, что «смертная казнь впредь до ее отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания». Получается, что, во-первых, согласно Конституции РФ, смертная казнь может (но не обязательно должна) устанавливаться в федеральном законодательстве. Также из этой же нормы прямо не следует, что отмена смертной казни должна произойти исключительно в рамках конституционно-правового (сложного) пути. Норма ч. 2 ст. 20 Конституции РФ не содержит совершенно никаких ограничений для федерального законодателя (а равно и для Конституционного Суда РФ) по отмене норм УК РФ и УИК РФ о смертной казни. Толкование ч. 2 ст. 20 Конституции РФ позволяет сделать следующее умозаключение: решение вопроса о том, быть или не быть смертной казни, отдается на откуп федеральному законодателю («устанавливаться в федеральном законодательстве»). Поэтому гипотетическое внесение поправок в кодексы не будет противоречить Конституции РФ. Наоборот, принятие федеральным законодателем подобных поправок станет законодательной реализацией конституционно-правовой формулировки «впредь до ее отмены».

Именно такой подход нашел выражение в законопроекте об отмене смертной казни, который был внесен в Государственную Думу группой депутатов в 2001 г. [17]. Указанный законопроект, инициированный, кстати, задолго до окончательного оформления моратория Конституционного Суда РФ, представляется, вероятно, наиболее удачной попыткой решения проблемы смертной казни в российском уголовном праве. Несмотря на очевидные достоинства, законопроект не был полностью избавлен от недостатков (в частности, в тексте законопроекта не были указаны поправки в УИК РФ). Законопроект так и не был принят, история его рассмотрения завершилась в 2023 г., когда он был снят с рассмотрения на основании ч. 4 ст. 114 Регламента Государственной Думы. Согласно ч. 4 ст. 114 Регламента, если законопроект предусматривает внесение изменений в законодательные акты РФ или их отдельные положения, срок действия которых истек либо которые являются утратившими силу, ответственный комитет вносит в Совет Государственной Думы мотивированное предложение о возвращении законопроекта субъекту права законодательной инициативы [18].

В настоящее время общий подход к отмене смертной казни может строиться во многом на опыте этой законодательной инициативы. Как минимум законопроект, несмотря на его отдельные юридико-технические недостатки, предлагал достижимую и реализуемую без каких-либо сложностей формулу для отмены смертной казни.

В-третьих, что касается взаимосвязи норм о смертной казни с иными нормами УК РФ, то возобновление применения этого вида наказания будет идти вразрез с

курсом на гуманизацию уголовного закона. Причем гуманизация рассматривается как на общемировом уровне, так и о национальном праве РФ.

Общеизвестно, что современное законодательство в области уголовного права во многом строится на последовательной гуманизации норм УК РФ. Принимаются законы о поправках в УК РФ, направленные на смягчение уголовной ответственности за совершение отдельных преступлений. Например, в 2023 г. законодатель расширил круг лиц, освобождаемых от уголовного наказания при условии возмещения ущерба [19]. Можно сделать вывод, что гуманизация уголовного права происходит перманентно, и ее интенсивность не понизилась после 2022 г. На фоне подобных, даже точечных и не самых всеохватывающих изменений, вносимых в уголовный закон, возврат к смертной казни перечеркнет большие достижения в части гуманизации УК РФ.

Сторонники смертной казни нередко возражают на аргумент о гуманизации, ссылаясь на опыт зарубежных так называемых развитых правопорядков, под которыми понимаются США, Япония, Сингапур и еще несколько государств, применяющих смертную казнь. Тезис о распространенности смертной казни в таких государствах и в мире в целом довольно легко опровергается статистическими данными.

Стоит заметить, что 2023 г. общемировая тенденция к отмене смертной казни де-юре и на практике продолжилась, о чем свидетельствуют шаги, предпринятые в этом направлении в Малайзии, Кении и Гане [20]. В 2022 г. число стран, практикующих смертную казнь, тоже сокращалось (по сравнению с 2021 г.), таких стран стало на четыре меньше – от смертной казни отказались Казахстан, ЦАР, Папуа-Новая Гвинея и Сьерра-Леоне [21]. Часто приводимый пример США как государства с существующей смертной казнью тоже не идеален. Действительно, в отдельных штатах США смертная казнь сохраняется и применяется, однако общая тенденция последних лет в этой стране свидетельствует об уменьшении случаев исполнения этого наказания.

В 2023 г. в США смертные приговоры исполнялись только в пяти штатах (за год казнено 24 осужденных), и в семи штатах были вынесены смертные приговоры. Последний показатель, как указывается в авторитетных докладах о статистике смертной казни, стал минимальным за последние 20 лет [20]. Есть все основания утверждать, что пример США в контексте рассматриваемой проблемы – это пример государства-аутсайдера, в котором смертная казнь действительно практикуется, но эта практика не является ни масштабной, ни расширяющейся, ни широко поддерживаемой в обществе. Справедливо задать также вопрос: а почему США должны быть авторитетом для РФ по вопросам применения уголовного права и регламентации отдельных видов наказаний?

Актуален в контексте проблемы смертной казни и принцип гуманизма уголовного закона, одним из выражений которого является то, что наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью

причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства (ч. 2 ст. 7 УК РФ).

В сложившейся ситуации, когда высшая мера наказания не применяется длительное время из-за моратория, возврат к лишению жизни осужденных станет существенным отступлением от принципа гуманизма. Сосуществование и практическое воплощение принципа гуманизма и норм о смертной казни в действующем законе ведет к очевидному логическому и юридико-техническому парадоксу, к ситуации, когда отдельные нормы уголовного закона не будут соответствовать его основным принципам.

Таким образом, вновь ставший актуальным в настоящее время спор о смертной казни имеет под собой немало оснований, но он, как и надлежит быть в любом споре, должен завершиться верховенством истинной позиции.

Такая позиция, как мы постарались продемонстрировать, базируется, во-первых, на дальнейшем неприменении смертной казни, а во-вторых, сводится к полной отмене этого вида наказания через принятие федерального закона о внесении изменений в УК РФ и УИК РФ.

Список источников

1. Госдума: смертную казнь можно применять уже сейчас // Вести. 26.02.2022. URL: <https://www.vesti.ru/article/2682290> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Медведев: ограничений для возвращений смертной казни в России больше нет // Ведомости. 25.02.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915143-ogranichenii-dlya-smertnoi-kazni-net> (дата обращения: 15.01.2024).
3. Васильева Я.Ю. Адаптация смертной казни как вида уголовного наказания в условиях современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 10. С. 126–129.
4. Антонян Ю.М. Исследование тоталитаризма. М. : Юрлитинформ, 2016. 320 с.
5. Лунеев В.В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М. : Юрлитинформ, 2014. 320 с.
6. Законопроект № 230074-4 «Об отмене моратория на исполнение наказания в виде смертной казни в Российской Федерации» (внесен 28.10.2005) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4> (дата обращения: 18.01.2024).
7. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
8. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08.01.1997 № 1-ФЗ // СЗ РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
9. Конституция РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР””, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях” в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 6. Ст. 867.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года “О порядке введения в действие Закона Российской Федерации “О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР””, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.
12. Европейская конвенция по правам человека (изм. и доп. Протоколами № 11, 14 и 15, в сопр. Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16) от 04.11.1950 // ЕСПЧ. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (дата обращения: 10.01.2024).
13. Зорькин назвал невозможной смертную казнь при нынешней Конституции // РБК. 29.11.2022. URL: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2022/6385f2d99a794722e91b4329> (дата обращения: 10.01.2024).
14. Тирранен В.А. Высшие меры уголовного наказания: новое слово в старом споре. М. : Юрлитинформ, 2013. 184 с.
15. Яловая В.Н. Смертная казнь в уголовном праве России. М. : Юрлитинформ, 2010. 160 с.
16. Рарог А.И. Еще раз о смертной казни // Всероссийский криминологический журнал. 2022. № 6. С. 661–668.
17. Законопроект № 110694-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (внесен 04.07.2001) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/110694-3#bh_hron (дата обращения: 18.01.2024).
18. Регламент Государственной Думы Федерального Собрания РФ (утв. Постановлением ГД ФС РФ от 22.01.1998 № 2134-П ГД) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 801.
19. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 76.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 14.04.2023 № 116-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2023. № 16. Ст. 2753.
20. The Death Penalty in 2023: Year End Report // Death Penalty Information Center. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/facts-and-research/dpic-reports/dpic-year-end-reports/the-death-penalty-in-2023-year-end-report> (дата обращения: 28.01.2024).
21. Executions Around the World (2022) // Death Penalty Information Center. URL: <https://deathpenaltyinfo.org/policy-issues/international/executions-around-the-world> (дата обращения: 28.01.2024).

References

1. *Vesti*. (2022) Gosduma: smertnuyu kazn' možno primenyat' uzhe seychas [State Duma: The death penalty can be applied now]. 26th February. [Online] Available from: <https://www.vesti.ru/article/2682290> (Accessed: 15th January 2024).
2. *Vedomosti*. (2022) Medvedev: ogranicheniy dlya vozvrashcheniy smertnoy kazni v Rossii bol'she net [Medvedev: There are no more restrictions on the return of the death penalty in Russia]. 25th February. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/25/915143-ogranichenii-dlya-smertnoi-kazni-net> (Accessed: 15th January 2024).
3. Vasilieva, Ya.Yu. (2022) Adaptatsiya smertnoy kazni kak vida ugovornogo nakazaniya v usloviyakh sovremennoy Rossii [Adaptation of the death penalty as a type of criminal punishment in the context of modern Russia]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*. 10. pp. 126–129.
4. Antonyan, Yu.M. (2016) *Issledovanie totalitarizma* [The Study of Totalitarianism]. Moscow: Yurlitinform.
5. Luneev, V.V. (2014) *Istoki i poroki rossiyskogo ugovornogo zakonotvorchestva* [Origins and vices of Russian criminal lawmaking]. Moscow: Yurlitinform.
6. Russian Federation. (2005) *Zakonoproekt № 230074-4 "Ob otmene moratoriya na ispolnenie nakazaniya v vide smertnoy kazni v Rossiyskoy Federatsii" (vnesen 28.10.2005)* [Bill No. 230074-4 "On the abolition of the moratorium on the execution of the death penalty in the Russian Federation" (submitted on October 28, 2005)]. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/230074-4> (Accessed: 18th January 2024).
7. Russian Federation. (1996) Ugolovnyy kodeks RF ot 13.06.1996 № 63-FZ [The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954.
8. Russian Federation. (1997) Ugolovno-ispolnitel'nyy kodeks RF ot 08.01.1997 № 1-FZ [The Penal Code of the Russian Federation of January 8, 1997, No. 1-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 198.
9. Russian Federation. (1993) *Konstitutsiya RF (prinята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)].
10. Russian Federation. (1999) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.02.1999 № 3-P "Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 41 i chasti tret'ey stat'i 42 UPK RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 16 iyulya 1993 goda "O poryadke vvedeniya v deystvie Zakona Rossiyskoy Federatsii "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon RSFSR "O sudoustroystve RSFSR", Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR, Ugolovnyy kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnykh pravonarusheniyakh" v svyazi s zaprosom Moskovskogo gorodskogo suda i zhalobami ryada grazhdan"* [Resolution No. 3-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, On verifying the constitutionality of the provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, Paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of July 16, 1993, On the procedure for putting into effect the Law of the Russian Federation "On Amendments and Supplements to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR", the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses" in connection with the request of the Moscow City Court and the complaints of a number of citizens"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 6. Art. 867.
11. Russian Federation. (2009) *Opreделение Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.11.2009 № 1344-O-R "O raz'yasnenii punkta 5 rezolyutivnoy chasti Postanovleniya Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 2 fevralya 1999 goda N 3-P po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 41 i chasti tret'ey stat'i 42 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa RSFSR, punktov 1 i 2 Postanovleniya Verkhovnogo Soveta Rossiyskoy Federatsii ot 16 iyulya 1993 goda "O poryadke vvedeniya v deystvie Zakona Rossiyskoy Federatsii "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon RSFSR "O sudoustroystve RSFSR", Ugolovno-protsessual'nyy kodeks RSFSR, Ugolovnyy kodeks RSFSR i Kodeks RSFSR ob administrativnykh pravonarusheniyakh"* [Definition No. 1344-O-R of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009, "On the clarification of Paragraph 5 of the operative part of Resolution No. 3-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999, on verifying the constitutionality of the provisions of Article 41 and Part Three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, Paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of 16 July 1993 "On the procedure for putting into effect the Law of the Russian Federation "On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR "On the Judicial System of the RSFSR", the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 48. Art. 5867.
12. ECHR. (1950) *Evropeyskaya konventsia po pravam cheloveka (izm. i dop. Protokolami № 11, 14 i 15, v sopr. Dopolnitel'nogo protokola i Protokolov № 4, 6, 7, 12, 13 i 16) ot 04.11.1950* [European Convention on Human Rights (amended and supplemented by Protocols No. 11, 14 and 15, in addition to the Additional Protocol and Protocols No. 4, 6, 7, 12, 13 and 16) of November 4, 1950]. [Online] Available from: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_rus (Accessed: 10th January 2024).
13. RBK. (2022) *Zor'kin nazval nevozmozhnoy smertnuyu kazn' pri nyneshney Konstitutsii* [Zorkin called the death penalty impossible under the current Constitution]. 29th November. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/29/11/2022/6385f2d99a794722e91b4329> (Accessed: 10th January 2024).
14. Tirranen, V.A. (2013) *Vysshie mery ugovornogo nakazaniya: novoe slovo v starom spore* [Capital measures of criminal punishment: A new word in an old dispute]. Moscow: Yurlitinform.
15. Yalovaya, V.N. (2010) *Smertnaya kazn' v ugovornom prave Rossii* [Death penalty in the criminal law of Russia]. Moscow: Yurlitinform.
16. Rarog, A.I. (2022) *Eshche raz o smertnoy kazni* [Once again about the death penalty]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 6. pp. 661–668.
17. Russian Federation. (2001) *Zakonoproekt № 110694-3 "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" (vnesen 04.07.2001)* [Bill No. 110694-3 "On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation" (submitted on July 4, 2001)]. [Online] Available from: https://sozd.duma.gov.ru/bill/110694-3#bh_hron (Accessed: 18th January 2024).
18. Russian Federation. (1998) *Reglament Gosudarstvennoy Dumy Federal'nogo Sobraniya RF (utv. Postanovleniem GD FS RF ot 22.01.1998 № 2134-II GD)* [Regulations of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation (approved by Resolution No. 2134-II GD of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation dated January 22, 1998)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 7. Art. 801.

19. Russian Federation. (2023) Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'yu 76.1 Ugolovnoy kodeksa Rossiyskoy Federatsii i stat'yu 28.1 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" ot 14.04.2023 № 116-FZ [Federal Law No. 116-FZ "On Amendments to Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and Article 28.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated April 14, 2023]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 16. Art. 2753.
20. Death Penalty Information Center. (n.d.) *The Death Penalty in 2023: Year End Report*. [Online] Available from: <https://deathpenaltyinfo.org/facts-and-research/dpic-reports/dpic-year-end-reports/the-death-penalty-in-2023-year-end-report> (Accessed: 28th January 2024).
21. Death Penalty Information Center. (2022) *Executions Around the World*. [Online] Available from: <https://deathpenaltyinfo.org/policy-issues/international/executions-around-the-world> (Accessed: 28th January 2024).

Информация об авторе:

Григорьев П.А. – преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: pav96gri@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

P.A. Grigoriev, lecturer at the Department of Digital Technology Law and Biolaw, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: pav96gri@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.221.5

doi: 10.17223/23088451/23/3

УГОЛОВНО ЗНАЧИМЫЕ ПРАВОВЫЕ СОСТОЯНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ: НОРМАТИВНАЯ ПРОЕКЦИЯ ОПАСНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ ИЛИ ЕЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ?

Юлия Станиславовна Караваева¹

¹ НИУ ВШЭ-Пермь, Пермь, Россия, IUSKaravaeva@hse.ru

Аннотация. Акцентируя внимание на свойствах деятеля, теория опасного состояния личности, как правило, вызывает негативные ассоциации в науке. Однако обращение к положениям теории показывает, что актуальное сегодня понятие общественной опасности личности преступника зиждется на выводах сторонников ее умеренного направления, что, в частности, позволяет объяснить социальную природу специальных признаков субъекта преступления, представленных правовыми состояниями виновного.

Ключевые слова: опасное состояние личности, правовые состояния

Для цитирования: Караваева Ю.С. Уголовно значимые правовые состояния специального субъекта преступления: нормативная проекция опасного состояния личности или ее общественной опасности? // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 17–24. doi: 10.17223/23088451/23/3

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/3

CRIMINALLY SIGNIFICANT LEGAL STATES OF A SPECIAL SUBJECT OF A CRIME: A NORMATIVE PROJECTION OF A PERSON'S DANGEROUS STATE OR THEIR SOCIAL DANGER?

Yulia S. Karavaeva¹

¹ HSE-Perm, Perm, Russian Federation, IUSKaravaeva@hse.ru

Abstract. Some of the attributes of a special subject of a crime in the Special Part of the Criminal Code are rendered as continuing states, mandatory for the qualification of a crime. The legal nature of such attributes can be studied by referring to the concept of legal states developed within the general theory of law. Today, its proponents recognize legal states as independent types of legal facts acting as a normative projection of people's socially significant states. The Special Part of the current Criminal Code uses some of the corresponding attributes to criminalize acts, for example, the somatic state or intoxication of the liable person, while other attributes are used to differentiate liability, for example, affective states, conviction for a previously committed specific crime, administrative punishment. Each of these states reflects the specific personal characteristics of the liable party at the time of the crime. These characteristics either act as a condition for the crime commission or indicate an increased social danger of the liable person. This kind of understanding risks being criticized from the standpoint of the theory of a dangerous condition of a person, which is unambiguously associated in science with the possibility of bringing to criminal responsibility in connection with the characteristics of the actor, not in relation to a committed act. At the same time, the original sources show two directions within the theory – radical and moderate, with the latter underlying a modern theory of a person's social danger. The identified genetic relationship between a dangerous state and social danger of a person is taken into account to explain the criminogenic nature of criminally significant features-states of a special subject of a crime.

Keywords: dangerous state of person, legal states

For citation: Karavaeva, Yu.S. (2024) Criminally significant legal states of a special subject of a crime: A normative projection of a person's dangerous state or their social danger? *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 17–24. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/3

Часть специальных признаков субъекта преступления, исходя из анализа Особенной части Уголовного кодекса РФ, представляет собой описание специфических для состояний лица, значимых для квалификации совершенного преступления. Речь идет о признаках лица, находящегося в состоянии аффекта (ст. 107, 113 УК РФ), в состоянии опьянения (п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4,

п. «а» ч. 6 ст. 264, ст. 264.1 УК РФ), в особом соматическом состоянии, обусловленном наличием определенного заболевания (ст. 121, 122 УК РФ), в состоянии судимости за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних (ч. 5 ст. 131 УК РФ, ч. 5 ст. 132 УК РФ, ч. 6 ст. 134, ч. 5 ст. 135 УК РФ), в состоянии судимости за ранее совершенное

преступление против безопасности дорожного движения (ч. 2 ст. 264.1 УК РФ, ч. 2 ст. 264.2, ч. 2 ст. 264.3 УК РФ), в состоянии административной наказанности (привлеченности к административной ответственности) (ст. 116.1 УК РФ, ст. 158.1 УК РФ и др.).

В целях понимания природы указанных признаков, полагаем, следует обратиться к понятию правовых состояний, разработанному в рамках теории юридических фактов представителями общей теории права. Однако на правовые последствия пребывания лица в том или ином состоянии в свете его юридически значимого поведения уже обращали внимание ученые дореволюционного этапа развития отечественной правовой науки. В частности, как отмечает В.В. Груздев, отдельные правовые состояния связывались с гражданско-правовыми и уголовно-правовыми последствиями – например, состояние невменяемости и аффекта [1. С. 96]. В дальнейшем внимание ученых фокусировалось вокруг природы правовых состояний в связи с активной дискуссией по вопросу их соотношения с юридическими фактами – в конце концов, преобладающей была признана точка зрения, согласно которой правовые состояния выступают самостоятельной разновидностью последних наряду с действиями и событиями.

На сегодняшний день правовое состояние определяется как «обусловленная социально-культурными устоями жизнедеятельности общества разновидность социального состояния, представляющая собой способ юридического бытия субъектов, объектов или общественных отношений в определенный момент времени и в определенном пространстве, закрепленный в установленном законом порядке» [2. С. 12–14]. По своей природе правовые состояния представляют собой «...юридические факты длительного действия по отношению к тем, которые вызывают одномоментное влияние на общественные отношения. Вследствие этого в большинстве случаев основная их функция состоит в создании потенциальной возможности появления соответствующих прав и обязанностей» [3. С. 25–45].

Специфика уголовно значимых правовых состояний как специальных признаков субъекта преступления обусловлена тем, что, с одной стороны, они отражают фактически имеющие место социальные характеристики личности – особенности соматического или психоэмоционального, психофизиологического состояния, состояния судимости или административной наказанности (привлеченности к административной ответственности). С другой стороны, придание им уголовно-правового значения опосредовано необходимостью их учета в целях привлечения к ответственности или ее дифференциации в связи с их криминогенностью.

Полагаем, что криминогенная природа уголовно значимых правовых состояний, которым законодатель придает значение специальных признаков субъекта преступления, обусловлена взаимосвязью указанных состояний с противоправными действиями (бездействием) виновного: например, если говорить о состоянии аффекта, то оно «...не является причиной выбора преступного поведения, не предрасполагает к совершению преступления... а только стимулирует, ускоряет и облегчает

реализацию внезапно возникшего умысла» [4. С. 66]. Состояние опьянения, характеризующее субъекта ряда неосторожных преступлений против безопасности дорожного движения, свидетельствует, как отмечается в литературе, о «специфике физиологического состояния, когда водитель оказывается не способен в полной мере осознавать значимость своих действий (бездействий), его реакция замедлена, физическая активность снижена, координация движения нарушена» [5. С. 42].

С учетом указанного, значение уголовно значимого правового состояния субъекта в момент совершения преступления с совершенным деянием в механизме преступного поведения сводится к его обусловливанию: наличие указанного состояния выступает необходимым условием совершения преступления.

В свете этого особый интерес вызывают правовые состояния, образованные повторностью противоправного поведения виновного – в науке соответствующие составы преступления именуются преюдициальными, а суть феномена преюдиции связывается со «специфическим рецидивом» [6. С. 4–9]. Так, о характере их связи с вновь совершенным преступлением высказался Конституционный Суд Российской Федерации. В частности, применительно к уголовно-правовой преюдиции отмечается, что «имеющаяся у лица не снятая или не погашенная судимость указывается в качестве относящегося к субъекту преступления квалифицирующего признака состава преступления, антисоциальная природа которого определяется в значительной мере систематичностью преступного поведения лица и порождает особые публично-правовые отношения его с государством, которые при совершении этим лицом новых преступлений служат основанием для оценки его личности и совершенных им преступлений как обладающих повышенной общественной опасностью» [7].

Вместе с тем применительно к административной преюдиции Конституционный Суд Российской Федерации отмечает, что «общественная опасность деяния может быть обусловлена кумулятивным эффектом противоправного посягательства» [8]. Тем не менее наряду с данным тезисом в этом же Постановлении Суд приводит и другую мысль, содержание которой позволяет утверждать об учете специфических асоциальных свойств личности в целях криминализации деяний с признаками административной преюдиции.

Так, отмечается, «повторное (многократное) совершение лицом однородных (аналогичных) административных правонарушений объективно свидетельствует о недостаточности имеющихся административно-правовых средств для результативного противодействия таким деяниям, что вкуче с иными факторами может рассматриваться в качестве конституционно значимой причины для криминализации соответствующих действий (бездействия)» [8].

Таким образом, преюдициальные признаки-состояния связываются с повторным противоправным поведением лица, что само по себе свидетельствует о таких личностных свойствах, наличие которых вызывает необходимость применения более строгих мер воздействия относительно лиц, впервые совершивших соответствующие противоправные деяния.

Учитывая, что данные признаки используются законодателем в целях дифференциации ответственности, в том числе и межотраслевой, их значение для совершенного преступления, на наш взгляд, несколько отличается от иных уголовно значимых правовых состояний субъекта. Ранее мы предположили обуславливающий характер связи между правовыми состояниями и совершенным преступлением, однако для преюдициальных признаков-состояний правильнее, на наш взгляд, говорить о следующей специфике: наличие судимости за ранее совершенное конкретное преступление или административная наказанность (привлеченность к административной ответственности) свидетельствуют о необходимости усиления репрессивного воздействия в связи с повышенной общественной опасностью личности, проявлением чего и выступает вновь совершенное деяние лица, уже привлекавшегося к ответственности. Иными словами, не имеющаяся у лица судимость или административная наказанность выступили условием совершения нового преступления, а такая специфика его нравственно-ценностной составляющей, которая свидетельствует о готовности лица совершить новое деяние, об игнорировании им личного опыта уголовно или административно-правового принудительного воздействия со стороны государства.

Исходя из сказанного, можно предположить, что правовые состояния преюдициальной природы как специальные признаки субъекта преступления отражают такие его социальные личностные свойства, которые свидетельствуют о его готовности к противоправному, в том числе преступному поведению. Как отмечает Д.В. Мирошниченко относительно уголовно-правовой преюдиции, «законодательное использование рецидива в качестве криминообразующего или квалифицирующего признака состава преступления, на наш взгляд, видоизменяет природу рецидива как специфического инструмента наказания, придавая ему качественное значение в виде характеристики личности преступника, важной для квалификации» [9. С. 71–75].

Логично, что приведенные выше позиции Конституционного Суда Российской Федерации о повышенной общественной опасности лица и это предположение рискуют подвергнуться критике за очевидную апелляцию к теории опасного состояния личности, проявившей себя самым негативным образом в отдельные исторические периоды. В свою очередь, это влечет за собой постановку вопроса о том, действительно ли тот факт, что законодатель придает уголовно-правовое значение отдельным видам состояний виновного в момент совершения преступления, свидетельствует о признании им такого лица находящимся в опасном состоянии и учете его в целях криминализации и/или дифференциации ответственности.

Само по себе упоминание об опасном состоянии и соответствующей теории, как правило, сопряжено с критическими замечаниями, чему отдельные ученые находят следующее объяснение: «...стереотипы, о том, что понятия “меры безопасности”, “опасное состояние” связаны с произволом, царящим в лагере империализма, которые перекечевали в советскую правовую науку из

идеологии, сохраняются» [10. С. 41]. Тем не менее предметом критики теории выступает, в первую очередь, вопрос об основании уголовно-правового ограничения прав и свобод индивида. В качестве такого основания противники теории называют склонность лица к совершению преступлений, в силу чего оно представляет повышенную опасность для общества и требует применения особых мер, по существу, мало чем отличающихся от наказания. С учетом умозрительного характера доводов о критериях такой склонности формулируется вывод о заведомом нарушении важнейших прав и свобод граждан в случае введения и дальнейшего применения подобных мер. Как отмечают Е.В. Сафронова и В.Е. Лоба, «в специальной литературе о теории “опасного состояния личности” тиражируется мнение как об одном из самых реакционных изобретений уголовно-правовой теории, означающих на деле отрицание основных институтов уголовного права, игнорирование принципа виновной ответственности за совершенное преступление» [11. С. 10–17].

Вместе с тем внимательное изучение первоисточников – работ представителей теории опасного состояния – показывает, что подобного рода понимание является упрощенным и фиксирует такие ее положения, которые в ходе дальнейшего развития теории трансформировались. Эволюция взглядов представителей социологической школы от крайних до умеренных не только не позволяет отказаться от теории полностью, но и предполагает использование ее положений в целях объяснения правовой природы отдельных институтов уголовного права. В частности, как отмечается, «вряд ли стоит отрицать, что из теории “опасного состояния личности” выросли, например, такие известные доктрины и закону институты, как рецидив преступлений, судимость, принудительные меры медицинского характера и воспитательного воздействия» [12. С. 100–107]. Этот перечень следует дополнить институтом преюдиции в уголовном праве, а дальнейшая его эскалация в уголовном законе и высокой степени дискуссионность сопряженных с ним вопросов обуславливают активное изучение правовой природы данного института, в том числе сквозь призму теории опасного состояния личности. Отсюда обращение к детальному анализу положений последней представляется совершенно необходимым.

Рассматриваемая концепция была предложена представителями социологического подхода, принципиальным положением которого являлся вывод о порождении преступности обществом, что не мешало, тем не менее, осмыслению роли личности и ее свойств, включая врожденные, в целях объяснения преступного поведения. Классическими трудами, раскрывающими содержание теории, можно считать работы А. Принса, Г. Ашаффенбурга, Ф. фон Листа, хотя, как отмечается, впервые термин «опасное состояние личности» был использован сторонником антропологического направления Э. Гарофало [11. С. 10–17]. Среди отечественных правоведов положения теории разрабатывались А.А. Жижиленко, В.Д. Набоковым, Э.Я. Немировским. Анализ работ обозначенных авторов позволяет выделить ряд вопросов, оригинальное решение которых предопределило само по себе возможность оформления идеи об опасном состоянии личности в качестве самостоятельной теории.

Речь идет о понятии опасного состояния, его критериях и значении для применения мер принуждения, а также о природе этих мер и их соотношении с наказанием – эти ключевые моменты образуют каркас теории, а эволюция авторских суждений в данной части предопределяет развитие теории в целом.

Как пишет Г. Ашаффенбург, «всякое преступление есть продукт организации и воспитания, индивидуального фактора, с одной стороны, и социальных отношений, с другой» [13. С. 165]. В отличие от антропологической и классической школ, расставивших акценты либо на деятеле, либо на деянии соответственно, социологическое направление отказалось от их противопоставления друг другу, что позволило сформулировать «компромиссный» подход к проблеме свободы воли индивида. Исходя из подобного понимания, указанный выше автор ставит следующий вопрос: «Если преступления являются результатом не свободной воли человека, а сложного процесса, обусловливаемого, с одной стороны, организацией и развитием мозга, интеллектом и накопленным опытом, эмоциональной возбудимостью, а с другой – внешними обстоятельствами, то по какому праву можем мы делать ответственным преступника за его действия?» [13. С. 193]. Эта же позиция выражается в воззрениях А. Принса, построенных на том, что человеческое поведение есть проявление личности, которая выступает результатом стечения «внутренней» необходимости и «свободы». Судья не может априори в каждом случае рассмотрения дела определить, в какой степени в совершенном преступлении выразилась свободная воля виновного, а в какой – необходимость или унаследованные от предков черты: «Наши современные суды делают то же, что они ставят в вину древним. Они карают преступников, которые являются жертвами сифилиса, алкоголизма, вырождения их родителей» [14. С. 35].

Вместе с тем было бы ошибочным предполагать наличие единодушия в рядах сторонников социологической школы. В частности, описывая дискуссию, сложившуюся в начале прошлого столетия вокруг вопроса об опасном состоянии личности, В.Д. Набоков обозначил два момента, послуживших отправной точкой обсуждения, один из которых звучал следующим образом: «должна ли в основание карательной деятельности государства быть положена оценка опасного состояния личности преступника или же оценка свойства совершенного им преступления?» [15. С. 4]. По большому счету, этот вопрос обозначил два вектора развития теории, которые условно можно назвать умеренным и радикальным.

Специфика преступника, состояние которого признавалось опасным, связывалась с наличием у него, как правило, врожденных качеств, обуславливающих вероятность преступного поведения, либо с определенным образом жизни – например, бродяжничеством, тунеядством, алкоголизмом. Как пишет Г. Ашаффенбург, «склонность к преступлению остается постоянно одинаковой, меняется лишь форма ее проявления в зависимости от времени года и экономических условий» [13. С. 104]. На необходимости учета врожденных свойств

деятеля в судопроизводстве настаивает А. Принс: «Правосудие, таким образом, при определении наказания находит первое прочное основание оценки в свойстве опасности, угрожающей обществу со стороны неизменного уклада индивидуальности виновного». Отсюда «для выбора целесообразных мер нужно обращать большее внимание на постоянное состояние индивида, чем на совершенный поступок» [14. С. 64–72].

Таким образом, опасное состояние представлялось неким делящимся состоянием, имеющим значение решающего криминогенного фактора, подлежащего учету в рамках правосудия. Однако по вопросу о критериях такого состояния в науке единогласие отсутствовало. Так, в рамках развития теории к указанным критериям авторами поначалу относился и факт совершенного деяния, и повторность преступлений, и образ жизни, и привычки, и состояние психического здоровья лица, в целом свидетельствующие о его дефективности. Выделенные критерии легли в основу классификаций опасных преступников с целью последующего ранжирования мер принуждения в зависимости от принадлежности к той или иной группе. Так, Г. Ашаффенбург выделяет семь групп: «1) преступники по небрежности; 2) преступники под влиянием аффекта; 3) случайные преступники; 4) умышленные преступники; 5) преступники-рецидивисты; 6) привычные преступники; 7) профессиональные преступники» [13. С. 167]. А. Принс выделяет «нормальных» преступников и преступников «дефектных», относя последних к социально опасным и предлагая учитывать это обстоятельство в рамках судебной оценки содеянного: «...нормальные совершают в известные моменты поступки, угрожающие общественному порядку, но после этого возвращаются на правильный путь; дефектные остаются ненормальными; они постоянно находятся в состоянии опасном для их непосредственной среды и для общества» [14. С. 88–89]. В конечном итоге подобная логика привела А. Принса к выводу о том, что «преобразования в уголовном праве заставляют нас признавать опасным состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка» [14. С. 131].

Таким образом, опасное состояние здесь понимается как презюмируемое качественное свойство личности вне зависимости от факта совершения деяния – предрасположенность, готовность лица к совершению преступления, что вытекает из его личностных особенностей (например, состояния здоровья) или образа жизни. Столь радикальная позиция повлияла на критическое отношение научного сообщества к теории опасного состояния личности в целом, хотя важно отметить, что разделялась она далеко не всеми представителями. Так, в частности, анализируя труды западных коллег, В.Д. Набоков указывает, что можно выделить две «области, в которых может ставиться вопрос об опасном состоянии: в первой мы имеем дело с преступлениями, в которых проявилось это опасное состояние, определяемое признаками уголовно-юридического характера» [15. С. 30]. К подобного рода признакам ученый относит криминальные мотивы, рецидив, профессионализм,

факт совершения преступления в рамках ассоциации преступников [15. С. 25].

Что касается второй «области», то имеется в виду «опасное состояние, само по себе взятое, не выразившееся в каком-либо посягательстве» [15. С. 30]. Применительно к таким случаям автор делает вывод о непригодности установления данного состояния в целях применения мер социальной защиты.

Умеренной позиции в рассматриваемом вопросе придерживался и другой отечественный правовед – А.А. Жижиленко, в основу своих рассуждений положив «представление не об опасном человеке вообще, а о человеке, учинившем преступное деяние и в силу тех или иных условий признаваемом опасным» [16. С. 5]. В развитии своей позиции ученый выделяет два вида опасности – патологического происхождения и социального. К патологически опасным лицам автор относит «случаи невменяемости или так называемой уменьшенной вменяемости, в частности, имеем в виду преступников-алкоголиков», а к социально опасным – «преступников привычных и преступников-тунеядцев и других антисоциальных субъектов» [16. С. 5]. Важно, что вне зависимости от природы опасности ключевое значение для констатации ее наличия имеет факт совершенного преступного деяния.

Относительно проблемы критериев опасности личности А.А. Жижиленко называет два – «повторность учинения известных деяний», что указывает на «склонности... нетерпимые в общежитии», и «определенные преступления, при которых следует признать, что их учинитель действительно вызывает особенное беспокойство в обществе» [16. С. 7]. Помимо этого, предлагается принимать во внимание связь посягательства «с определенными склонностями данного субъекта, вредными для общества» – в данном случае, как поясняет автор далее, имеется в виду связь с тунеядством, распутством и пьянством [16. С. 8]. Однако, переходя к возможным мерам воздействия на указанных лиц и выделяя среди них наказание и меры социальной охраны, ученый обосновывает не только различия в их правовой природе по целям, основаниям и субъектам применения, а также по содержанию, но и саму по себе возможность применения мер охраны к лицам, еще не совершившим преступные деяния, но «обнаружившим опасность теми или иными своими поступками» [16. С. 28]. Вместе с тем в дальнейших рассуждениях автор все же приходит к выводу о том, что, «поскольку меры охраны обусловлены тем состоянием опасности лица, которое проявилось в факте учинения преступного деяния, применение их имеет смысл до тех пор, как длится самое опасное состояние» [16. С. 38].

Тезис о преступлении как основании применения мер социальной защиты к опасным преступникам разделяется Э.Я. Немировским: «Для применения мер все-таки требуется не одно это состояние, но и совершение преступного деяния, находящегося в связи с ним: эти меры применяются, если преступное деяние вытекает из привычки к преступлению или к праздности, или из болезненной неуравновешенности личности, или из наклонности к злоупотреблению напитками и т.д.» [17.

С. 20]. Исключением из этого правила ученый называет случаи применения лечебных мер, по своей природе относящихся к мерам защиты, хотя, по большому счету, «на практике... эти меры или заменяют наказание... или становятся его продолжением» [17. С. 19]. Опасность личности ученый рассматривает через категорию вины как «преступное настроение» [17. С. 41], с учетом которой ранжирует преступников на эпизодических и хронических, а последних – по «степени глубины преступного настроения» на «а) преступников, имеющих в характере определенные задатки к развитию этого настроения... б) преступников с длительным преступным настроением; в) преступников с упорным, глубоко вкоренившимся преступным настроением... неисправимых» [17. С. 44].

Представляется, что рассмотрение Э.Я. Немировским опасного состояния посредством укоренившегося в уголовном праве термина «вина» есть не что иное, как попытка обосновать теорию с помощью привычного категориального аппарата. По сути же, поименованное виной опасное состояние также признается «константным преступным свойством личности» [17. С. 43], а то, что выглядит как смещение акцентов на психологическую составляющую в преступном поведении, по факту оказывается теми же индивидуальными склонностями – тунеядством, алкоголизмом, душевным заболеванием.

Таким образом, обращение к идеям, высказывавшимся в ходе развития этой теории и закрепленным в первоисточниках, показывает, что, возможно, сегодня имеет место ее демонизация при том, что ряд современных уголовно-правовых институтов, традиционно существующих и активно применяющихся на практике, генетически совершенно точно опирается на эту теорию. Действительно, в рамках умеренного подхода в основе признания лица пребывающим в «опасном состоянии» лежат характеристики, проявившиеся в совершенном деянии – повторном или находящимся в связи с образом жизни виновного, тогда как его отсутствие исключает возможность признания лица таковым. Отмечая проявляющуюся в ходе дискуссий тенденцию «движения от радикальных предложений по широкому применению мер защиты к ограниченному их использованию» [10. С. 14–15], Н.В. Щедрин указывает, что, в конечном итоге, наряду с признанием наличия опасного состояния было также установлено, что необходимым основанием применения мер защиты выступает совершение общественно опасного деяния, в котором опасное состояние проявляется.

Столь подробный экскурс в развитие основных идей теории опасного состояния применительно к вопросу о правовой природе уголовно значимых состояний субъекта преступления позволяет сделать вывод о том, что криминогенность психофизиологических, эмоциональных состояний лица, а также повторного преступного поведения виновного отмечалась учеными и действительно связывалась со склонностью к противоправному поведению. Однако юридическую значимость эта склонность приобретала лишь в связи с совершенным преступлением, которое и выражало опасное состояние личности. Очевидно, что сегодня такая логика применяется для объяснения общественной опасности личности,

тогда как теория опасного состояния однозначно ассоциируется с объективным вменением и применением мер социальной защиты вне зависимости от совершенного преступления. Более того, в науке высказана мысль о том, что теория общественной опасности личности преступника, получившая распространение в «нашей стране», является «разновидностью» теории опасного состояния личности [18. С. 60–62].

На наш взгляд, факт произошедшей «подмены» понятий личности в опасном состоянии и общественно опасной личности предопределен дурной репутацией теории опасного состояния. В связи с этим приведем слова А. Принса о том, что «деяние учиненное может быть, взятое отдельно, менее опасно, чем учинивший его деятель. Наказывать такого виновника за данное нарушение, не принимая во внимание свойств деятеля, может быть приемом совершенно иллюзорным. Для выбора целесообразных мер нужно обращать большее внимание на постоянное состояние индивида, чем на совершенный поступок» [14. С. 71–72]. Рассматривая приведенный тезис в контексте теории опасного состояния личности, мы получаем инструкцию для применения мер защиты общества от лиц, чьи врожденные психофизиологические особенности с большой вероятностью могут проявиться в актах преступного поведения.

Вместе с тем сложно отрицать справедливость этого суждения в части необходимости учитывать индивидуальные особенности личности виновного при судебной оценке им содеянного – эта мысль транслируется современным уголовным законодательством и не вызывает отторжения у большинства ученых. Негативные ассоциации, вызываемые упоминанием теории опасного состояния, нивелируются термином общественной опасности личности преступника, идея которой находит широкую поддержку в науке [19. С. 36–61]. Смысловую генетическую связь этих концепций, тем не менее, отрицать ошибочно, при том что принципиальное их различие связано с тем значением, которое придается совершенному преступному деянию: для констатации общественной опасности личности преступника факт его совершения является единственно определяющим. Как отмечается, «при определении степени общественной опасности учитываются тяжесть причиненных последствий, форма вины, особенности субъекта преступления и ряд других обстоятельств» [20. С. 59]. Действительно, определяемая как совокупность социальных связей и отношений, личность проявляет себя посредством социально значимой деятельности. Следовательно, вывод о ее опасности возможен только лишь в случае совершения виновным общественно опасного деяния, однако полная оценка этой опасности предполагает изучение предкриминального и посткриминального поведения, образа жизни, круга общения и т.д. Как подчеркивает И. Гонгарь, «...нужно признать, что объектом, заключающим, несущим в себе свойство общественной опасности, является именно отдельная личность, обладающая своей индивидуальностью. Деяние, поведение служат только показателем общественной опасности индивида» [21. С. 16–19].

Опасное состояние личности, будучи «продолжительным состоянием индивида» [14. С. 113], предшествует преступному деянию и, в зависимости от принадлежности автора к сторонникам радикального или умеренного подхода, выступает достаточным основанием для ограничения прав и свобод личности либо не является таковым. И во втором случае перед нами не что иное, как характеристика общественной опасности личности, оценка которой, как указывалось выше, основывается на совершенном деянии и предкриминальном и посткриминальном поведении виновного. Однако и сторонник радикального направления теории опасного состояния А. Принс указывал, что «признаки опасного состояния обнаруживаются также предыдущими поступками и справкой о прежней жизни обвиняемого, мотивами и способом совершения поступка, средой и жизненными привычками виновного» [14. С. 113].

Применительно к обозначенному выше вопросу о соотношении уголовно значимых правовых состояний субъекта преступления и опасного состояния личности умеренного направления можно уверенно утверждать о генетической их связи. Отсюда тот факт, что повторность противоправного поведения лица учитывается в целях дифференциации ответственности, выглядит вполне закономерным, равно как и состояние виновного, выступившее условием совершенного деяния в целях привлечения к ответственности. В первом случае лицо демонстрирует готовность нарушать закон, в основе которой лежит специфика ценностно-нравственной составляющей личности, тогда как во втором – объективно существующие, реальные условия для совершения преступления в виде снижения механизмов самоконтроля, наличия венерического заболевания и т.д. Основанием привлечения к ответственности при этом остается совершенное деяние, хотя, например, конструкция состава преступления, предусмотренная ст. 210.1 УК РФ, заставляет задуматься о том, не воплощает ли она на законодательном уровне воззрения сторонников теории опасного состояния личности радикального направления: анализируя основания для привлечения лица к уголовной ответственности по ст. 210.1 УК РФ, В.Н. Борков и Г.Е. Москаленко приходят к выводу о том, что «таким основанием служит особое состояние лица как юридический факт» [22. С. 54–59].

Таким образом, спустя чуть более чем сто лет можно уверенно говорить о том, что отечественная уголовно-правовая наука вновь стоит перед вопросами, которыми задавались в свое время теоретики, обсуждая опасное состояние личности и его значение для привлечения к ответственности.

Одним из поводов к дальнейшему обсуждению является описание законодателем ряда признаков специального субъекта преступления посредством некоторых правовых состояний, обусловленных психофизиологическими, эмоциональными, соматическими свойствами личности или повторным противоправным поведением при наличии судимости или административной наказанности (привлеченности к административной ответственности).

Тщательное изучение трудов ряда представителей теории опасного состояния личности показывает, что в ее рамках сформировалось два направления – умеренное и радикальное с учетом решения вопроса об основании применения принудительных мер воздействия. При этом умеренное направление трансформировалось в теорию общественной опасности личности преступника, актуальной до сих пор на уровне доктрины, зако-

нодательства и правоприменения. Обращение к содержанию уголовно значимых правовых состояний как признаков специального субъекта преступления показывает, что в данном случае законодатель учитывает их криминогенность, проявившуюся в совершенном деянии, в связи с чем использует их в целях криминализации и/или дифференциации уголовной ответственности.

Список источников

1. *Груздев В.В.* Человек и право: исторические, общетеоретические и цивилистические очерки. Кострома : КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. 463 с.
2. *Новикова Ю.С.* Некоторые вопросы разграничения понятий «правовое состояние» и «правовой статус» // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2013. Т. 13, № 3. С. 12–14.
3. *Цуканова Е.Ю.* К вопросу о месте правовых состояний в системе юридических фактов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2020. Т. 24, № 1. С. 25–45.
4. *Назаренко Г.В.* Уголовно-релевантные психические состояния лиц, совершивших преступления и общественно опасные деяния. М. : Ось-89, 2009. 240 с.
5. *Яковлева Е.О.* Личность водителя и ситуация в механизме совершения дорожно-транспортных преступлений. М. : Юрлитинформ, 2016. 190 с.
6. *Незнамова З.А., Незнамов А.В.* Административная преюдиция как критерий криминализации противоправного деяния // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 2. С. 4–9.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3–П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы РФ от 26 мая 2000 года “Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов” в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан». URL: base/consultant.ru (дата обращения: 25.11.2023).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // Российская газета. 2017. 28 февраля. № 41.
9. *Мирошниченко Д.В.* Уголовная преюдиция и рецидив преступлений // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 4 (47). С. 71–75.
10. *Щедрин Н.В.* Введение в правовую теорию мер безопасности. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1999. 180 с.
11. *Сафронова Е.В., Лоба В.Е.* «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 10–17.
12. *Лоба В.Е.* «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского государственного университета. Право. 2013. № 4 (10). С. 100–107.
13. *Ашафенбург Г.* Преступление и борьба с ним: Уголовная психология для врачей, юристов и социологов / сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М. : Инфра-М, 2010. 241 с.
14. *Принс А.* Защита общества и преобразование уголовного права / пер. с фр. Е. Маркеловой ; под ред. и с предисл. Г.С. Фельдштейна. М. : В.И. Знаменский и К, 1912. 157 с.
15. *Набоков В.Д.* Об «опасном» состоянии» преступника как критерии мер социальной защиты: Докл. 8-му Общ. собр. Рус. группы Междунар. союза криминалистов 1910 г. СПб. : Тип. т-ва «Обществ. польза», 1910. 38 с.
16. *Жижиленко А.А.* Меры социальной защиты в отношении опасных преступников: доклад, представленный VIII Съезду Русской группы Международного союза криминалистов. СПб. : Тип. А. Г. Розкина, 1911. 40 с.
17. *Немировский Э.Я.* Меры социальной защиты и наказание в связи с сущностью вины. Петроград : Сенатская тип., 1916. 48 с.
18. *Шабалин Л.И.* О теориях вины // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 1. С. 60–62.
19. *Волженкин Б.В.* Понятие общественной опасности преступника. Характер и степень общественной опасности преступника // Избранные труды по уголовному праву и криминологии (1963–2007). СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 517 с.
20. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : Контракт; Инфра-М, 2008. 560 с.
21. *Гонтарь И.* Категория «общественная опасность» в уголовном праве: онтологический аспект // Уголовное право. 2007. № 1. С. 16–19.
22. *Борков В.Н., Москаленко Г.Е.* Общественно опасное состояние лица как юридический факт и основание ответственности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 1 (88). С. 54–59.

References

1. Gruzdev, V.V. (2010) *Chelovek i pravo: istoricheskie, obshcheteoreticheskie i tsivilisticheskie ocherki* [Human and Law: Historical, General Theoretical and Civilistic Essays]. Kostroma: KSU.
2. Novikova, Yu.S. (2013) Nekotorye voprosy razgraniicheniya ponyatiy “pravovoe sostoyanie” i “pravovoy status” [Some issues of distinction between the concepts of “legal state” and “legal status”]. *Vestnik YuUrGU. Seriya “Pravo.”* 13(3). pp. 12–14.
3. Tsukanova, E.Yu. (2020) K voprosu o meste pravovoykh sostoyaniy v sisteme yuridicheskikh faktov [On the Place of Legal States in the System of Legal Facts]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki.* 24(1). pp. 25–45.
4. Nazarenko, G.V. (2009) *Ugolovno-relevantnye psikhicheskie sostoyaniya lits, sovershivshikh prestupleniya i obshchestvenno opasnyye deyaniya* [Criminally relevant mental states of persons who have committed crimes and socially dangerous acts]. Moscow: Os’-89.

5. Yakovleva, E.O. (2016) *Lichnost' voditelya i situatsiya v mekhanizme soversheniya dorozhno-transportnykh prestupleniy* [Personality of the driver and the situation in the mechanism of committing road traffic crimes]. Moscow: Yurlitin-form.
6. Neznamova, Z.A. & Neznamov, A.V. (2018) Administrativnaya preiuditsiya kak kriteriy kriminalizatsii protivopravnogo deyaniya [Administrative prejudice as a criterion for the criminalization of an illegal act]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 2. pp. 4–9.
7. Russian Federation. (2003) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.03.2003g. №3–P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii, reglamentiruyushchikh pravovye posledstviya sudimosti litsa, neodnokratnosti i retsidiva prestupleniy, a takzhe punktov 1–8 Postanovleniya Gosudarstvennoy Dumy RF ot 26 maya 2000 goda “Ob ob”yavlenii am-nistii v svyazi s 55–letiem Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 godov” v svyazi s zaprosom Ostantinskogo mezhmunitsipal'nogo (rayonnogo) suda goroda Moskvy i zhalobami ryada grazhdan”* [Resolution No. 3-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 19, 2003, On verifying the constitutionality of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the legal consequences of a person's criminal record, repeated and recidivism of crimes, as well as Paragraphs 1-8 of the Resolution of the State Duma of the Russian Federation of May 26, 2000, On declaring an amnesty in connection with the 55th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945 in connection with the request of the Ostantino Inter-Municipal (District) Court of the City of Moscow and complaints of a number of citizens]. [Online] Available from: base/consultant.ru (Accessed: 25th November 2023).
8. Russian Federation. (2017) *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2017 goda № 2-P “Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy stat'i 212.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina I.I. Dadina”* [Resolution No. 2-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017, on verifying the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin]. *Rossiyskaya gazeta*. 28th February.
9. Miroshnichenko, D.V. (2017) Ugolovnaya preiuditsiya i retsidiv prestupleniy [Criminal Prejudice and Recidivism]. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 4(47). pp. 71–75.
10. Shchedrin, N.V. (1999) *Vvedenie v pravovuyu teoriyu mer bezopasnosti* [Introduction to the Legal Theory of Security Measures]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
11. Safronova, E.V. & Loba, V.E. (2014) “Opasnoe sostoyanie lichnosti” kak kriminologicheskaya kategoriya [A “Dangerous State of a Person” as a Criminological Category]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2. pp. 10–17.
12. Loba, V.E. (2013) Prescriptions for crime prevention suggested by the sociological school of criminal law. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 4(10). pp. 100–107. (In Russian).
13. Ashaffenburg, G. (2010) *Prestuplenie i bor'ba s nim: Ugolovnaya psikhologiya dlya vrachey, yuristov i sotsiologov* [Crime and the Fight against It: Criminal Psychology for Doctors, Lawyers, and Sociologists]. Moscow: Infra-M.
14. Prince, A. (1912) *Zashchita obshchestva i preobrazovanie ugolovnogo prava* [Protection of Society and the Transformation of Criminal Law]. Translated from French by E. Markelova. Moscow: V.I. Znamenskiy i K.
15. Nabokov, V.D. (1910) *Ob “opasnom sostoyanii” prestupnika kak kriterii mer sotsial'noy zashchity: Dokl. 8-mu Obshch. sobr. Rus. gruppy Mezhdunar. soyuza kriminalistov 1910 g.* [On the “Dangerous” State of a Criminal as a Criteria for Social Protection Measures: Report to the 8th General Meeting of the Russian Group of the Int. Union of Criminalists, 1910]. St. Petersburg: Obshchestvennaya Pol'za.
16. Zhizhilenko, A.A. (1911) *Mery sotsial'noy zashchity v otnoshenii opasnykh prestupnikov: doklad, predstavlenyy VIII S"ezdu Russkoy gruppy Mezhdunarodnogo soyuza kriminalistov* [Social Protection Measures for Dangerous Criminals: Report Presented to the 8th Congress of the Russian Group of the International Union of Criminalists]. St. Petersburg: A.G. Rozkin.
17. Nemirovskiy, E.Ya. (1916) *Mery sotsial'noy zashchity i nakazanie v svyazi s sushchnost'yu viny* [Social Protection Measures and Punishment in Connection with the Nature of Guilt]. Petrograd: Senatskaya tip.
18. Shabalin, L.I. (2016) O teoriyakh viny [On the Theories of Guilt]. *Rossiyskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*. 1. pp. 60–62.
19. Volzhenkin, B.V. (2008) *Izbrannye trudy po ugolovnomu pravu i kriminologii (1963–2007)* [The Concept of a Criminal's Social Danger. The nature and degree of social danger of a criminal]. St. Petersburg: Yuridicheskiy tsentr Press.
20. Inogamova-Khegay, L.V., Rarog, A.I. & Chuchayev, A.I. (2008) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'* [Criminal law. General part]. Moscow: Kontrakt, Infra-M.
21. Gontar, I. (2007) Kategoriya “obshchestvennaya opasnost'” v ugolovnom prave: ontologicheskii aspekt [The category of “social danger” in criminal law: The ontological aspect]. *Ugolovnoe pravo*. 1. pp. 16–19.
22. Borkov, V.N. & Moskalenko, G.E. (2023) Obshchestvenno opasnoe sostoyanie litsa kak yuridicheskiy fakt i osnovanie otvetstvennosti [Socially dangerous condition of a person as a legal fact and basis for liability]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 1 (88). pp. 54–59.

Информация об авторе:

Караваяева Ю.С. – доцент кафедры гражданского и предпринимательского права НИУ ВШЭ-Пермь, кандидат юридических наук, доцент (Пермь, Россия). E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Yu.S. Karavaeva, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Civil and Business Law, HSE-Perm, (Perm, Russian Federation). E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

The author declares no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Научная статья
УДК 343.5

doi: 10.17223/23088451/23/4

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА СЕМЬИ КАК ЭЛЕМЕНТА ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НА ПРИМЕРЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И БЫВШИХ СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК)

Екатерина Валерьевна Кашкина¹

¹ Федеральное казенное учреждение «Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний», Москва, Россия, 000049@bk.ru

Аннотация. Рассматривается понятие «семья» в рамках существующего на сегодняшний день законодательного закрепления указанной дефиниции в нормативных правовых актах Российской Федерации и бывших союзных республик – Республики Беларусь и Кыргызской Республики. Приведены примеры конституционного закрепления семьи как ценности в Российской Федерации и указанных бывших союзных республик, отображения ее сути и значимости в семейном законодательстве, а также уголовно-правовое обеспечение охраны семьи как в Российской Федерации, так и в Республике Беларусь и Кыргызской Республике. Проведен анализ теоретического освещения проблемы понятия семьи как традиционной российской духовно-нравственной ценности и нормативного обеспечения указанного элемента традиционной ценности. Основываясь на анализе российского и зарубежного законодательства, научной литературы, затрагивающих вопросы нормативного регламентирования уголовно-правовой охраны интересов семьи, автор подчеркнул необходимость изучения понятия «крепкая семья» как элемента традиционных российских духовно-нравственных ценностей, с позиции объекта уголовно-правовой охраны.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, крепкая семья, интересы семьи, объект преступления, уголовно-правовая охрана

Для цитирования: Кашкина Е.В. Уголовно-правовая охрана семьи как элемента традиционных ценностей (на примере законодательства Российской Федерации и бывших союзных республик) // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 25–31. doi: 10.17223/23088451/23/4

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/4

CRIMINAL LAW PROTECTION OF THE FAMILY AS A TRADITIONAL VALUE (A CASE STUDY OF LEGISLATIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND FORMER UNION REPUBLICS)

Ekaterina V. Kashkina¹

¹ Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russian Federation, 000049@bk.ru

Abstract. Traditional Russian spiritual and moral values emphasize a “strong family”, the criteria for which are not defined by law. This gives rise to various interpretations of this traditional value, whether it is a “happy family”, “large family”, “ideal family”, “traditional family” etc. In this regard, we can assume that the notion of a strong family implies a strong, reliable connection between generations, respect for parents, care for elders, and warmth of love of grandparents, which remains with us throughout our lives. Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation contains only four articles that directly relate to the protection of the family, namely Articles 154, 155, 156, and 157 of the Criminal Code of the Russian Federation, which determine the proper performance of duties by family members and authorized bodies. Such regulations do not provide the family with full protection by criminal law, with the exception of Article 157 of the Criminal Code of the Russian Federation “Failure to pay for the maintenance of children or incapacitated parents.” Among the countries whose criminal law provides protection to a strong family are the Republic of Belarus, which provides for liability, for example, for abuse of the rights of a guardian or trustee (Article 176 of the Criminal Code of the Republic of Belarus), the Kyrgyz Republic with its Criminal Code (hereinafter referred to as the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), which provides for liability for the following types of crimes: “Kidnapping a person for the purpose of entering into marriage” (Article 172 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Coercion to enter into de facto marital relations” (Article 173 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Coercion of a person to enter into marriage” (Article 174 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Violation of the law on marriage age during religious ceremonies” (Article 175 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Bigamy or polygamy” (Article 176 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Domestic violence” (Article 177 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Evasion of parental maintenance” (Article 178 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), “Evasion of children from supporting their parents” (Article 179 of the Criminal Code of the Kyrgyz Republic), etc. [27]. In this regard, it is necessary to amend Chapter 20 of the Criminal Code of the Russian Federation. However, the primary role here belongs to

recognizing the family as one of the objects to be protected by criminal law (Article 2 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, strong family, family interests, object of crime, criminal law protection

For citation: Kashkina, E.V. (2024) Criminal law protection of the family as a traditional value (a case study of legislations of the Russian Federation and former Union Republics). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 25–31. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/4

Как известно, 2024 г. в Российской Федерации объявлен Годом семьи [1], торжественный старт которому дал 23 января 2024 г. Владимир Владимирович Путин на Всероссийском форуме «Родные-любимые». Во вступительной речи Глава государства особо подчеркнул, что именно в семье «укоренена наша культура, идентичность, национальный характер. Семья учит, воспитывает, передает традиции...» [2]. В своем вступительном слове Президент Российской Федерации не раз упоминал семейные ценности, которые составляют основу тех национальных российских духовно-нравственных ценностей (далее – традиционные ценности), благодаря которым сформировалась и продолжает развиваться Россия как самобытное государство-цивилизация [3]. Обозначенные нами традиционные ценности, лежащие в плоскости нравственности, упоминались в документах стратегического планирования, однако впервые нашли отражение в законодательстве благодаря указу Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 (далее – Указ № 809) [4], где крепкая семья признана одним из элементов традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Ключевым приоритетом для государства, как следует из документов стратегического планирования, является сохранение и укрепление традиционных ценностей, вследствие чего можно предположить, что элементы, образующие упомянутые ценности, являются объектами государственно-правовой защиты. Это умозаключение находит подтверждение в словах В.В. Путина: «...институт семьи, наши традиционные ценности находятся на первом месте. Они находятся у нас под защитой государства, закреплены в соответствующих статьях Конституции России» [2].

Парадоксально выглядит то, что Конституция Российской Федерации не содержит определения семьи. Одновременно с этим сам термин «семья» и связанные с ним термины употребляются в тексте Основного Закона [5. С. 58]. Так, в отношении семьи Конституцией РФ гарантируется государственная поддержка и ее защита, создание условий для достойного воспитания детей в семье (ст. 38, п. «ж» ч. 1 ст. 72), чему вторит ч. 1 ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) – семья, материнство, отцовство и детство в Российской Федерации находятся под защитой государства. Очевидно, подобное положение вторит нормам международных правовых актов, а именно во: Всеобщей декларации прав человека сказано, что семья имеет право на защиту со стороны общества и государства (ч. 3 ст. 16) [6], а также Международному пакту о гражданских и политических правах (ч. 1 ст. 23) [7]. Как мы видим, государству вменена обязанность по защите семьи, что установлено нормами российского и междуна-

родного законодательства. В то же время ряд иностранных государств в своем национальном законодательстве регламентируют охрану семьи как ценностную основу общества. Так, в ст. 20 Конституции Кыргызской Республики нормативно закреплена приоритетность семьи, детей и старшего поколения: «Семья – основа общества. Семья, отцовство, материнство и детство находятся под охраной общества и государства. Уважение и забота об отце, матери – священный долг детей. Дети – важнейшая ценность Кыргызской Республики» [8]. Как отмечают Н.К. Атабекова, Э.К. Болотбекова, А.А. Урисбаева, новеллой в действующей редакции Конституции Кыргызской Республики явились как положения, определяющие детей ценностью государства, гарантирующего их защиту, так и обязанность детей, в качестве священного долга, уважать и заботиться об отце и матери, что значительно повышает нравственно-этическую ценность конституционных положений [9. С. 109]. СК КР помимо дублирования положений Конституции (ст. 1 СК КР) дает определение семьи – это круг лиц, связанных имущественными и личными неимущественными правами и обязанностями, вытекающими из брака, родства, усыновления или иной формы принятия детей на воспитание и призванными способствовать укреплению и развитию семейных отношений (ст. 2 СК КР) [10].

Мы не зря акцентируем внимание на ранее указанных двух понятиях – «защита» и «охрана», вследствие необходимости понимания существующего различия между ними, где охрана представляется процессом постоянным, а защита, как момент охраны, происходит только тогда, когда имеется нарушение [11. С. 19], что подразумевает различный механизм их осуществления. Исходя из лексического значения терминов, опираясь на Основной закон, получается, что об охране семьи, точнее о ее защите, мы говорим в момент совершения в отношении нее неких противоправных действий (бездействий).

В то же время если более детально рассматривать ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ), то мы увидим, что задачами уголовного законодательства являются охрана всех тех объектов (кроме семьи), которым она гарантирована Основным законом, где, соответственно, семья не входит в этот перечень, о чем упоминалось ранее. Однако охрана столь значимой во всех смыслах «ячейки общества» должна быть реализована на постоянной основе наравне с иными, достойными охраны объектами.

Для достижения обозначенной ранее нами цели включается механизм уголовно-правовой охраны как самый крайний, но самый эффективный на сегодняшний

день. Несмотря на ориентированность уголовной политики на гуманизацию (смягчение уголовных наказаний), приоритетной остается уголовно-правовая охрана семьи, что подтверждается вносимыми в УК РФ изменениями по ужесточению наказаний за отдельные виды преступлений, затрагивающие интересы семьи в целом.

Значимость для государства в особом режиме охраны семьи подтверждена наличием отдельной главы в УК РФ, аккумулирующей в себе все виды преступных посягательств на интересы семьи и несовершеннолетних. Тем не менее анализ научных работ говорит о существовании различных мнений отечественных ученых относительно видового объекта преступлений в главе 20 УК РФ. Первое утверждение, фигурирующее в учебниках Уголовного права середины 1990-х гг., свидетельствует о наличии двух независимых объектов – «интересы семьи» и «интересы несовершеннолетних». Второе бытующее мнение, например Н.В. Гуль, акцентирует внимание на интересах несовершеннолетних, полагая что интересы семьи сводятся к интересам первых. Мы поддерживаем точку зрения ученых, полагающих наличие двух объектов в главе 20 УК РФ. Так, А.Р. Акиев утверждает, что законодатель, формулируя название главы «Преступления против семьи и несовершеннолетних», тем самым сам разграничил объекты на два опосредованных [12. С. 64]. Аналогичного мнения придерживается В.Е. Савельева, полагающая, что объединение преступлений против семьи и несовершеннолетних в одну главу объясняется близостью социальных ценностей, взаимосвязью и целью [13]:

- защиты процесса передачи социального опыта от поколения к поколению;
- сохранения и развития семьи как одного из важнейших институтов, обеспечивающих этот процесс;
- обеспечения нормального, с точки зрения общества и государства, процесса формирования личности ребенка.

При этом, по утверждению И.М. Дудника и Ю.А. Пановой, Общая и Особенная части УК РФ, вследствие невозможности рассматриваемой главы 20 УК РФ в полной мере гарантировать охрану интересов семьи, содержат в себе нормы, усиливающие эти гарантии, например, п. «з» и «п» ч. 1 ст. 63 УК РФ, п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 3 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и др. [14. С. 12]. В то же время Ю.В. Ускова считает целесообразным перенос ст. 134, 13 и 240 УК РФ в главу 20 УК РФ, в следствии сходства в содержании объектов. Впрочем, данная ремарка является неким отступлением от интересующего нас вопроса [15].

В свою очередь мы допускаем наличие назревшей необходимости в разграничении видовых объектов (интересы семьи и интересы несовершеннолетних), ввиду отсутствия связующих признаков у ряда преступлений с понятием семьи как традиционной ценности.

Рассматривая семью, с одной стороны, как объект уголовно-правовой охраны, с другой стороны – как традиционную ценность, в этой связи возникает вопрос, на который необходимо найти ответ законодателю: как говорить о предмете, не получившим законодательное закрепление и, соответственно, осуществлять его охрану?

Известно, что охраняются лишь те объекты, которые обозначены уголовным законом в качестве таковых [11. С. 18], и, как справедливо в этой связи отмечает О.Н. Хужина, «фиксация в современных нормативных правовых актах словосочетаний “традиционная ценность”, “традиционная российская духовно-нравственная ценность” не свидетельствуют о появлении нового объекта правовой охраны» [16. С. 40].

Стоит отметить, что в 2009 г. в своем диссертационном исследовании А.В. Ермолаев, проведя историко-правовой анализ отечественного законодательства в области уголовно-правовой охраны семьи, пришел к выводу, что как номинально, так и фактически семья никогда не существовала в виде объекта уголовно-правовой охраны, а воспринималась отечественным законодателем через семейные права конкретных личностей [17. С. 6]. Как верно указывает П.П. Баранов, по причине сложности юридического определения категории «семья» отраслевой законодатель не стал давать юридического определения семье и сосредоточился на регулировании отдельных, частных проблем, возникающих в ходе регулирования брачно-семейных отношений [5. С. 58].

По прошествии десятилетия, к сожалению, сегодня ситуация остается прежней.

Крепкая семья как элемент традиционных ценностей, согласно Указу № 809, не получила законодательного закрепления. Более того, определение «крепкая семья» не содержит ни один из документов стратегического планирования. На сегодняшний день в нормативных правовых актах отсутствуют критерии определения и степень «крепости», после соблюдения которых мы можем с уверенностью сказать, что данная семья является «крепкой семьей» как традиционная ценность Российской Федерации, регламентированная тем или иным нормативным документом. Подобное вызывает различные интерпретации данной традиционной ценности, будь то «счастливая семья», «многодетная семья», «идеальная семья», «традиционная семья» и т.д.

Логично предположить, что определение семьи мы можем обнаружить в Семейном кодексе Российской Федерации. Тем не менее законодатель не позаботился о нормативном регламентировании понятия «семья» в самом СК РФ, облекая ее в форму юридической конструкции. Исходя из положений семейного законодательства Российской Федерации, мы приходим к выводу, что семья – это построенный на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности добровольный союз мужчины и женщины (по достижении ими брачного возраста), исходя из принципов равенства супругов, содействия благосостоянию и укреплению союза, заботы о благосостоянии и развитии детей, обеспечения приоритетной защиты прав и интересов несовершеннолетних и нетрудоспособных членов семьи. Иными словами, понятие семьи есть законодательно закрепленный собирательный образ, лишенный дефиниции.

Безусловно, согласимся с А.Э. Жалинским и Д.В. Луповым, что уголовное законодательство как наиболее значительно влияющее на права и свободы личности и

общественные отношения должно оперировать конкретными понятиями, чтобы не допустить необоснованного их ограничения и изменения [18. С. 110].

В этой связи заслуживает внимания зарубежный опыт, например, ранее упомянутый Семейный кодекс Кыргызской Республики, имеющий обширный понятийный аппарат, позволяющий в соответствии с буквой закона регулировать брачно-семейные отношения, что также характерно и для Кодекса Республики Беларусь «О семье и браке», где семья определяется как «объединение лиц, связанных между собой моральной и материальной обязанностью и поддержкой, ведением общего хозяйства, правами и обязанностями, вытекающими из брака» (ст. 59), под которым понимается «добровольный союз мужчины и женщины... направленный на создание семьи...» (ст. 12), т.е. четко обозначена цель брака, которая законодательно оформлена для урегулирования правоотношений [19]. Аналогичная цель предусмотрена при заключении брака по российскому законодательству – в нормах, регулирующих расторжение брака (ст. 27 СК РФ).

В июле 2022 г. в Государственную Думу Российской Федерации был направлен Законопроект № 157281-8 с предложением о внесении изменений в СК РФ в части определения понятия «семья», под которой подразумевается общность людей, соединенных отношениями брака, родства, свойства, усыновления (удочерения) и связанных общими семейными традициями и ценностями, взаимными правами и ответственностью друг перед другом [20. С. 88].

Предложенное толкование, полагаем, не особо корректно отображает такой фактор единения (сплоченности) семьи, как «общие семейные традиции». Учитывая многонациональный и многоконфессиональный состав Российской Федерации, различие в мировоззрении, традициях и обрядах, частные случаи не могут быть основой для нормативного регламентирования семейных правоотношений. Если рассматривать семью как традиционную ценность, то ключевым из приведенной дефиниции будет общность людей, связанных общими (общероссийскими) семейными традициями и ценностями, которые, соответственно, должны подлежать охране со стороны государства. Полагаем необходимо перейти от частного к общему и не совершать ошибку, допущенную законодателем, рассматривающим интересы семьи и несовершеннолетних как частный интерес, т.е. интерес отдельной личности, что объясняется отнесением гл. 20 УК РФ к разделу VII «Преступления против личности» [21. С. 4].

Ввиду этого необходимо закрепить в понятии «семья» не «семейные ценности, относящиеся к отдельно взятой семье», а традиционные семейные ценности, основополагающие для всех российских семей, к которым Концепцией государственной семейной политики до 2025 г. относятся:

- ценности брака (добровольный, устойчивый союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния);
- создание семьи;

- рождение и (или) совместное воспитание детей;
- забота и взаимоуважение;
- совместный быт, связанный со взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению.

Может показаться, что перечисленные ценности не в полной мере отражают духовно-нравственную составляющую семьи. Однако, государство в программных документах акцентирует внимание на значимости семьи и тех традиционных семейных ценностей, которые способствуют обеспечению стабильности общества и его прогрессу [22. С. 43], что, соответственно, нуждается не только в социально-экономической поддержке, но и в защите и охране со стороны государства. Можно достаточно детально подойти к вопросу изучения семьи, брака, семейных и традиционных ценностей, что подтверждено в научных трудах. Тем не менее с позиции права, повторимся, уголовно-правовая охрана осуществляется в отношении того, что нормативно закреплено.

Анализ научной литературы свидетельствует о наличии авторских интерпретаций понятия «семья», которые заслуживают законодательного закрепления. Так, А.В. Ермолаев в диссертационном исследовании выносит на обсуждение определение семьи, конструируемое на относящихся к данной «ячейке общества» признаках [17. С. 7, 15]. Интересы семьи В.Л. Андреев видит в качестве охраняемого государством объекта, закрепленного непосредственно в ст. 2 УК РФ в виде следующей формулировки: «Задачами настоящего кодекса являются охрана прав и свобод человека и гражданина, семьи, нормального нравственного и физического развития несовершеннолетних, собственности, общественного порядка, общественной безопасности...» (далее текст статьи без изменений) [23. С. 72].

Для обеспечения уголовно-правовой охраны семьи наиболее подходит, по нашему мнению, предложенная В.Л. Андреевым трактовка объекта данной охраны, в случае закрепления дефиниции семья в СК РФ, аккумулирующей все признаки традиционной ценности. В то же время, например, Уголовный кодекс Республики Беларусь (УК РБ) в ч. 2 ст. 4 содержит разъяснение отдельных терминов, исключаящих двоякое интерпретирование при применении норм уголовного законодательства (близкие родственники, члены семьи, близкие) [24]. В этом случае УК РФ имеет иную конструкцию, отличную от УК РБ, и не предусматривает регламентацию понятийного аппарата, предоставляя на это право иным отраслевым кодексам, за исключением примечаний к конкретной правовой норме.

При этом не следует забывать, что мы говорим о традиционных российских духовно-нравственных ценностях, где, повторимся, акцентируется внимание на таком элементе, как «крепкая семья», критерии которой, о чем мы ранее говорили, законодательно не определены. Подобное вызывает различные интерпретации данного элемента традиционной ценности, будь то «счастливая семья», «многодетная семья», «идеальная семья», «традиционная семья» и т.д. Возвращаясь к приветственному слову главы государства, сказанному на форуме «Родные любимые», допустимо, на наш

взгляд, предположить, что крепкая семья – это «крепкая, надежная связь между поколениями, уважение к родителям, забота о старших, тепло любви бабушек, дедушек, которое остается с нами на всю жизнь». К приведенным словам подойдет взгляд на проблему В.А. Зобова, считающего, что глава 20 УК РФ содержит лишь 4 статьи, которые непосредственно относятся к защите семьи, а именно ст. 154–157 УК РФ, в которых говорится об исполнении членами семьи и уполномоченными органами своих обязанностей в должной мере. Подобная регламентация не обеспечивает полной уголовно-правовой защиты семьи [25. С. 39] в случае прямого толкования вышеприведенных слов Президента Российской Федерации, за исключением ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей». Деяния, подпадающие под действие данной статьи априори рушат звенья одной цепи под названием «преемственность поколений»; как в этой связи справедливо заметил А.В. Агеева, семья – это транслятор фундаментальных ценностей от поколения к поколению [26. С. 16].

Одним из примеров уголовно-правовой охраны крепкой семьи представляются нормы уголовного законодательства Республики Беларусь, предусматривающие ответственность, к примеру, за злоупотребление правами опекуна или попечителя (ст. 176 УК РБ), а также Уголовного кодекса Кыргызской Республики (УК КР), предусматривающего ответственность за следующие виды преступлений: «Похищение лица с целью

вступления в брак» (ст. 172 УК КР), «Принуждение к вступлению в фактические брачные отношения» (ст. 173 УК КР), «Принуждение лица к вступлению в брак» (ст. 174 УК КР), «Нарушение законодательства о брачном возрасте при проведении религиозных обрядов» (ст. 175 УК КР), «Двоеженство или многоженство» (ст. 176 УК КР), «Семейное насилие» (ст. 177 УК КР), «Уклонение родителей от содержания детей» (ст. 178 УК КР), «Уклонение детей от содержания родителей» (ст. 179 УК КР) и т.д. [27].

Изложенный материал позволяет сделать вывод о необходимости внесения изменений и дополнений в главу 20 УК РФ. Однако первостепенную роль здесь должно сыграть признание семьи одним из объектов, подлежащих охране со стороны уголовного законодательства (ст. 2 УК РФ), на что еще в 2001 г. в ходе диссертационного исследования обратила внимание Ю.В. Ускова [15], а также вышеприведенная цитата В.Л. Андреева.

Данное предложение подразумевает под собой отраслевое закрепление понятия семьи как традиционной российской духовно-нравственной ценности, что предполагает необходимость изучения понятия и сущности крепкой семьи как традиционной ценности на основании исследований как в сфере отраслевых наук, так и культурно-религиозного наследия проживающих на территории Российской Федерации многонационального и многоконфессионального населения, объединенного общей многовековой историей.

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49978> (дата обращения: 29.01.2024).
2. Открытие Года семьи в России // Официальный сайт администрации Президента Российской Федерации. 23.01.2024. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297> (дата обращения: 26.01.2024).
3. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Концепция внешней политики Российской Федерации». URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (дата обращения: 21.01.2024).
4. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 26.01.2024).
5. Баранов П.П. Семья как конституционно значимая ценность // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2020. Т. 7, № 2. С. 57–63.
6. Всеобщая декларация прав человека: резолюция 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.01.2024).
7. Международный пакт о гражданских и политических правах: резолюция 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 28.01.2024).
8. Конституция Кыргызской Республик (принята референдумом (всенародным голосованием) 11.04.2021). URL: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (дата обращения: 27.01.2024).
9. Атабекова Н.К., Болотбекова Э.К., Урисбаева А.А. Конституционно-правовая регламентация института семьи: сравнительно-правовое исследование // Образование и право. 2021. № 5. С. 105–112.
10. Семейный кодекс Кыргызской Республики от 30.08.2003 № 201 (в ред. Закона КР от 06.06.2022 № 41). URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327?refId=1163855> (дата обращения: 28.01.2024).
11. Бондаренко В.Е. Основание уголовно-правовой охраны и ее прекращение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 34 с.
12. Акиев А.Р. Структура главы о преступлениях против семьи и несовершеннолетних // Юрист-Правоведь. 2017. № 2 (81). С. 64–70.
13. Савельева В.Е. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних на современном этапе // Материалы VII Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013202?ysclid=lr1k82rax914259672> (дата обращения: 28.01.2024).
14. Дудник И.М., Панова Ю.А. Семья как объект уголовно-правовой охраны // Актуальные проблемы права и экономики : сборник науч. тр. Саратов, 2017. С. 11–14.
15. Ускова Ю.В. Уголовно-правовая охрана семьи : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2001. 216 с.
16. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–43.

17. Ермолаев А.В. Уголовная ответственность за преступления против семьи: проблемы законодательной регламентации и правоприменения и пути их разрешения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. 26 с.
18. Лулов Д.В. О понятии выполнения общественного долга // Труды Академии МВД России. 2017. № 1 (41). С. 109–113.
19. Кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 278-З О браке и семье (с изменениями и дополнениями по состоянию на 17.07.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964 (дата обращения: 28.01.2024).
20. Кашкина Е.В. Семейные ценности как элемент гуманизации уголовно-исполнительной системы в рамках работы с осужденными женщинами // Развитие уголовно-исполнительной системы: организационные, правовые и экономические аспекты : сборник материалов междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, Новокузнецк, 25 мая 2023 г.). С. 84–91.
21. Решетникова Г.А. Уголовно-правовая охрана семьи и несовершеннолетних : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 40 с.
22. Елисеева А.А. Семья и семейные ценности: подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3 (136). С. 67–74.
23. Андреев В.Л. Направления реализации уголовной политики в сфере уголовно-правовой охраны интересов семьи и несовершеннолетних // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 1 (49). С. 71–75.
24. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 09.07.1999 № 275-З (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=146;8#pos=146;8 (дата обращения: 28.01.2024).
25. Зобов В.А. Защита института семьи в контексте уголовно-правовой охраны жизни // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19), т. 2. С. 39–40.
26. Агеева А.В. Конституционно-правовой статус семьи в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2014. 254 с.
27. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 127 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 10.10.2023). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=500;-39#pos=500;-39 (дата обращения: 28.01.2024).

References

1. Russian Federation. (2023) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 22.11.2023 № 875 “O provedenii v Rossiyskoy Federatsii Goda sem’i”* [Decree No. 875 of the President of the Russian Federation of November 22, 2023, “On holding the Year of the Family in the Russian Federation”]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49978> (Accessed: 29th January 2024).
2. The President of the Russian Federation. (2024) *Otkrytie Goda sem’i v Rossii* [Opening of the Year of the Family in Russia]. 23rd January. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73297> (Accessed: 26th January 2024).
3. Russian Federation. (2023) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 31.03.2023 № 229 “Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii”* [Decree No. 229 of the President of the Russian Federation of March 31, 2023, “The concept of the foreign policy of the Russian Federation”]. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1860586/ (Accessed: 21st January 2024).
4. Russian Federation. (2022) *Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 09.11.2022 № 809 “Ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey”* [Decree No. 809 of the President of the Russian Federation of November 11, 2022, “On approval of the principles of state policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values”]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (Accessed: 26th January 2024).
5. Baranov, P.P. (2020) *Sem’ya kak konstitutsionno znachimaya tsennost’* [Family as a constitutionally significant entity]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo Federal'nogo Universiteta*. 7(2). pp. 57–63.
6. UNO. (1948) *Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: rezolyutsiya 217 A (III) General'noy Assamblei OON ot 10.12.1948* [General Declaration of Human Rights: Resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of December 10, 1948]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (Accessed: 28th January 2024).
7. UNO. (1966) *Mezhdunarodnyy pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: rezolyutsiya 2200 A (XXI) General'noy Assamblei OON ot 16.12.1966* [International Covenant on Civil and Political Rights: Resolution 2200 A (XXI) of the United Nations General Assembly of December 16, 1966]. [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (Accessed: 28th January 2024).
8. The Kyrgyz Republic. (2021) *Konstitutsiya Kyrgyzskoy Respublik (prinyata referendumom (vsenarodnym golosovaniem). 11.04.2021* [The Constitution of the Kyrgyz Republic (adopted by referendum (all-national vote). April 11, 2021]. [Online] Available from: <https://www.gov.kg/ru/p/constitution> (Accessed: 27th January 2024).
9. Atabekova, N.K., Bolotbekova, E.K. & Urisbaeva, A.A. (2021) *Konstitutsionno-pravovaya reglamentatsiya instituta sem’i: sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitutional and legal regulation of a family institution: A comparative legal study]. *Obrazovanie i pravo*. 5. pp. 105–112.
10. The Kyrgyz Republic. (2003) *Semeynyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 30.08.2003 № 201 (v red. Zakona KR ot 06.06.2022 № 41)* [The Family Code of the Kyrgyz Republic of August 30, 2003, No. 201 (as amended in the Law of KR from June 6, 2022, No. 41)]. [Online] Available from: <https://cbd.minjust.gov.kg/1327?refId=1163855> (Accessed: 28th January 2024).
11. Bondarenko, V.E. (2014) *Osnovanie ugovolno-pravovoy okhrany i ee prekrashchenie* [The basis of criminal law protection and its termination]. Law Cand. Diss. Saratov.
12. Akiev, A.R. (2017) *Struktura glavy o prestupleniyakh protiv sem’i i nesovershennoletnikh* [The structure of the chapter on offenses against families and minors]. *Yurist-Pravoved*. 2(81). pp. 64–70.
13. Savelieva, V.E. (2015) *Ugovolno-pravovaya okhrana sem’i i nesovershennoletnikh na sovremennom etape* [Criminal law protection of family and minors today]. *Studencheskiy nauchnyy forum* [Student Scientific Forum]. Proc. of the 7th International Conference. [Online] Available from: <https://scienceforum.ru/2015/article/2015013202?ysclid=lrxlk82rax914259672> (Accessed: 28th January 2024).
14. Dudnik, I.M. & Panova, Yu.A. (2017) *Sem’ya kak ob’ekt ugovolno-pravovoy okhrany* [Family as an object of criminal law protection]. In: *Aktual'nye problemy prava i ekonomiki* [Current Problems of Law and Economics]. Saratov. pp. 11–14.

15. Uskova, Yu.V. (2001) *Ugolovno-pravovaya okhrana sem'i* [Criminal law protection of the family]. Law Cand. Diss. Krasnodar.
16. Khuzhina, O.N. (2023) Traditsionnye dukhovno-nravstvennye tsennosti v rossiyskom prave: postanovka nauchnoy problem [Traditional spiritual and moral values in Russian law: Formulation of scientific problems]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 3(63). pp. 39–43.
17. Ermolaev, A.V. (2009) *Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya protiv sem'i: problemy zakonodatel'noy reglamentatsii i pravoprimeneniya i puti ikh razresheniya* [Criminal liability for crimes against the family: Problems of legislative regulation and law-enforcement and ways of their resolution]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
18. Lupov, D.V. (2017) O ponyatii vypolneniya obshchestvennogo dolga [On the principles of fulfilling public debt]. *Trudy Akademii MVD Rossii*. 1(41). pp. 109–113.
19. The Republic of Belarus. (1999) *Kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 № 278-Z O brake i sem'e (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 17.07.2023)* [The Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999, No. 278-Z, On marriage and family (as amended and supplemented as of July 17, 2023)]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414964 (Accessed: 28th January 2024).
20. Kashkina, E.V. (2023) Semeynye tsennosti kak element gumanizatsii ugolovno-ispolnitel'noy sistemy v ramkakh raboty s osuzhdennymi zhenshchinami [Family values as an element of humanization of the penal system in the context of work with convicted women]. *Razvitie ugolovno-ispolnitel'noy sistemy: organizatsionnye, pravovye i ekonomicheskie aspekty* [Development of the penal system: Organizational, legal, and economic aspects]. Proc. of the International Conference. Novosibirsk, Novokuznetsk, May 25, 2023. pp. 84–91.
21. Reshetnikova, G.A. (2005) *Ugolovno-pravovaya okhrana sem'i i nesovershennoletnikh* [Criminal law protection of families and minors]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
22. Eliseeva, A.A. (2022) Sem'ya i semeynye tsennosti: podkhody k ponimaniyu v usloviyakh sovremennogo prava [Family and family relations: Steps towards understanding in the conditions of modern law]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 17(3(136)). pp. 67–74.
23. Andreev, V.L. (2011) Napravleniya realizatsii ugolovnoy politiki v sfere ugolovno-pravovoy okhrany interesov sem'i i nesovershennoletnikh [Directions for the implementation of criminal policy in the sphere of criminal law protection of family and adult interests]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. 1(49). pp. 71–75.
24. The Republic of Belarus. (1999) *Ugolovnyy kodeks Respubliki Belarus' ot 09.07.1999 № 275-Z (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 01.10.2023)* [The Criminal Code of the Republic of Belarus of July 9, 1999, No. 275-Z (as amended and supplemented as of October 1, 2023)]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414984&pos=146;8#pos=146;8 (Accessed: 28th January 2024).
25. Zobov, V.A. (2017) Zashchita instituta sem'i v kontekste ugolovno-pravovoy okhrany zhizni [Protection of the family institution in the context of criminal law protection of life]. *Otechestvennaya yurisprudentsiya*. 5-2(19). pp. 39–40.
26. Ageeva, A.V. (2014) *Konstitutsionno-pravovoy status sem'i v Rossiyskoy Federatsii* [Constitutional and legal status of a family in the Russian Federation]. Law Cand. Diss. Omsk.
27. The Kyrgyz Republic. (2023) *Ugolovnyy kodeks Kyrgyzskoy Respubliki ot 28.10.2021 № 127 (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 10.10.2023)* [The Criminal Code of the Kyrgyz Republic of October 28, 2021, No. 127 (as amended and supplemented as of October 10, 2023)]. [Online] Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36675065&pos=500;-39#pos=500;-39 (Accessed: 28th January 2024).

Информация об авторе:

Кашкина Е.В. – доцент, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Федерального казенного учреждения Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний (Москва, Россия). E-mail: 000049@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.V. Kashkina, docent, Cand. Sci. (Law), leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: 000049@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.533

doi: 10.17223/23088451/23/5

К ВОПРОСУ О НАПРАВЛЕНИЯХ ДАЛЬНЕЙШЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ОХРАНЯЮЩЕГО ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Игорь Владиславович Лозинский¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. Проанализированы изменения, внесённые законодателем в главу 22 Уголовного кодекса Российской Федерации в июле 2022 г. – марте 2023 г., которые отражены в Федеральных законах РФ от 14 июля 2022 г. № 345-ФЗ, от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ, от 18 марта 2023 г. № 82-ФЗ. Анализируются, достаточно ли их для решения вопросов дальнейшего совершенствования данной главы. Рассматривается необходимость указанных изменений для решения обозначенного вопроса. Даются предложения о направлениях решения вопроса дальнейшего совершенствования этой главы УК РФ.

Ключевые слова: совершенствование УК РФ, отношения в сфере экономической деятельности

Для цитирования: Лозинский И.В. К вопросу о направлениях дальнейшего совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 32–39. doi: 10.17223/23088451/23/5

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/5

ON FURTHER IMPROVEMENT OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION PROTECTING PUBLIC RELATIONS IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITIES

Igor V. Lozinskiy¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The article aims at analyzing the amendments in Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, which protects public relations in the sphere of economic activities, based on the Federal Laws of the Russian Federation No. 345-FZ of July 14, 2022, No. 78-FZ of March 18, 2023, and No. 82-FZ of March 18, 2023. The author has established that the amendments made by these Laws are not sufficient to improve the Chapter, since they lead to an incomplete improvement. Their introduction has reduced the scope of application of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, since its disposition lost the element of “personal interest”, which could be found in the original version. On the one hand, the reduction is considered correct, since this element of the disposition in the criminal law norm under consideration may also turn out to be “superfluous.” On the other hand, the exclusion of this element from the disposition of Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation may result in a serious legislative gap. In order to correctly resolve the issue of improving Article 200.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, the author has analyzed its disposition. The analysis has shown that the objective side of the act prohibited by the said criminal law norm turned out to be “blurred”, since the legislator gives the same interpretation to its different elements – “abuse” and “violation”, which can lead to problems in applying it in practice. The author argues that further improvement of this criminal law norm requires a precise definition of the following elements of its legislative design – “violation” and “mercenary interest.” At the same time, the introduction of these changes has reduced the maximum term of imprisonment for committing crimes prohibited by Articles 199 – 199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, Article 199.4 of the Criminal Code of the Russian Federation, so it became possible to refuse to initiate criminal cases under these provisions and terminate cases already initiated under them, provided that the liable party pays in full the arrears, penalties, fines, which indicates the “humanization” of criminal legislation protecting public relations in the sphere of economic activities. Also, after the introduction of these amendments, the disposition of Article 189 of the Criminal Code of the Russian Federation became blanket, since its practical application requires reference to the norms of legislation regulating export control. However, these changes are not enough to resolve the issue of improving Article 189 of the Criminal Code of the Russian Federation, since it is unclear in which case it is possible to bring a liable person to justice for committing an act prohibited by it. To resolve this issue, the author proposes to amend its title and disposition by using either connecting or dividing conjunctions. Despite the introduction of the above-mentioned amendments, the issue of further improvement of the criminal legislation protecting public relations in the sphere of economic activities remains unresolved. This is evidenced by the shortcomings of the legislative structure of Articles 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation, 174 of the Criminal Code of the Russian Federation, 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, 178 of the Criminal Code of the Russian Federation, 184 of the Criminal Code of the Russian Federation, 195 of the Criminal Code of the

Russian Federation, and 196 of the Criminal Code of the Russian Federation. When analyzing these norms, the comparison method and the analysis method were used. The analysis has shown that despite the introduced amendments, Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation contains significant legislative gaps – it does not contain provisions for criminal liability for the commission of crimes that represent unfair competition by their legal nature – industrial espionage, discrediting the business reputation of an organization and misleading consumers. The study has also revealed that most of the provisions of the Chapter establish criminal liability for committing acts that, by their legal nature, are not infringements on public relations in the sphere of economic activities. Thus, to further improve the criminal legislation protecting public relations in the designated sphere, the author proposes the criminalization of new acts that, by their legal nature, are forms of unfair competition. The author also considers the decriminalization of acts prohibited by the provisions of Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation, since the economic development, along with the new forms of unfair competition, also presupposes the further “withering away” of some criminal law prohibitions that make up this Chapter. As a way for solving the indicated issue, the author also proposes to “transfer” the norms establishing liability for the commission of acts that, by their legal nature, are not an infringement on public relations in the sphere of economic activities, from Chapter 22 to other Chapters of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: improvement of Criminal Code of the Russian Federation, relations in sphere of economic activities

For citation: Lozinskiy, I.V. (2024) On further improvement of the Criminal Code of the Russian Federation protecting public relations in the sphere of economic activities. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 32–39. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/5

В течение июля 2022 г. – марта 2023 г. охраняющая общественные отношения в сфере экономической деятельности глава 22 Уголовного кодекса РФ в очередной раз подверглась значительным изменениям. Так, Федеральным законом РФ от 14 июля 2022 г. № 345-ФЗ законодателем внесены изменения в ст. 200.4 УК РФ, предусматривающую ответственность за «Злоупотребления в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд». В результате внесения данных изменений из мотивов злоупотреблений как в государственных, так и в муниципальных закупках оказался исключённым такой элемент её первоначальной редакции, как «личная заинтересованность». Таким образом, по сравнению с первоначальной редакцией ст. 200.4 УК РФ, наблюдается «сужение» сферы её действия. По нашему мнению, указанное «сужение» следует рассматривать с различных сторон. С одной стороны, законодатель посредством исключения из диспозиции ст. 200.4 элемента «личная заинтересованность», что привело к рассматриваемому «сужению» сферы её действия, сделал правильный шаг, поскольку этот элемент может оказаться «лишним» в диспозиции указанной нормы. С другой стороны, частичная декриминализация, имеющая место в данной ситуации, может быть и ошибочной, поскольку благодаря ей возможно и появление серьёзного законодательного пробела. Представляется, что для правильного решения как обозначенного вопроса, так и вопросов дальнейшего совершенствования главы 22 УК РФ необходимо проанализировать диспозицию ст. 200.4 УК.

В результате данного анализа следует отметить, что объективная сторона преступления, запрещаемого ст. 200.4, в её действующей редакции фактически оказалась «размытой», поскольку в ней имеет место одинаковое толкование законодателем разных по сути составляющих её элементов, таких как «злоупотребления» и «нарушение». При этом «злоупотребления» рассматриваются только как деяние, которое совершено умышленно, а «нарушение» может рассматриваться как деяние, которое совершено и умышленно, и по неосторожности. Следуя рассматриваемой логике законодателя,

деяние, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 200.4 УК РФ, должно быть совершено виновным лицом только умышленно. Представляется, что в этой ситуации при практическом применении указанной уголовно-правовой нормы могут возникнуть затруднения, поскольку доказать именно умышленный характер деяния, запрещаемого ею, достаточно сложно.

Таким образом, несмотря на рассмотренное внесение законодателем изменений в ст. 200.4 УК РФ, данная норма по-прежнему несовершенна. Представляется, что для дальнейшего совершенствования её необходима точная дефиниция такого элемента законодательной конструкции, как «нарушение», поскольку при отсутствии этой дефиниции возможно произвольное толкование указанного элемента. Также для правильного решения рассматриваемого вопроса необходима точная дефиниция и такого элемента законодательной конструкции диспозиции ст. 200.4 УК, как «корыстная заинтересованность». Необходимо отметить, что применительно к диспозиции ст. 285 УК РФ, устанавливающей ответственность за «злоупотребление должностными полномочиями», имеют место точные дефиниции элементов её законодательной конструкции, аналогичных указанным элементам законодательной конструкции диспозиции ст. 200.4 УК РФ. Одновременно в законодательной конструкции диспозиции ст. 285 имеет место и элемент «иная личная заинтересованность», аналогичный элементу законодательной конструкции ст. 200.4, который исключен законодателем в июле 2022 г. Также имеет место и его точная дефиниция. На наш взгляд, в будущем может возникнуть необходимость вновь частично криминализировать деяние, запрещаемое ст. 200.4 УК, посредством восстановления элемента её законодательной конструкции «из иной личной заинтересованности». При этом для правильного решения вопросов совершенствования данной уголовно-правовой нормы необходимо проведение мониторинга её практического применения.

На основании Федерального закона РФ от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ законодателем внесены изменения и в

ст. 198–199.2, 199.4 УК РФ. В результате стало возможным отказывать в возбуждении уголовных дел по факту совершения преступлений, направленных на уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей, при условии уплаты виновным лицом в полном объёме недоимки, пеней и штрафов. В этой ситуации прекращаются и уже возбуждённые ранее уголовные дела по указанным статьям УК РФ. Одновременно законодателем в новой редакции ст. 199, 199.1, 199.2, 199.4 УК РФ уменьшен максимальный срок наказания в виде лишения свободы за совершение данных преступлений. Теперь за совершение преступлений, предусмотренных ст. 199–199.2 УК, он составляет «до пяти лет», а за совершение преступления, предусмотренного ст. 199.4 УК, – «до трёх лет». Таким образом, в результате рассмотренных изменений имеет место «гуманизация» уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности. О необходимости указанной «гуманизации» заявляли и практические работники [1. С. 116].

На основании Федерального закона РФ от 18 марта 2023 г. № 82-ФЗ изменения внесены в ст. 189 УК РФ. В ее новой редакции привлечение лиц, виновных в совершении предусмотренного ею деяния, к уголовной ответственности возможно тогда, когда указанными лицами осуществляются «незаконные экспорт из Российской Федерации или передача иностранному лицу или его представителю товаров или технологий, вооружения или военной техники, незаконное выполнение работ для иностранного лица или его представителя либо незаконное оказание услуг иностранному лицу или его представителю, в отношении которых заведомо для виновного установлен экспортный контроль, при отсутствии признаков преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена ст. 226.1, 275, 275.1 УК РФ».

Таким образом, в результате внесения законодателем данных изменений рассматриваемая норма приобрела бланкетный характер, поскольку для её применения на практике необходимо обращаться к нормам законодательства, регулирующего экспортный контроль. По нашему мнению, этих изменений недостаточно для решения вопроса совершенствования обозначенной уголовно-правовой нормы, поскольку по-прежнему неясно, в каком случае возможно привлечение к уголовной ответственности виновных лиц: либо только за незаконные экспорт из РФ или передачу иностранному лицу или его представителю «товаров или технологий», либо за незаконные экспорт из РФ или передачу иностранному лицу или его представителю, кроме «товаров и технологий», ещё и «вооружения или военной техники». Одновременно, на наш взгляд, неясно, привлекать к уголовной ответственности по ст. 189 УК возможно, если виновными лицами осуществлён только указанный ранее незаконный экспорт, либо же, кроме данного экспорта, виновными лицами также «незаконно были выполнены работы для иностранного лица или его представителя». О данном недостатке законодательной конструкции обозначенной уголовно-правовой нормы мы уже писали ранее [1. С. 157]. Таким образом, несмотря на внесённые законодателем изменения, ст. 189 УК РФ так и осталась

несовершенной и практически неприменимой. На наш взгляд, для её совершенствования наряду с имеющими место изменениями следует внести изменения и в законодательную конструкцию её заглавия и диспозиции, используя в них либо соединительные, либо разделительные союзы.

Кроме ст. 189, в главе 22 УК РФ можно выделить и иные составляющие её нормы, которые, согласно мнению учёных, также являются несовершенными. Пример тому – ст. 172.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за организацию финансовых пирамид. До криминализации обозначенного деяния организация финансовых пирамид квалифицировалась как разновидность мошенничества, поскольку данная организация «сопровождается обманом вкладчиков, связанным с инвестированием привлекаемых активов в высокодоходные проекты» [2. С. 60]. Проанализировав диспозицию ст. 172.2 УК, можно отметить, что в отличие от мошенничества запрещаемое указанной нормой деяние по своей правовой природе не является мошенничеством, поскольку в законодательной конструкции её диспозиции не содержится элемента «обман», характерного именно для мошенничества. Таким образом, это деяние невозможно рассматривать как разновидность мошенничества. Об этом же свидетельствует и тот факт, что состав преступления, ответственность за совершение которого установлена ст. 172.2 УК РФ, в отличие от мошенничества – формальный. В рассматриваемой ситуации, на наш взгляд, правомерной является точка зрения, согласно которой разграничение мошенничества и организации финансовых пирамид возможно, если в действиях организаторов финансовых пирамид отсутствует характерный для мошенничества обман в любой его форме [2. С. 65]. Одновременно отмечается, что указанная точка зрения получила достаточно широкое распространение на практике [2. С. 65]. Представляется, что для правильного решения вопроса совершенствования ст. 172.2 УК РФ законодателю следует исходить именно из этого. Одновременно для правильного решения обозначенного вопроса необходимо и проведение мониторинга практического применения данной уголовно-правовой нормы.

Как несовершеннолетние в юридической литературе характеризуются и уголовно-правовые нормы, принятые законодателем для борьбы с легализацией денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём (ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых другими лицами преступным путём»; ст. 174.1 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённых лицом в результате совершения им преступления»). Указанное несовершенство, по мнению учёных, заключается в том, что судьями неправильно толкуется основной признак легализации, отмывания – совершение сделок и операций с целью придания правомерного вида владению, пользованию либо распоряжению денежными средствами или иным имуществом, полученными преступным путём. Исходя из этого, применение судьями на практике рассматриваемых уголовно-правовых норм имело место и в случаях,

когда не было доказано направление этих средств именно на их легализацию, что противоречило данному в законе понятию легализации как «комплексу мероприятий, направленных на придание средствам правового статуса». Для правильного применения ст. 174, 174.1 УК судьями должен быть установлен умысел виновных лиц на совершение таких действий [3. С. 14]. Следует также согласиться с тем, что доказать наличие указанного умысла очень сложно, поскольку, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 07 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путём, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путём», в каждом конкретном случае, приняв во внимание все обстоятельства, необходимо установить, что виновным лицом была заведомо совершена либо финансовая операция, либо сделка для придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению денежными средствами или иным имуществом, приобретённым в результате совершения преступления [3. С. 15]. Таким образом, несмотря на некоторые шаги, принятые законодателем для совершенствования рассмотренных уголовно-правовых норм, они по-прежнему несовершенны. Представляется, что для их совершенствования, аналогично ст. 172.2 УК РФ, необходимо проведение мониторинга применения на практике и ст. 174–174.1 УК РФ.

Достаточно сложной для адресатов является и ст. 178 УК РФ, устанавливающая ответственность за «Ограничение конкуренции». Нами ранее упоминалось о важности конкуренции, представляющей собой «нерв» предпринимательских отношений [1. С. 51]. Несмотря на это, действующая редакция ст. 178 не способствует эффективной борьбе с ограничениями конкуренции. Причина этого – отсутствие законодательного определения понятия «ограничения конкуренции» [4. С. 61]. Необходимо принять во внимание, что рассматриваемая норма, как и большинство норм, составляющих главу 22 УК РФ, имеет бланкетную диспозицию. Для уяснения правовой природы деяния, запрещаемого этой уголовно-правовой нормой, следует обратиться к положениям Федерального закона РФ «О защите конкуренции» в части толкования ограничения конкуренции. Однако в указанном Законе отражены лишь некоторые признаки данного «ограничения», что позволяет толковать обозначенный элемент достаточно произвольно [4. С. 62]. Таким образом, для правильного решения вопроса совершенствования ст. 178 УК РФ необходимо в её диспозицию внести дефиницию «ограничение конкуренции», что позволит устранить сложности, которые могут возникнуть при практическом применении данной нормы.

В качестве следующей «проблемной» нормы, имеющей место в главе 22 УК РФ, следует рассматривать ст. 184 УК РФ, предусматривающую ответственность за «Оказание противоправного влияния на результаты официального спортивного мероприятия или зрелищного коммерческого конкурса». Несмотря на неоднократно вносимые в неё законодателем изменения, эта

уголовно-правовая норма так и является «мёртвой», поскольку за всё время её существования случаи её применения на практике были единичными, несмотря на достаточно большое количество фактов совершения запрещаемого ею деяния [5. С. 77]. Одновременно, оказался «размытым» и субъект запрещаемого ею деяния, поскольку, кроме перечисленных в ч. 3–4 ст. 184 лиц, рассматриваемых в качестве субъектов данного преступления, к последним могут быть отнесены и «иные лица, фактически заинтересованные в реализации коррупционных отношений в сфере спорта, например, президент спортивного клуба, если в его интересах действовали третьи лица» [5. С. 78]. Об указанном недостатке законодательной конструкции исследуемой уголовно-правовой нормы нами ранее также было упомянуто в одной из публикаций [1. С. 157]. Таким образом, для «оживления» ст. 184 УК РФ необходима точная законодательная дефиниция субъекта запрещаемого ею деяния.

Не менее «проблемными» можно считать и ст. 195–197 УК РФ, устанавливающие ответственность за совершение криминальных банкротств. В частности, в практике применения указанных норм имеют место факты перекалфикации преднамеренного банкротства, запрещаемого ст. 196 УК, на неправомерные действия при банкротстве, запрещаемые ст. 195 УК. Данная ситуация в юридической литературе объясняется достаточно сложной законодательной конструкцией рассматриваемых уголовно-правовых норм [6. С. 77]. Исходя из этого, правильной является точка зрения, согласно которой правоохранительным органам следует рекомендовать более внимательно анализировать признаки преступлений, ответственность за совершение которых установлена ст. 195, 196 УК, что позволит правильно разграничить данные преступления [6. С. 79]. Таким образом, для совершенствования уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за совершение криминальных банкротств, необходимо принятие Пленумом Верховного Суда РФ постановления, в котором чётко разграничиваются составы «неправомерных действий при банкротстве» и «преднамеренного банкротства».

Как «проблемную» в юридической литературе рассматривают и ст. 200.3 УК РФ, предусматривающую ответственность за «привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства о долевом строительстве» [7. С. 39]. Указанная уголовно-правовая норма была введена в главу 22 УК РФ в 2016 г. Несмотря на достаточно долгий период её действия, в настоящее время ещё не устоялась судебная практика её применения. Данная ситуация объясняется сложностью её законодательной конструкции, состоящей в возможности правоприменителя квалифицировать запрещаемое ст. 200.3 УК деяние как присвоение или растрату (ст. 160 УК РФ) либо как злоупотребление полномочиями лица в коммерческой организации (ст. 201 УК РФ). При этом криминализация деяния, ответственность за совершение которого установлена ст. 200.3 УК РФ, имела своей целью именно ликвидацию законодатель-

ного пробела в части борьбы с нецелевым расходованием денежных средств застройщиками [7. С. 36]. Несмотря на это, в главу 22 УК РФ оказалась введённой ещё одна «мёртворождённая» норма. Таким образом, возникает правомерный вопрос: насколько необходима ст. 200.3 УК РФ? В юридической литературе отмечалось, что до криминализации запрещаемого этой нормой деяния в Государственную Думу были внесены несколько законопроектов изменений УК РФ для решения рассматриваемого вопроса. Одним из них предполагалась частичная криминализация деяния, запрещаемого ст. 201 УК РФ, посредством дополнения указанной нормы частью, устанавливающей ответственность именно за нецелевое расходование денежных средств дольщиков – квалифицированный состав ст. 201. Остальные законопроекты предусматривали, наряду с криминализацией данного деяния как самостоятельного, и криминализацию деяния, запрещаемого ст. 200.3 УК РФ [7. С. 36]. В итоге законодатель криминализировал только последнее из этих деяний, дополнив главу 22 УК РФ «лишней» новеллой.

Проанализировав правовую природу деяния, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 200.3, следует сделать вывод, что рассматриваемое деяние, как и большинство деяний, запрещённых нормами главы 22, не является преступлением, посягающим именно на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, поскольку представляет собой разновидность злоупотреблений полномочиями как должностных лиц, так и лиц – сотрудников коммерческих и иных организаций. Таким образом, возможны следующие пути совершенствования главы 22 УК РФ. Один – совершенствование законодательной конструкции ст. 200.3 УК РФ, что предполагает проведение предварительного мониторинга её практического применения с последующим «переводом» этой нормы в главу 23 УК РФ «Преступления против интересов службы в коммерческих или иных организациях». Другой – дополнение ст. 201 УК РФ отдельной частью, устанавливающей ответственность за деяние, предусмотренное ст. 200.3 УК РФ. На наш взгляд, для устранения законодательного пробела далее не исключена и криминализация нецелевого расходования денежных средств дольщиков.

Таким образом, несмотря на внесение законодателем рассмотренных ранее поправок, большинство составляющих главу 22 УК РФ норм так и остались несовершенновыми. В обозначенной ситуации следует согласиться с мнением, что «законодательные поправки принимаются без предварительного проведения криминологических исследований и консультаций с учёными, что и приводит к появлению «мёртворождённых» норм» [8. С. 33]. Пример – криминализация лжепредпринимательства, т.е. «создание организации без намерения осуществлять предпринимательскую деятельность». По своей правовой природе рассматриваемое деяние представляло собой разновидность мошенничества, ответственность за совершение которого предусмотрена ст. 159 УК РФ. При этом квалификация преступлений только по ст. 173 УК РФ не представлялась возможной, поскольку ввиду

её сложной законодательной конструкции требовалась дополнительная квалификация по ст. 176 УК РФ («Незаконное получение кредита») либо по ст. 198–199.2 УК РФ, в которых предусматривается ответственность за «уклонение от уплаты налогов и иных обязательных платежей».

Лжепредпринимательство могло представлять собой и специальную норму к ст. 316, которой установлена ответственность за «укрывательство преступлений». Таким образом, ст. 173 УК РФ решала искусственно созданные задачи [1. С. 68]. В данной ситуации, как и сейчас, имела место «перегрузка» главы 22 УК РФ нормами, устанавливающими ответственность за деяния, по своей правовой природе не являющиеся посягательствами на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Поэтому декриминализацию лжепредпринимательства, имевшую место в 2010 г., следует рассматривать как правильный шаг законодателя.

Приведённые факты несовершеннолетия как некоторых норм, составляющих Главу 22 УК РФ, так и указанной главы в целом, далеко не единичны. Нами ранее отмечалось об ошибочное включение в неё законодателем и ст. 184 [1. С. 45]. По своей правовой природе данное деяние является аналогичным таким деяниям, как «коммерческий подкуп» (ст. 204 УК РФ), «получение взятки» (ст. 290 УК РФ), «дача взятки» (ст. 291 УК РФ). Таким образом, имеет место ошибка законодателя. По нашему мнению, исправление приведённой ошибки возможно путём «перевода» ст. 184 из главы 22 УК РФ в иную его Главу. В качестве такой Главы, на наш взгляд, подходит глава 23 УК РФ, поскольку запрещаемое ст. 184 УК РФ деяние аналогично именно «коммерческому подкупу».

Одновременно со ст. 184, в главу 22 УК РФ законодателем введено достаточно большое количество норм, запрещающих деяния, по своей правовой природе также не являющиеся посягательствами на порядок осуществления экономической деятельности. В качестве примера следует привести ст. 169–170.2 УК РФ.

По своей правовой природе запрещаемые ими деяния представляют собой разновидности должностных преступлений и реализуют задачу главы 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»: оградить частных лиц от различных злоупотреблений властью должностными лицами. Таким образом, имеет место «перегрузка» главы 22 УК РФ нормами, устанавливающими ответственность за совершение деяний, не являющихся по своей правовой природе посягательствами на экономические общественные отношения. Аналогично «переводу» ст. 184 УК РФ в другую главу УК РФ, в рассматриваемой ситуации возникает необходимость «перевода» ст. 169–170.2 в главу 30 УК РФ, что также позволит избежать указанной «перегрузки» главы 22 УК РФ.

На наш взгляд, «лишней» в обозначенной главе является и ст. 179. Деяние, запрещённое этой уголовно-правовой нормой, по своей правовой природе представляет собой разновидность вымогательства – преступления против собственности, наказуемого по ст. 163 УК РФ.

Таким образом, в рассматриваемой ситуации имеет место задача уголовного права по охране отношений собственности, а также по защите одних частных лиц от противоправных действий других частных лиц. В этой ситуации, (по аналогии со ст. 169–170.2 УК РФ), также следует сказать и о «перегрузке» главы 22 УК РФ нормой, запрещающей деяние, по своей правовой природе не являющееся посягательством на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. Представляется, что для совершенствования этой главы необходим «перевод» ст. 179 в главу 21 УК РФ.

Кроме рассмотренных, возможно выделить и иные составляющие главу 22 УК РФ нормы, которыми установлена ответственность за совершение деяний, также не представляющих собой посягательств на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности. К указанным нормам следует отнести: ст. 171.1 УК РФ («Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации»); ст. 173.1 УК РФ («Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»); ст. 173.2 УК РФ («Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»); ст. 181 УК РФ («Нарушение правил изготовления и использования государственных пробирных клейм»); ст. 185 УК РФ («Злоупотребления при эмиссии ценных бумаг»); ст. 185.1 УК РФ («Злостное уклонение от раскрытия или предоставления информации, определённой законодательством Российской Федерации о ценных бумагах»); ст. 185.2 УК РФ («Нарушение порядка учёта прав на ценные бумаги»); ст. 185.3 УК РФ («Манипулирование рынком»); ст. 185.4 УК РФ («Воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг»); ст. 185.5 УК РФ («Фальсификация решения общего собрания акционеров (участников) хозяйственного общества или решения совета директоров (наблюдательного совета) хозяйственного общества»); ст. 185.6 УК РФ («Неправомерное использование инсайдерской информации»); ст. 186 УК РФ («Изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг»); ст. 187 УК РФ («Неправомерный оборот средств платежей»); ст. 190 УК РФ («Невозвращение на территорию Российской Федерации культурных ценностей»); ст. 191 УК РФ («Незаконный оборот янтаря, нефрита или иных полудрагоценных камней, драгоценных металлов, драгоценных камней либо жемчуга»); ст. 191.1 УК РФ («Приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины»); ст. 192 УК РФ («Нарушение правил сдачи государству драгоценных металлов и драгоценных камней»); ст. 193 УК РФ («Уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации»); ст. 193.1 УК РФ («Совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с

использованием подложных документов»); ст. 194 УК РФ («Уклонение от уплаты таможенных платежей, специальных, антидемпинговых и (или) компенсационных пошлин, взимаемых с организации или физического лица»); ст. 198 УК РФ («Уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взносов от уплаты страховых взносов»); ст. 199 УК РФ («Уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией – плательщиком страховых взносов»); ст. 199.1 УК РФ («Неисполнение обязанностей налогового агента»); ст. 199.2 УК РФ («Соккрытие денежных средств либо имущества организации или индивидуального предпринимателя, за счёт которых должно производиться взыскание налогов, сборов, страховых взносов»); ст. 199.3 УК РФ («Уклонение страхователя – физического лица от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственный внебюджетный фонд»); ст. 199.4 УК РФ («Уклонение страхователя – организации от уплаты страховых взносов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний в государственные внебюджетные фонды»); ст. 200.1 УК РФ («Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов»); ст. 200.2 УК РФ («Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий»).

В случаях совершения физическим лицом деяний, предусмотренных обозначенными нормами, оказываются неисполненными возложенные на него обязанности платить налоги, соблюдать таможенные и валютные ограничения. Нарушение лицом данных ограничений невозможно рассматривать как предпринимательскую либо иную экономическую деятельность, поскольку предпринимательская деятельность осуществляется на собственный страх и риск и носит самостоятельный характер. Таким образом, по своей правовой природе эти деяния представляют собой преступления против порядка управления, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами главы 32 УК РФ «Преступления против порядка управления», поскольку в обозначенной ситуации гражданин обязан воздержаться от нарушения возложенных на него обязательств перед государством и обществом. На наш взгляд, представляется правомерным «перевод» рассмотренных деяний именно в указанную главу.

Таким образом, глава 22 УК РФ, несмотря на постоянно вносимые в неё законодателем изменения, по-прежнему несовершенна. Данное несовершенство заключается не только в наличии в ней норм, запрещающих деяния, которые по своей правовой природе не являются посягательствами на порядок осуществления предпринимательской или иной экономической деятельности, но и в наличии в ней значительных законодательных пробелов. Таким образом, для правильного решения вопроса совершенствования указанной главы необходима криминализация отдельных деяний.

В качестве одного из них следует рассматривать промышленный шпионаж. В результате промышленного шпионажа физические и юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность, несут серьёзные убытки, что не позволяет достаточно эффективно охранять отношения конкуренции от преступных посягательств. При этом для охраны интересов как личности, так и государства в УК РФ имеется достаточно большое количество норм: ст. 137 УК РФ «Нарушение неприкосновенности частной жизни»; ст. 138 УК РФ «Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений»; ст. 139 УК РФ «Нарушение неприкосновенности жилища»; ст. 155 УК РФ «Разглашение тайны усыновления (удочерения)»; ст. 275 УК РФ «Государственная измена»; ст. 276 УК РФ «Шпионаж». В обозначенной ситуации отсутствие уголовно-правового запрета промышленного шпионажа нелогично.

В качестве следующего деяния, которое необходимо криминализовать, рассматривается дискредитация деловой репутации организации – юридического лица. Дискредитация представляет собой распространение ложных, неточных либо искажённых сведений, которые способны причинить убытки одним предпринимателем другому хозяйствующему субъекту или нанести ущерб его деловой репутации. Рассматриваемая форма недобросовестной конкуренции угрожает экономической безопасности государства [1. С. 57]. Таким образом, вопрос о необходимости её криминализации бесспорный.

С целью устранения законодательного пробела в главе 22 УК РФ необходима и криминализация введения в заблуждение потребителей, представляющего собой действие хозяйствующего субъекта либо группы лиц, направленное на формирование у участников рынка товаров, работ, услуг мнения, которое не соответствует действительности. Данное действие, несмотря на то, что оно не оказывает прямого влияния на потребительский спрос, порождает у участников рынка определённые

ожидания, которые в конкретных ситуациях могут направить их в нужном для недобросовестного участника рынка направлении. По своей правовой природе оно не является мошенничеством, поскольку потерпевшим в результате его совершения является не покупатель, собственник, а добросовестный предприниматель, который, с одной стороны, лишается определённого количества потребителей, поскольку им используется честная информация, не содержащая ложные, но привлекательные сведения, а с другой стороны, он лишается доверия потребителей вследствие обманных действий недобросовестных конкурентов [1. С. 59]. В этой ситуации, как и в рассмотренных ранее, законодателю необходимо ввести уголовную ответственность за такую форму недобросовестной конкуренции.

Таким образом, направления дальнейшего совершенствования главы 22 УК РФ представляют собой не только частичную криминализацию деяний, наказуемых составляющими её нормами, но и криминализацию новых деяний. Развитие отечественной экономики предполагает появление новых форм недобросовестной конкуренции, борьба с которыми менее репрессивными не уголовно-правовыми мерами не даст желаемого эффекта. Как направления совершенствования указанной главы, следует рассматривать полную и частичную декриминализацию запрещаемых составляющими её нормами деяний, поскольку возникновение новых форм недобросовестной конкуренции предполагает дальнейшее «отмирание» некоторых уголовно-правовых запретов, составляющих главу 22 УК РФ. Одновременно не исключается и такое направление совершенствования данной главы, как «перевод» из неё некоторых составляющих её уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за деяния, по своей правовой природе не являющиеся посягательствами на предпринимательские отношения, в другие главы УК РФ. При этом большей частью составляющих главу 22 УК РФ норм установлена ответственность за совершение этих деяний.

Список источников

1. Лозинский И.В. Реализация принципов криминализации и законодательной техники в сфере борьбы с экономическими преступлениями. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2013. 168 с.
2. Зубцов А.А. Организация финансовых пирамид (ст. 172.2 УК РФ): проблемы ограничения от хищения // Российская юстиция. 2022. № 11. С. 59–66.
3. Мацкевич И.М., Кадников Н.Г. К вопросу о противоречии судебной практики при установлении наличия либо отсутствия состава легализации денежных средств или иного имущества, приобретённых преступным путём // Российская юстиция. 2022. № 6. С. 10–17.
4. Тенишев А.П., Даниловская А.В. Приоритетные направления уголовно-правовой политики в сфере защиты конкуренции // Законодательство. 2022. № 11. С. 58–65.
5. Караваева Ю.С. Проблемы уголовно-правового противодействия коррупции в сфере спорта в России // Российская юстиция. 2022. № 8. С. 73–80.
6. Безверхов А.Г., Саусин А.В. О некоторых вопросах переквалификации преднамеренного банкротства // Законодательство. 2022. № 7. С. 76–81.
7. Пичугина М.А. Проблемы квалификации нецелевого расходования денежных средств в долевом строительстве: анализ судебной практики // Российская юстиция. 2022. № 3. С. 34–39.
8. Корецкий Д.А. Уголовно-правовое законотворчество в условиях «новой нормальности» и современный конституционализм // Российская юстиция. 2022. № 5. С. 30–34.

References

1. Lozinskiy, I.V. (2013) *Realizatsiya printsipov kriminalizatsii i zakonodatel'noy tekhniki v sfere bor'by s ekonomicheskimi prestupleniyami* [Implementation of the principles of criminalization and legislative technique in the field of combating economic crimes]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Zubtsov, A.A. (2022) Organizatsiya finansovykh piramid (st. 172.2 UK RF): problemy otgranicheniya ot khishcheniya [Organization of financial pyramids (Article 172.2 of the Criminal Code of the Russian Federation): Problems of distinction from theft]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 11. pp. 59–66.
3. Matskevich, I.M. & Kadnikov, N.G. (2022) K voprosu o protivorechii sudebnoy praktiki pri ustanovlenii nalichiya libo otsutstviya sostava legalizatsii denezhnykh sredstv ili inogo imushchestva, priobretennykh prestupnym putem [On the contradiction of judicial practice in establishing the presence or absence of the legalization of funds or other property acquired by criminal means]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 6. pp. 10–17.
4. Tenishev, A.P. & Danilovskaya, A.V. (2022) Prioritetnye napravleniya ugovolno-pravovoy politiki v sfere zashchity konkurentсии [Priority areas of criminal law policy in the field of competition protection]. *Zakonodatel'stvo*. 11. pp. 58–65.
5. Karavaeva, Yu.S. (2022) Problemy ugovolno-pravovogo protivodeystviya korruptsii v sfere sporta v Rossii [Problems of criminal law counteraction to corruption in the field of sports in Russia]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 2022. № 8. S. 73–80.
6. Bezverkhov, A.G. & Sausin, A.V. (2022) O nekotorykh voprosakh perekvalifikatsii prednamerennogo bankrotstva [On some issues of reclassification of deliberate bankruptcy]. *Zakonodatel'stvo*. 7. pp. 76–81.
7. Pichugina, M.A. (2022) Problemy kvalifikatsii netsелеvogo raskhodovaniya denezhnykh sredstv v dolevom stroitel'stve: analiz sudebnoy praktiki [Problems of qualification of funds misappropriation in shared construction: An analysis of judicial practice]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 3. pp. 34–39.
8. Koretskiy, D.A. (2022) Ugolovno-pravovoe zakonotvorchestvo v usloviyakh “novoy normal’nosti” i sovremennyy konstitutsionalizm [Criminal-legal lawmaking in the context of the “new normal” and modern constitutionalism]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 5. pp. 30–34.

Информация об авторе:

Лозинский И.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.V. Lozinskiy, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor’s Supervision and Law Enforcement Activities, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/23/6

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА ПОТЕРПЕВШЕГО НА ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА,
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, ПРИ ПРЕКРАЩЕНИИ СУДОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА
В СВЯЗИ С ИСТЕЧЕНИЕМ СРОКА ДАВНОСТИ**

Ольга Ивановна Андреева¹, Полина Олеговна Герцен², Анастасия Анатольевна Рукавишникова³

^{1,2,3} *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия*

¹ *crim.just@mail.ru*

² *stenwaysfiringlight@gmail.com*

³ *satsana@yandex.ru*

Аннотация. Назначением уголовного процесса является защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений. Защита прав потерпевшего, в том числе права на компенсацию причиненного преступлением вреда, может быть затруднена при прекращении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования. В статье рассматриваются имеющиеся у пострадавшего варианты защиты нарушенных прав как до, так и после получения статуса потерпевшего в случае прекращения уголовного дела в связи с истечением срока давности.

Ключевые слова: потерпевший, пострадавший, возмещение вреда, прекращение уголовного дела, истечение срока давности

Источник финансирования: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Андреева О.И., Герцен П.О., Рукавишникова А.А. Обеспечение права потерпевшего на возмещение вреда, причиненного преступлением, при прекращении судом уголовного дела в связи с истечением срока давности // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 40–46. doi: 10.17223/23088451/23/6

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/6

**ENSURING THE RIGHT OF THE VICTIM TO COMPENSATION FOR DAMAGE
CAUSED BY A CRIME WHEN THE COURT TERMINATES A CRIMINAL CASE
DUE TO THE EXPIRATION OF THE LIMITATION PERIOD**

Olga I. Andreeva¹, Polina O. Gertsen², Anastasiia A. Rukavishnikova³

^{1,2,3} *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation*

¹ *crim.just@mail.ru*

² *stenwaysfiringlight@gmail.com*

³ *satsana@yandex.ru*

Abstract. The purpose of criminal proceedings is to protect the rights and legitimate interests of persons who have suffered from crimes. At the same time, the protection of the rights of a person who has suffered from a crime, including the right to compensation for damage caused by the crime, may be difficult if a criminal case is terminated due to the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution. The authors have formulated a number of conclusions and proposals aimed at ensuring the protection of the rights of a person who has suffered from crimes, regardless of whether such person has the status of a victim, in the event of termination of refusal to initiate a criminal case, termination of a criminal case or criminal prosecution due to the expiration of the statute of limitations for bringing to criminal responsibility.

Keywords: victim, injured party, compensation for damage, termination of criminal case, expiration of the statute of limitations

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Andreeva, O.I., Gertsen, P.O. & Rukavishnikova, A.A. (2024) Ensuring the right of the victim to compensation for damage caused by a crime when the court terminates a criminal case due to the expiration of the limitation period. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 40–46. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/6

В УПК РФ предусмотрены основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования. Одним из оснований является истечение срока давности уголовного преследования, предусмотренное п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ. Установленные ст. 78 УК РФ сроки давности совершения преступления обозначают временные пределы возможного привлечения к уголовной ответственности; их истечение означает, что лицо, совершившее преступление, утратило ту степень общественной опасности, которая требует государственного реагирования. Возложение на него уголовной ответственности и, следовательно, осуществление против него уголовного преследования за пределами установленного законом срока не рассматривается как необходимое и законное [1. С. 17].

Правовая природа такого основания неоднократно была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который отмечал, что «освобождение от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности обусловлено как нецелесообразностью применения мер уголовной ответственности ввиду значительного уменьшения общественной опасности преступления по прошествии значительного времени со дня его совершения и ввиду возможности восстановить социальную справедливость без уголовной репрессии, так и реализацией в уголовном судопроизводстве принципа гуманизма» [2]. При этом лицо, уголовное преследование / уголовное дело в отношении которого прекращено в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, не освобождается от обязательств по возмещению причиненного им ущерба.

Решение о прекращении уголовного дела или преследования по основанию, предусмотренному п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, может быть вынесено только в случае согласия с ним обвиняемого. Если же обвиняемый против этого возражает, уголовное дело должно быть либо прекращено по иному основанию, либо направлено в суд для его рассмотрения по существу [3]. При этом позиция потерпевшего по этому вопросу не учитывается. Соответственно, для пострадавшего порядок защиты его прав предопределен решением обвиняемого – о согласии или несогласии на прекращение уголовного дела по указанному основанию.

Учитывая это, прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности не лишено проблемных аспектов в вопросах обеспечения прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления.

При наличии такого основания, как истечение срока давности, допускается вынесение следующих процессуальных решений:

- 1) постановления об отказе в возбуждении уголовного дела;
- 2) постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования;
- 3) если обвиняемый возражает против применения такого основания – оправдательного или обвинительного приговора.

В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что существующие виды процессуальных решений и порядки, в рамках которых они выносятся, в разной степени эффективности обеспечивают защиту прав и законных интересов пострадавшего от преступления, в

связи с чем может нарушаться принцип социального равенства и справедливости (для проверки данной гипотезы было изучено и проанализировано более 6 000 приговоров судов первой инстанции за период с 2018 по 2024 г., размещенных на платформе ГАС «Правосудие» и в архивах судов (Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>)). В этой связи представляется необходимым рассмотреть, как обеспечивается право пострадавшего от преступления на компенсацию вреда в каждом из этих случаев.

1. Как показало проведенное исследование, достаточно частым на практике является решение об отказе в возбуждении уголовного дела, если такое основание, как истечение срока давности уголовного преследования возникло до выявления преступления или в ходе проведения доследственной проверки.

Между тем, как верно отмечает Ю.И. Бытко, «...на этой стадии значительно снижены гарантии установления истины по уголовному делу, в том числе затруднительно установить не только вину субъекта в совершении преступления, но и его причастность к нему» [4. С. 195].

Снижение уровня процессуальных гарантий связано еще и с тем, что на этой стадии пострадавший еще не имеет процессуального статуса потерпевшего, поэтому обладает несопоставимо меньшим объемом прав и возможностей для защиты своих интересов, нарушенных преступлением. Хотя Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно подчеркивал [5], что возникновение статуса потерпевшего не должно быть связано с формальными основаниями, в соответствии с действующим законом и сложившейся практикой именно на пострадавшем лежит бремя доказывания наличия у него права на доступ к механизмам уголовно-процессуальной защиты.

При этом отказ в возбуждении уголовного дела полностью лишает его возможности защищать свои права и законные интересы уголовно-процессуальными средствами, а в отсутствие установленного в порядке предварительного расследования статуса потерпевшего – еще и затрудняет доступ к альтернативным гражданско-правовым механизмам защиты, хотя и не лишает его.

В этой ситуации механизм защиты прав пострадавшего от преступления лица предопределен изначально и обеспечен только обращением в суд в порядке гражданского судопроизводства со всеми дополнительными обременениями в части доказывания причиненного ему вреда, размера такого вреда (которые в случае возбуждения уголовного дела могли быть установлены в публичном порядке) и иных ограничений, обусловленных спецификой гражданского процесса.

2. Другим обозначенным решением является постановление о прекращении уголовного преследования или уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования.

Механизм защиты прав пострадавшего от преступления в таком случае также является проблемным. Как показывает изученная практика, в одних случаях сроки давности уголовного преследования не соответствуют

объективным срокам расследования (например, по ятрогенным делам, где требуется проведение длительных и сложных экспертиз [6]), и их соблюдение не зависит ни от потерпевшего, ни от следователя или дознавателя. В других случаях истечение сроков давности уголовного преследования может стать следствием «волокиты» и некачественной работы следователя, дознавателя, их чрезмерной загруженности, неоднократной замены судьи, рассматривающего дело, и иных причин, на которые потерпевший повлиять не может. При этом предоставленное потерпевшему право «в случае обоснованного сомнения в правильности исчисления срока давности привлечения к уголовной ответственности представить свои возражения против прекращения уголовного преследования» [7], не позволяет ему защитить свои права и законные интересы в таких случаях, когда сроки исчислены правильно, но их пропуск допущен по причине недобросовестной работы должностных лиц.

Тем не менее в случае прекращения уголовного дела по такому основанию единственным способом защиты нарушенного права для потерпевшего становится обращение с иском о компенсации причиненного преступлением ущерба в порядке гражданского судопроизводства, содержащего меньшие гарантии защиты его прав в силу отсутствия публичного характера такого производства.

Стоит отметить, что ряд законодательных положений в этой ситуации в большей степени гарантирует обеспечение потерпевшим права на возмещение вреда, причиненного преступлением, в случае защиты им своих прав в порядке гражданского судопроизводства. В частности, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу части первой ст. 67 и части первой ст. 71 ГПК РФ должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые он обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. Кроме того, оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае несогласия с ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим.

Однако, как видится, такой подход не позволяет в полной мере компенсировать отсутствие у потерпевшего возможности получить защиту своих прав, в том числе и права на возмещение причиненного преступлением вреда, в рамках уголовного судопроизводства.

Отметим, что позиция потерпевшего «пошатнулась» еще больше после внесения изменений в ст. 27 УПК РФ, в соответствии с которыми стала возможна трансформа-

ция основания прекращения уголовного дела из нереабилитирующего – истечение срока давности уголовного преследования (п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ) – в реабилитирующее (п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ) – истечение установленного законом срока для расследования и направления дела в суд.

Если производство по уголовному делу продолжено в обычном порядке в связи с наличием возражений подозреваемого или обвиняемого против прекращения уголовного преследования по основанию, указанному в п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, и уголовное дело не передано в суд или не прекращено по иному основанию (в порядке, установленном УПК РФ, уголовное преследование подлежит прекращению по основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, по истечении двух месяцев производства предварительного расследования с момента истечения сроков давности уголовного преследования в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой тяжести, трех месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления (п. 2.2 ч. 2 ст. 27 УПК РФ)).

Такое изменение в УПК РФ, устанавливающее режим благоприятствования защите (*favor defensionis*) [8], было внесено как реакция на позицию Конституционного Суда РФ. Рассматривая вопрос о законности чрезмерной длительности уголовного преследования лица, отказавшегося от прекращения уголовного дела по нереабилитирующему основанию, Конституционный Суд РФ отметил, что «уголовно-процессуальный закон, устанавливая запрет на прекращение уголовного преследования в связи с истечением срока давности, если подозреваемый или обвиняемый против этого возражает, не закрепляет каких-либо предельных сроков допустимого продолжения расследования, притом что предусмотренные ст. 162 УПК Российской Федерации сроки могут продлеваться, хотя и в исключительных случаях. Это ставит подозреваемого или обвиняемого, срок давности уголовного преследования которого истек, в состоянии неопределенности относительно его правового положения, не гарантируя в системе действующего правового регулирования разрешения его дела в разумные сроки» [9].

Действительно, наличие у подозреваемого, обвиняемого права возражать против прекращения уголовного преследования по нереабилитирующему основанию является важной гарантией защиты его интересов, но не должно становиться поводом к ущемлению его прав и затягиванию предварительного расследования. Такое нововведение видится в целом логичным и направленным на повышение гарантий защиты подозреваемых, обвиняемых от возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, в производстве которых находится уголовное дело.

Вместе с тем, как уже было отмечено, такой порядок допускает существенное ущемление прав потерпевших и может сделать невозможным возмещение ущерба в

рамках уголовного судопроизводства, одновременно закрыв доступ к гражданскому судопроизводству в связи с истечением сроков исковой давности (за исключением требования о компенсации морального вреда). Анализ данного изменения выходит за рамки темы исследования, однако можно предположить, что недобросовестное поведение должностных лиц в плане соблюдения сроков расследования уголовного дела предопределяет прямые последствия в виде основания для прекращения уголовного дела, а в качестве отдаленного последствия – и возможность потерпевшего получить возмещение ущерба, причиненного преступлением.

Можно выдвинуть гипотезу, что если обвиняемый отказывается от прекращения уголовного преследования (или уголовного дела) в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности (то есть фактически не признает вину), а органы предварительного расследования (при условии, что ими использованы все возможные процессуальные средства и методы, направленные на установление причастности лица к совершению преступления), в течение двух месяцев при совершении преступления небольшой тяжести, трех месяцев – при совершении преступления средней тяжести, 12 месяцев – в случае совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, не смогли доказать причастность лица, с высокой долей вероятности имеет место факт действительной непричастности обвиняемого к совершению преступления.

Но верно ли с позиции соблюдения баланса интересов ставить конституционное право лица получить возмещение причиненного преступлением ущерба в зависимости от соблюдения формального критерия истечения сроков расследования, затягивание которых может быть связано как с недобросовестным поведением должностных лиц (не исключая и коррупционную составляющую), так и с объективными причинами (например, длительность проведения экспертиз)?

В данном случае механизм процессуального выравнивания прав потерпевшего на возмещение ущерба за счет использования инструментов гражданского процесса не может быть применен[10]. Кроме того, потерпевший лишается возможности оспорить правильность исчисления истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, так как в соответствии с УПК РФ дело будет прекращено уже по иному, причем реабилитирующему основанию.

Однако стоит отметить, что ряд положений обеспечивают реализацию потерпевшим права на получение возмещения вреда, причиненного преступлением, в случае защиты им своих прав в порядке гражданского судопроизводства. Так, данные предварительного расследования, включая сведения об установленных органом предварительного расследования фактических обстоятельствах совершенного деяния, содержащиеся в решении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в силу ч. 1 ст. 67 и ч. 1 ст. 71 ГПК РФ должны быть приняты судом в качестве письменных доказательств, которые он обязан оценивать наряду с другими имеющимися в деле доказательствами

по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании. Кроме того, оценка судом в гражданском деле материально-правовых оснований возмещения причиненного преступлением вреда не может ограничиваться выводами осуществлявших уголовное судопроизводство органов, изложенными в постановлении о прекращении уголовного дела в связи с истечением сроков давности уголовного преследования, в случае несогласия с ними лица, являвшегося в уголовном процессе потерпевшим.

Как видится, такой подход не позволяет в полной мере компенсировать отсутствие у потерпевшего возможности защитить свои права в рамках уголовного судопроизводства.

3. Третий возможный вид решения, которое может быть вынесено в случае наличия такого основания прекращения уголовного дела, как истечение срока давности привлечения к уголовной ответственности, – оправдательный или обвинительный приговор.

Вынесение такого решения возможно в случае, когда обвиняемый возражает против прекращения уголовного дела по реабилитирующему основанию. Такой вариант с позиции защиты прав потерпевшего является предпочтительным, так как является единственным из рассмотренных, предоставляющих возможность заявить и поддержать гражданский иск в рамках уголовного судопроизводства и добиться возмещения вреда без перехода в самостоятельную гражданскую процедуру.

Вместе с тем в ходе исследования было установлено, что гражданский иск рассматривался судом в рамках уголовного судопроизводства только в 17% случаев (данные получены в результате изучения и анализа более 6 000 приговоров судов первой инстанции за период с 2018 по 2024 г., размещенных на платформе ГАС «Правосудие» и в архивах судов). В 83% случаев суд оставлял гражданский иск без рассмотрения, что опять-таки предполагало его рассмотрение в рамках гражданского судопроизводства. Такое соотношение является отрицательным показателем с позиции эффективности защиты прав потерпевших по ряду причин. Во-первых, сохраняется классическое для гражданского процесса распределение бремени доказывания. Во-вторых, во всех случаях, за исключением случаев заявления требований о компенсации морального вреда, действует обычный трехлетний срок исковой давности[11], что не коррелирует со сроками давности уголовного преследования, по истечении которых прекращается уголовное дело. Вместе с тем наличие возможности заявить и поддержать гражданский иск в уголовном процессе, равно как и возможность перехода в гражданский порядок рассмотрения иска о компенсации причиненного преступлением вреда после вынесения приговора (даже с учетом установленных приговором пределов), существенно увеличивает шансы потерпевшего добиться справедливости и соответствующих компенсаций.

Рассмотренные варианты процессуальных решений, выносимых при наличии такого основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования, как истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности, и последствия их вынесения для пострадав-

ших от преступления свидетельствуют о несбалансированности и разном уровне эффективности способов защиты лиц, пострадавших от преступления. Наибольшее беспокойство при этом вызывает проблема истечения трехлетнего срока исковой давности, предусмотренного гражданским законодательством и исчисляемого с момента совершения преступления или его выявления. Представляется, что для обеспечения баланса интересов и защиты прав лица, пострадавшего от преступления, следовало бы установить, что началом течения срока исковой давности является дата вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела в связи с истечением срока исковой давности.

В результате проведенного исследования приходим к следующим выводам:

1. В случае выявления органом, в производстве которого находится уголовное дело или материал проверки, такого реабилитирующего основания, как истечение срока давности уголовного преследования, УПК РФ предусматривает возможность вынесения следующих видов процессуальных решений: постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, постановления о прекращении уголовного преследования по п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и приговора, если подсудимый возражает против прекращения уголовного преследования. Как показал анализ закона, теории и практики, при вынесении таких решений не обеспечивается равная возможность реализации прав пострадавшего лица, защиты его законных интересов и компенсации причиненного преступлением вреда.

2. Исследование позволило выявить три типичных способа возмещения ущерба пострадавшему от преступления: во-первых, при отказе пострадавшему в возбуждении уголовного дела в связи с истечением срока давности уголовного преследования – в рамках гражданского судопроизводства (при условии необходимости доказывания факта причинения вреда «с нуля»), во-вторых, в случае прекращения уголовного дела и преследования – в рамках гражданского судопроизводства (но с преюдицией в отношении факта совершенного преступления и причинения им пострадавшему вреда), в-третьих, при вынесении обвинительного приговора – в рамках гражданского иска в уголовном процессе или в порядке гражданского судопроизводства (но с пределами, установленными обвинительным приговором).

3. Потерпевший, в отличие от подозреваемого / обвиняемого лица, привлекаемого к уголовной ответственности, не может влиять на выбор процессуальных

решений, принимаемых при наличии такого реабилитирующего основания, как истечение срока давности уголовного преследования. Таким образом, способ защиты прав пострадавшего и компенсации причиненного преступлением вреда предопределен позицией подозреваемого, обвиняемого и публичным характером уголовного процесса. При этом эффективность предопределенных способов возмещения ущерба для пострадавшего является различной.

4. Возможность возмещения ущерба, причиненного преступлением, предусмотрена также в порядке гражданского судопроизводства. Со ссылкой на полученные данные изученной практики обосновывается, что для потерпевшего в случае прекращения уголовного дела судом по п.3 ч.1 ст. 24 УПК РФ наличие такого способа защиты прав не позволяет с той же эффективностью добиваться возмещения ущерба, как в порядке заявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе или в гражданском процессе, но при условии наличия обвинительного приговора. Механизм возмещения ущерба в рамках гражданского судопроизводства лишен тех преимуществ, которые есть в уголовном процессе, кроме того, он устанавливает дополнительные требования (например, бремя доказывания) и ограничения (например, срок исковой давности). В данном случае нарушается процессуальное равенство в объеме права таких потерпевших и создается ситуация социальной несправедливости.

5. Неоднократные попытки Конституционного Суда РФ разъяснить правовую природу постановления о прекращении уголовного дела по реабилитирующему основанию не позволяют сделать однозначный вывод о его правовой природе. Данное решение во многом порождает проблему правовой определенности статуса лица, в отношении которого дело прекращено, а также создает абсолютные препятствия для реализации потерпевшим права на возмещение ущерба в рамках уголовного судопроизводства, альтернативно определяя для него только один способ правовой защиты – подачу иска в рамках гражданского судопроизводства. Вместе с тем при смене форм судопроизводства не реализуется «беспшовное» обеспечение права потерпевшего на возмещение ущерба, причиненного преступлением. Это связано с различной правовой природой уголовного и гражданского судопроизводства.

Список источников

1. Лазарева В.А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // *Мировой судья*. 2022. № 3. С. 14–21.
2. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Вихманн Валентины Степановны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пунктом 3 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 19.06.2012 № 1220-О // *Консультант Плюс*: Версия проф (дата обращения: 11.04.2024).
3. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Ленинградского областного суда о проверке конституционности статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 № 488-О // *Консультант Плюс*: Версия проф. (дата обращения: 11.04.2024).
4. Бытко Ю.И. О неконституционности норм УПК РФ, регламентирующих процедуру освобождения от уголовной ответственности за давностью // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2019. № 2 (127). С. 194–199.

5. По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова: постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 № 23-П // Консультант Плюс: Версия проф. (дата обращения: 11.04.2024).
6. Вилкова Т.Ю., Максимова Т.Ю., Ничипоренко А.А. Обеспечение доступа к правосудию потерпевшим по делам о ятрогенных преступлениях // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 9 (154). С. 119–130.
7. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова: постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Консультант Плюс: Версия проф. (дата обращения: 11.04.2024).
8. Михеенкова М.А. Благоприятствование защите (*favor defensionis*) и его проявление в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 31 с.
9. По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А. Рудникова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2022 № 33-П // Консультант Плюс: Версия проф. (дата обращения: 02.04.2024).
10. По делу о проверке конституционности положений пункта 3 части первой статьи 24, пункта 1 статьи 254 и части восьмой статьи 302 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В.Ю. Глазкова и В.Н. Степанова (абз. 4 п. 3.2.): постановление Конституционного Суда РФ от 02.03.2017 № 4-П // Консультант Плюс: Версия проф. (дата обращения: 11.04.2024).
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ивановой Ларисы Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьями 15 и 78 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 16.07.2009 № 996-О-О // Консультант Плюс Версия проф. (дата обращения: 02.04.2024).

References

1. Lazareva, V.A. (2022) Uголовно-protsessual'nye posledstviya istecheniya sroka давности уголовного преследования [Criminal procedural consequences of the expiration of the statute of limitations for criminal prosecution]. *Mirovoy sud'ya*. 3. pp. 14–21.
2. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2012) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Vikhmann Valentiny Stepanovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav punktom 3 chasti vtoroy stat'i 392 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i punktom 3 chasti pervoy stat'i 24 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.06.2012 № 1220-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Valentina Stepanovna Vihmann regarding the violation of her constitutional rights by Paragraph 3 of Part Two of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph 3 of Part One of Article 24 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Determination No. 1220-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 19, 2012]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 11th April 2024).
3. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2006) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zaprosa Leningradskogo oblastnogo suda o proverke konstitutsionnosti stat'i 78 Uголовного кодекса Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.11.2006 № 488-O* [On the refusal to accept for consideration the request of the Leningrad Regional Court to verify the constitutionality of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation: Determination No. 488-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated November 2, 2006]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 11th April 2024).
4. Bytko, Yu.I. (2019) O nekonstitutsionnosti norm UPK RF, reglamentiruyushchikh protseduru osvobodzheniya ot uголовной otvetstvennosti za давност'yu [On the unconstitutionality of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regulating the procedure for exemption from criminal liability due to the statute of limitations]. *Vestnik Saratovskoy gosudarstvennoy yuridicheskoy akademii*. 2(127). pp. 194–199.
5. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti tret'ey stat'i 6.1 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina B.A. Sotnikova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 13.06.2019 № 23-P* [On verifying the constitutionality of Part Three of Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen B.A. Sotnikov: Resolution No. 23-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of June 13, 2019]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 11th April 2024).
6. Vilkova, T.Yu., Maksimova, T.Yu. & Nichiporenko, A.A. (2023) Obespechenie dostupa k pravosudiyu poterpevshim po delam o yatrogennykh prestupleniyakh [Ensuring access to justice for victims in cases of iatrogenic crimes]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 9(154). pp. 119–130.
7. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2019) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 3 chasti pervoy stat'i 24, punkta 1 stat'i 254 i chasti vos'moy stat'i 302 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdan V.Yu. Glazkova i V.N. Stepanova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.03.2017 № 4-P* [On verifying the constitutionality of the provisions of Paragraph 3 of Part One of Article 24, Paragraph 1 of Article 254 and Part Eight of Article 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V.Yu. Glazkov and V.N. Stepanov: Resolution No. 4-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 2, 2017]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 11th April 2024).
8. Mikheenkova, M.A. (2012) *Blagopriyatstvovanie zashchite (favor defensionis) i ego proyavlenie v sovremennom uголовном protsesse* [Favor defensionis and its manifestation in modern criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
9. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2022) *Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti vtoroy stat'i 27 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii i punkta "v" chasti pervoy stat'i 78 Uголовного кодекса Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdanina V.A. Rudnikova: postanovlenie Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 18.07.2022 № 33-P* [On verifying the constitutionality of Part Two of Article 27 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Paragraph "c" of Part One of Article 78 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen

- V.A. Rudnikov: Resolution No. 33-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 18, 2022]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 2nd April 2024).
10. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2017) *Po delu o proverke konstitutsionnosti polozheniy punkta 3 chasti pervoy stat'i 24, punkta 1 stat'i 254 i chasti vos'moy stat'i 302 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zhaloboy grazhdan V.Yu. Glazkova i V.N. Stepanova (abz. 4 p. 3.2.): postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 02.03.2017 № 4-P* [On verifying the constitutionality of the provisions of Paragraph 3 of Part One of Article 24, Paragraph 1 of Article 254 and Part Eight of Article 302 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens V.Yu. Glazkov and V.N. Stepanov (Paragraph 4 of Clause 3.2): Resolution No. 4-P of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 2, 2017]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 11th April 2024).
11. The Constitutional Court of the Russian Federation. (2009) *Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Ivanovoy Larisy Anatol'evny na narushenie ee konstitutsionnykh prav stat'yami 15 i 78 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.07.2009 N 996-O-O* [On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Larisa Anatolyevna Ivanova regarding the violation of her constitutional rights by Articles 15 and 78 of the Criminal Code of the Russian Federation: Ruling N 996-O-O of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 16, 2009]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 2nd April 2024).

Информация об авторах:

Андреева О.И. – профессор, доктор юридических наук, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, заведующая кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Герцен П.О. – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

Рукавишникова А.А. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: satsana@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.I. Andreeva, professor, Dr. Sci. (Law), director of the Law Institute of the National Research Tomsk State University; head of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

P.O. Gertsen, Cand. Sci. (Law), senior lecturer of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: stenwaysfiringlight@gmail.com

A.A. Rukavishnikova, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: satsana@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 347.1

doi: 10.17223/23088451/23/7

СРОКИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Валерия Андреевна Гончарова¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, valeria.goncharova.93@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена проблемам исчисления исковой давности по требованиям о возмещении вреда, причиненного преступлением. Гражданское законодательство подходит к их решению без учета специфики уголовного процесса; единством в разрешении данных проблем не характеризуются правовая доктрина и практика судов. В статье представлены рекомендации по изменению и применению положений ГК РФ, учитывающие особенности уголовного судопроизводства и интересы потерпевших лиц.

Ключевые слова: исковая давность, защита гражданских прав, гражданский иск в уголовном процессе, потерпевший, частные интересы

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Гончарова В.А. Сроки для защиты прав потерпевших от преступлений: проблемы согласованности гражданского и уголовно-процессуального законодательства // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 47–53. doi: 10.17223/23088451/23/7

doi: 10.17223/23088451/23/7

TIME LIMITS FOR PROTECTING THE RIGHTS OF CRIME VICTIMS: PROBLEMS OF COORDINATION OF CIVIL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION

Valeriia A. Goncharova¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, valeria.goncharova.93@bk.ru*

Abstract. There are frequent situations when a negative impact on the personal or property sphere of subjects of civil law equally constitutes both a civil offense and a crime. At first glance, the problem is solved exclusively by the provisions of civil procedural legislation regulating the procedure for applying to the court for protection and establishing the main means of protecting civil rights – a claim. At the same time, Russian criminal procedural legislation also contains provisions on a special means of protecting civil rights violated during the commission of crimes – a civil claim. The fact of regulating various means ensuring the restoration of the rights of persons whose property has suffered as a result of a crime can be assessed positively as providing victims with the greatest opportunities for their protection. However, as the analysis of domestic doctrine and judicial practice shows, such a “double” regime of the possibilities of protecting the rights of the victim can lead to problems in law enforcement. The latter concern, first of all, the calculation of the terms for protecting the rights of persons who have suffered from crimes. Thus, it is hypothetically possible to simulate two situations, in one of which the identity of the offender is obvious to the victim at the time of the crime, and accordingly, according to Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation, the limitation period for a claim against such an offender must imperatively begin to run from the moment the crime was committed. In the other situation, if the offender is not obvious, the limitation period according to Article 200 of the Civil Code of the Russian Federation must begin upon the reliable and unambiguous detection of the offender’s identity. The criminal procedure legislation allows for identifying the person who committed the crime and confirming his/her status at various stages; however, neither the provisions of the doctrine nor judicial practice make it clear which procedural document within the criminal proceedings marks the beginning of the limitation period for claims filed after the verdict has entered into legal force. It is obvious that such discrepancies do not contribute to ensuring uniformity in the protection of the rights of victims, in connection with which the article proposes changes to the current legislation, namely Paragraph 2 of Article 196, Paragraph 1 of Article 200, 204 of the Civil Code of the Russian Federation, aimed at the terminological synchronization of criminal procedural and civil legislation.

Keywords: statute of limitations, protection of civil rights, civil claim in criminal proceedings, victim, private interests

Financial support: The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Goncharova, V.A. (2024) Time limits for protecting the rights of crime victims: Problems of coordination of civil and criminal procedure legislation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 43–53. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/7

Нередки ситуации, когда негативное воздействие на личную или имущественную сферу субъектов гражданского права образует в равной степени как состав гражданского правонарушения, требующего применения мер ответственности в виде возмещения убытков (ст. 15, 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ)), так и преступления (ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ)). Так, тайное хищение чужого имущества с позиции уголовного законодательства образует состав кражи, наказание за совершение которой предусмотрено санкцией ст. 158 УК РФ. В то же время безосновательное выбытие имущества у собственника ведет к неосновательному обогащению похитителя, что обуславливает возникновение у утратившего вещь лица права либо – при сохранении вещи в натуре – на ее возврат, либо – при гибели вещи – на возмещение ее стоимости. В приведенных условиях закономерно возникновение вопросов об особенностях и порядке защиты нарушенных в результате совершения преступлений прав потерпевших.

На первый взгляд, представленная проблема решается исключительно за счет положений гражданского законодательства, определяющих материальные основания соответствующих требований граждан и организаций, а также норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующего порядок обращения в суд за защитой и устанавливающего основное средство защиты гражданских прав (подход к иску как средству защиты прав и законных интересов был сформирован в трудах Г.Л. Осокиной [1, 2]) – иск, предъявляемый в порядке гражданского (или арбитражного) судопроизводства.

В то же время отечественное уголовно-процессуальное законодательство также содержит положения об особом средстве защиты нарушенных гражданских прав при совершении преступлений – гражданском иске, определяемом в литературе как совокупность «процессуальных действий и отношений, уполномоченных законом субъектов, возникающих при предъявлении, обеспечении и поддержании материально-правовых притязаний физического или юридического лица, понесшего от преступления материальный (имущественный или физический) либо моральный ущерб на его возмещение» [3. С. 10]. Отдельно подчеркивается при этом, что гражданский иск имеет двойственную правовую природу, сочетая в себе как гражданско-правовые, так и процессуальные начала: по справедливому мнению А.Г. Дыка, будучи частью института иска в целом, положения о гражданском иске содержат в себе черты уголовно-процессуальной отрасли, предопределяющие особенности его предъявления, рассмотрения и удовлетворения, формы и содержания [4]. В то же время материальные основания гражданского иска сосредоточены во множестве отраслей российского права, «гражданский иск может основываться на нормах гражданского, налогового, бюджетного, трудового и иного материального законодательства, нарушение которого посредством совершения преступления причинило лицу вред» [4. С. 6]. Налицо, таким образом, параллельное существование различных средств защиты гражданских

прав, отличающихся друг от друга правилами и сроками предъявления и рассмотрения, особенностями формы и содержания [5].

Сам факт правовой регламентации различных средств, обеспечивающих восстановление прав лиц, имущественная сфера которых претерпела негативные изменения в результате преступления, может быть оценен исключительно положительно как предоставляющий потерпевшим гражданам и организациям наибольшие возможности для их защиты. Однако, как показывает анализ отечественной доктрины и судебной практики, представленный «двойной» режим в квалификации нарушения и в возможностях защиты прав потерпевшего лица средствами как уголовного, так и гражданского процессов в условиях отсутствия в законодательстве каких-либо оговорок способен приводить к проблемам в правоприменении, которые чреваты необеспечением восстановления прав жертв преступлений. Описанная ситуация противоречит и положениям Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятой резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН от 29 ноября 1985 г. (далее Декларация), согласно п. 4 которой жертвы преступлений – лица, которым был причинен физический или моральный вред в результате нарушения национального уголовного законодательства, – имеют право на скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб. Государства-участники Декларации, в свою очередь, обязаны обеспечить жертвам возможность получать компенсацию с помощью оперативных, справедливых, недорогих и доступных официальных или неофициальных административных или судебных процедур (п. 5 Декларации).

Описанные проблемы касаются прежде всего сроков на защиту прав лиц, потерпевших от преступлений. Дело в том, что согласно п. 1 ст. 200 ГК РФ, если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права. При этом по смыслу ст. 196 ГК РФ данный трехлетний срок должен начать свое течение «в границах» 10 лет (так называемой объективной исковой давности), исчисляемых с момента совершения правонарушения. Представленные нововведения являются значительным достижением реформы гражданского законодательства 2013 г.: ранее, до внесения указанных изменений, начало течения срока исковой давности связывалось исключительно с моментом обнаружения потерпевшим лицом факта нарушения его права безотносительно того, известен ему его нарушитель или нет; при этом подобное обнаружение могло произойти и через 5, и через 15 лет со дня нарушения.

Несмотря на однозначно положительный потенциал описанных новелл, на практике все же имеют место ситуации, демонстрирующие неоднозначность в толковании положений ст. 196 и 200 ГК РФ для целей защиты лиц, права которых нарушены совершенным преступлением.

Так, гипотетически возможно моделирование двух ситуаций, в одной из которых личность преступника очевидна для потерпевшего лица в момент совершения преступления, а соответственно, по буквальному смыслу ст. 200 ГК РФ срок исковой давности по иску к такому «очевидному» нарушителю императивно должен начать свое течение с момента совершения преступления. В другой ситуации – при неочевидности нарушителя – течение давности по смыслу ст. 200 ГК РФ должно начинаться при его достоверном обнаружении, однозначном установлении личности. Уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность идентификации лица, совершившего преступление, и подтверждение его статуса на различных этапах: при возбуждении уголовного дела, привлечении в качестве обвиняемого, направлении обвинительного заключения прокурору, постановлении приговора. В то же время анализ имеющихся доктринальных позиций по этому вопросу свидетельствует об общем мнении ученых о том, что при непредъявлении лицом, потерпевшим от преступления, гражданского иска в уголовном процессе срок исковой давности по требованиям о защите его нарушенных прав течет с момента вступления в законную силу обвинительного приговора как акта суда первой инстанции, содержащего полное описание совершенного лицом преступного деяния, доказательств, на которых основаны выводы суда, и проч. (ст. 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее УПК РФ)).

Очевидность лица, совершившего преступление, при этом не учитывается. Как отмечает К.Г. Савин, исследовавший представленный вопрос в историографическом и сравнительно-правовом контексте, именно «в момент принятия окончательного решения и вступления его в законную силу» [6, 7] обладателю субъективного права становится очевиден не только его нарушитель, но, что немаловажно, и конкретные обстоятельства нарушения права, выяснить и установить которые как раз и возможно исключительно в ходе производства по уголовному делу.

Аналогичной позиции придерживаются А.П. Сергеев и Т.А. Терещенко, по мнению которых стоит вести речь о трех различных дифференцированных моментах, определяющих начало течения срока исковой давности: 1) собственно момент, когда потерпевший узнал о нарушении и нарушителе, – при самостоятельном предъявлении лицом иска в гражданском или арбитражном процессе безотносительно того, возбуждено ли уголовное дело (возможно, до его возбуждения); 2) момент в промежутке между возбуждением уголовного дела и до окончания судебного следствия в суде первой инстанции – в случае предъявления потерпевшим гражданского иска; 3) момент вступления приговора по уголовному делу в законную силу – в случае предъявления потерпевшим иска после окончания уголовного дела [8].

В то же время вряд ли стоит полностью согласиться с достоверностью приведенной позиции: с точки зрения уголовно-процессуального регулирования очевидно, что момент возбуждения уголовного дела процедурно

предопределяет лишь возникновение объективной возможности предъявления гражданского иска в уже начатом уголовном деле, но не определяет начало исчисления материального по существу срока на защиту нарушенного права. Кроме того, не обоснованной видится в целом идея представленной дифференциации: с позиции базовой для определения момента начала течения срока исковой давности ст. 200 ГК РФ и для целей правовой определенности, преследуемой всеми нормами института сроков, исковая давность должна начинать свое течение не с разных, произвольно определяемых потерпевшим лицом моментов времени, а в один момент, который должен осознаваться всеми участниками охранительного правоотношения. Иной подход влечет риск злоупотреблений со стороны истца, что противоречит общим началам гражданского законодательства (ст. 1, 10 ГК РФ).

Признавая логичность позиции о начале течения срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора по уголовному делу, следует отметить, однако, имеющуюся в данном аспекте неопределенность, связанную с самой возможностью предъявления гражданского иска: если начало течения срока исковой давности связывается с вступлением в законную силу приговора, с которым связано получение потерпевшим полной информации о случившемся, то насколько обосновано существование в целом гражданского иска как инструмента защиты его прав, который по определению предъявляется до вынесения приговора? Из тезиса о том, что давность уже течет, причем даже до предъявления иска, исходит и абз. 2 п. 2 ст. 204 ГК РФ, устанавливающий, что при оставлении без рассмотрения предъявленного гражданского иска *начавшееся до предъявления иска течение срока исковой давности приостанавливается до вступления в законную силу приговора, которым иск оставлен без рассмотрения*. Не ясно и иное: если иск в уголовном процессе не заявлялся и таким образом может быть предъявлен по вступлении в законную силу приговора, и по общему правилу исковая давность составляет три года, то как быть в случае, когда после вступления приговора в законную силу до окончания объективной давности остается менее трех лет? Косвенно к ответу на указанный вопрос подводит абз. 4 п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности», по смыслу которого истцу важно успеть обратиться в суд в оставшийся до истечения десяти лет период времени.

Однако возникают и иные вопросы, прежде всего касающиеся в целом распространения на требования из преступлений срока объективной давности с учетом того, что событие преступления также устанавливается в приговоре по уголовному делу. Не исключены и ситуации, когда с момента преступления до вступления приговора в законную силу проходит более 10 лет (например, при неоднократных приостановлениях производства по уголовному делу), в связи с чем потерпевший, по тем или иным причинам не заявивший гражданский иск в уголовном процессе, закономерно теряет

право на защиту в дальнейшем. Стоит отметить в этой связи, что законом прямо устанавливается исключение из правила о десятилетнем сроке при совершении только преступлений террористической направленности (п. 2 ст. 196 ГК РФ), что справедливо критикуется в литературе [6].

Таким образом, сама позиция о начале исчисления срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора по уголовному делу содержит в себе противоречие, с одной стороны, защищая права потерпевшего, не воспользовавшегося правом на гражданский иск в уголовном процессе, с другой – в контексте действия правил об объективной давности создавая риск вовсе оставить потерпевшего без защиты.

На фоне всех описанных и не разрешенных законодательно проблем практика судов также не отличается единообразием: последние решения, постановленные высшей судебной инстанцией, свидетельствуют о принципиальном расхождении мнений Верховного Суда РФ и нижестоящих судов в разрешении вопроса о начале течения срока исковой давности по требованиям, вытекающим из совершения преступлений. Так, в одном из дел Суд, не соглашаясь с решениями первой и апелляционной инстанций, указал: «Действующее законодательство не содержит положений об исчислении срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора... Само по себе наличие (отсутствии) вступившего в законную силу обвинительного приговора не является определяющим при исчислении срока исковой давности для защиты права лица, нарушенного в результате совершения преступления, поскольку суд, обладая необходимыми дискреционными полномочиями, в каждом конкретном деле устанавливает момент начала течения этого срока исходя из фактических обстоятельств, в том числе установленных вступившим в законную силу судебным постановлением (приговором) и имеющих преюдициальное значение» (*определение Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 49-КГ22-21-К6*).

С опорой на приведенный тезис Верховный Суд РФ применительно к рассматриваемому делу отметил также, что сроки исковой давности по требованиям о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, присужденными потерпевшему ранее вступившим в законную силу приговором по уголовному делу, «подлежали самостоятельному исчислению по каждому эпизоду присвоения денежных средств исходя из того, когда об этом стало или должно было стать известно истцам» (судя по дальнейшей логике Суда – в момент возбуждения уголовных дел и предъявления гражданских исков). Аналогичные выводы были сформулированы Верховным Судом РФ по делу № 4-КГ21-33-К1, в котором административный орган обратился к нескольким гражданам с требованиями прекратить зарегистрированное за ответчиками право собственности на земельные участки, истребовать их из чужого незаконного владения, указав в обоснование заявленных требований, что согласно вступившему в законную силу приговору 2017 г. установлена вина лиц в мошенническом завладении спорным земельным участком. На момент

рассмотрения дела участок находился уже в собственности добросовестных ответчиков. Судами первых трех инстанций иск был удовлетворен, однако Верховный Суд РФ поддержал последних собственников участка, отменив вынесенные ранее постановления и отметив, в частности, что вывод об исчислении срока исковой давности с момента вступления в законную силу приговора по уголовному делу «является ошибочным, поскольку о нарушении принадлежащего истцу права на спорные земельные участки он должен был узнать еще до постановления приговора и вступления его в законную силу, поскольку орган местного самоуправления в установленном законом порядке был признан потерпевшим в ходе предварительного расследования вышеуказанного уголовного дела» (*определение Верховного Суда РФ от 24.08.2021 № 4-КГ21-33-К1*) (к схожим выводам Суд пришел также в определении от 24.08.2021 № 4-КГ21-34-К1 и определении от 04.09.2018 № 5-КГ18-131).

Примечательно, что в более ранних актах Верховный Суд РФ занимал иную позицию. Так, по одному из дел он, согласившись с нижестоящими судами, указал: «Срок исковой давности начал течь со дня вступления приговора суда общей юрисдикции в законную силу, поскольку именно с указанного времени была установлена вина Лесюка В.Д. в совершении мошенничества, то есть установлено, что сделка совершена в результате хищения принадлежащего истцу имущества» (*определение Верховного Суда РФ от 25.02.2015 № 305-ЭС14-6072 по делу № А40-138793/2010*). Аналогичный вывод Судом был сделан и в определении от 30.06.2015 № 306-ЭС15-7775 по делу № А65-11116/2014: «Доводы заявителей о пропуске срока исковой давности признаны судами необоснованными, исходя из положений ст. 200 ГК РФ, поскольку ОАО «ТСТ-Аренда» не мог узнать о том, что отчуждение спорного имущества совершено в результате преступления хищения принадлежащего ему имущества ранее вступления в законную силу приговора суда общей юрисдикции» (*определение Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 306-ЭС15-7775 по делу № А65-11116/2014*). Данное обстоятельство может навести на мысль об изменении позиции высшей судебной инстанции по рассматриваемому вопросу и определении начала исковой давности с момента возбуждения уголовного дела либо признания лица потерпевшим. В то же время обращают на себя внимание и особенности фактабул споров 2021 и 2022 гг.: так, в деле, касающемся уплаты процентов, суд, не связав начало исковой давности со вступлением в законную силу приговора по уголовному делу, все же отправил дело на новое рассмотрение, поскольку до него кассационная инстанция не обратила внимания на то, что указанное требование уже заявлялось в виде гражданского иска, однако в приговоре было оставлено без рассмотрения. Во втором приведенном деле и иных актах по аналогичной ситуации фигурировал совершенно особый истец – орган публичной власти, что, думается, во многом предопределило позицию суда в контексте актуального законодательного подхода к исковой давности по искам об истребовании имущества из чужого незаконного владения, сформированного по итогам знакового постановления

Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца». Последнее, как известно, положило начало особой оценке поведения представителей публично-правовых образований, установив правило о переложении «неблагоприятных последствий в виде утраты такого имущества на публично-правовое образование, которое могло и должно было предпринимать меры по его установлению и надлежащему оформлению своего права» (Постановление Конституционного Суда РФ от 22.06.2017 № 16-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 1 статьи 302 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Н. Дубовца») ранее, чем по вступлении в законную силу приговоров по уголовным делам.

В то же время, как свидетельствует анализ более актуальной практики Верховного Суда РФ, в ряде случаев он также исходит из тезиса о начале течения давности не с момента вступления в законную силу приговора даже в случае, если на стороне истца действует гражданин. Так, внимания заслуживает дело, ставшее предметом рассмотрения высшей судебной инстанции в сентябре 2023 г. Не вдаваясь в описание его фабулы, заметим лишь, что в анализируемой Судом ситуации требование о возврате имущества, похищенного у потерпевшего, по вступлении приговора в законную силу было предъявлено не осужденному, а его фактическому владельцу. В указанном деле Верховный Суд поддержал описанный ранее подход о том, что действующее законодательство не связывает начало течения давности со вступлением в законную силу приговора, при этом, вероятно, определяющим для такого вывода стало то, что в течение срока предварительного расследования указанный фактический обладатель имущества был известен потерпевшему, который в этот период в судебном порядке предъявлял ему различные требования, связанные с возвратом имущества (*определение Верховного Суда РФ от 05.09.2023 № 4-КГ23-25-К1*).

Изложенное свидетельствует о необходимости поиска единственного и однозначного варианта разрешения описанной сложившейся в правоприменении ситуации, который бы максимально учитывал интересы потерпевшего. В условиях существующей неопределенности на практике вполне вообразимой становится ситуация, при которой суд по заявлению ответчика применит исковую давность к каким-либо имущественным требованиям обратившегося в суд после вступления в законную силу приговора по соответствующему делу родственника убитого таким ответчиком лица. Вряд ли, однако, подобное является справедливым.

В то же время изменение гражданского законодательства и установление, к примеру, особого правила о начале течения исковой давности с момента вступления в законную силу приговора по уголовному делу также полностью не решит проблему. Допустимы ситуации, при которых причинение лицу имущественного вреда с точки зрения уголовного и уголовно-процессуального

законодательства не должно влечь и возбуждение уголовного дела, и в целом вынесение приговора, что подтверждается компетентными органами. Так, согласно положениям ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное уголовное дело подлежит прекращению по основаниям отсутствия события преступления, отсутствия в деянии состава преступления, смерти подозреваемого или обвиняемого (ч. 1 ст. 24 УПК РФ), а также в случае декриминализации совершенного деяния (ч. 2 ст. 24 УПК РФ). Кроме того, уголовное преследование в отношении подозреваемого или обвиняемого прекращается в связи с его непричастностью к совершению преступления и вследствие акта амнистии (ст. 27 УПК РФ). Во всех приведенных случаях не исключается защита прав потерпевшего лица средствами гражданского процесса, однако закономерен вопрос о моменте начала течения срока исковой давности по соответствующим требованиям. Кроме того, с процессуальной точки зрения прекращение как уголовного дела, так и уголовного преследования может быть оформлено соответствующим постановлением следователя или дознавателя, однако ст. 204 ГК РФ, посвященная особенностям течения срока исковой давности при предъявлении гражданского иска в уголовном процессе, содержит указание на ее приостановление исключительно при оставлении без рассмотрения *судом* требований потерпевших, но не иными органами.

Очевидно, что подобные разночтения и несогласованность гражданского и уголовно-процессуального законодательства не способствуют обеспечению единообразия в защите прав потерпевших. Представляется необходимым формирование рекомендаций по изменению действующего законодательства, предполагающих, во-первых, изменение п. 2 ст. 196 ГК РФ и изложение его в следующей редакции: «Срок исковой давности не может превышать десять лет со дня нарушения права, для защиты которого этот срок установлен, за исключением случаев, когда права лиц нарушены совершением преступления». Во-вторых, следует дополнить п. 1 ст. 200 ГК РФ абз. 2 следующим образом: «Течение срока исковой давности по иску лица о защите его прав, нарушенных совершением преступления, начинается со дня вступления в законную силу приговора суда по уголовному делу либо – при прекращении уголовного дела, уголовного преследования по основаниям и в порядке, установленным уголовно-процессуальным законодательством, – со дня вынесения соответствующего постановления судом, следователем или дознавателем».

Положения о гражданском иске, предусмотренные как уголовно-процессуальным законодательством, так и ст. 204 ГК РФ, хотя содержательно не соответствуют предлагаемым изменениям, также должны сохранить свою юридическую силу как предоставляющие потерпевшим лицам наиболее эффективный и доступный механизм защиты их прав в уголовном процессе [9, 10], «льготы для пострадавших от преступлений» [11. С. 167], что соответствует положениям Декларации. Одновременно с этим предлагается дополнить ст. 204 ГК РФ указанием на право органа предварительного расследования оставлять без рассмотрения предъявленный

гражданский иск, что делает возможным приостановление исковой давности. До принятия указанных изменений при рассмотрении конкретных дел судам следует исходить из того, что именно при наличии постановления суда, следователя или дознавателя, приговора по уголовному делу лицо, не предъявившее иск в гражданском процессе, наделяется всей необходимой для иска по смыслу ст. 200 ГК РФ информацией, а следовательно, именно с указанного момента исковая давность и имеет свое начало.

Отдельно хотелось бы остановиться и на еще одном спорном аспекте анализируемого вопроса, связанного с применением компенсации морального вреда как способа защиты прав потерпевших. Положения ст. 208 ГК РФ, устанавливающие перечень требований, на которые не распространяется исковая давность, включают в себя также требования о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ, кроме случаев, предусмотренных законом. Отечественное законодательство исходит из возможности компенсации морального вреда и при нарушении имущественных прав (прав гражданина как потребителя, трудовых прав), возможность защиты которых, однако, по смыслу п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» ограничена данным сроком. В контексте же рассматриваемого вопроса Примеча-

тельно то, что в приведенном постановлении допускается ситуация, когда при нарушении имущественных прав, в том числе и совершением преступления, нарушаются одновременно и личные неимущественные права лица, происходит посягательство на принадлежащие ему нематериальные блага (п. 4, 5 разъяснений).

Так, по мнению высшей судебной инстанции, умышленная порча одним лицом имущества другого лица, представляющего для последнего особую немущественную ценность (единственный экземпляр семейного фотоальбома, унаследованный предмет обихода и др.), одновременно нарушает его личные неимущественные права (в частности, право на уважение родственных и семейных связей), причиняя этим гражданину физические или нравственные страдания. Представляется, однако, что и на подобные требования не следует распространять исковую давность: посягательство на имущество в рассматриваемом случае является ничем иным, как способом посягательства на нематериальное благо или нарушения личного немущественного права.

Следует заметить, что проблемы исчисления сроков для защиты прав потерпевших от преступлений не ограничиваются исключительно теми, что были рассмотрены ранее, и в целом заслуживают основательного внимания в контексте обеспечения терминологического единообразия гражданского и уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. *Осокина Г.Л.* Проблемы права на иск : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 1990. 413 с.
2. *Осокина Г.Л.* Право на защиту в исковом судопроизводстве (право на иск). Томск : Изд-во Том. ун-та, 1990. 160 с.
3. *Разумовский Д.Б.* Гражданский иск в уголовном деле : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 36 с.
4. *Дык А.Г.* Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 24 с.
5. *Новикова Ю.Г.* Гражданский иск в уголовном процессе как правовой институт, имеющий двойственную правовую природу // Правовое государство: теория и практика. 2019. № 2 (56). С. 140–146.
6. *Савин К.Г.* К проблеме влияния преступления на исчисление срока исковой давности // Вестник гражданского права. 2017. № 3 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2024).
7. *Савин К.Г.* Исковая давность в современном отечественном и зарубежном гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 204 с.
8. *Сергеев А.П., Терещенко Т.А.* Особенности исчисления начала течения исковой давности, если вредоносные действия являются одновременно преступлением // Арбитражные споры. 2014. № 4 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.04.2024).
9. *Аветисян А.Д.* Совершенствование института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1 (29). С. 55–59.
10. *Сушина Т.Е.* Гражданский иск в уголовном деле: от теории к практике // Журнал российского права. 2016. № 3. С. 136–147.
11. *Кондрат И.Н.* Актуальные вопросы гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 167–169.

References

1. *Osokina, G.L. (1990) Problemy prava na isk* [Problems of the right to sue]. Law Dr. Diss. Tomsk.
2. *Osokina, G.L. (1990) Pravo na zashchitu v iskovom sudoproizvodstve (pravo na isk)* [The right to defense in claim proceedings (the right to sue)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. *Razumovskiy, D.B. (2004) Grazhdanskiy isk v ugovolnom dele* [Civil claim in a criminal case]. Abstract of Law Cand. Moscow.
4. *Dyk, A.G. (2007) Aktual'nye voprosy grazhdanskogo iska v ugovolnom protsesse* [Topical issues of a civil claim in criminal proceedings]. Abstract of Law Cand. Moscow.
5. *Novikova, Yu.G. (2019) Grazhdanskiy isk v ugovolnom protsesse kak pravovoy institut, imeyushchiy dvoystvennuyu pravovuyu prirodu* [Civil claim in criminal proceedings as a legal institution with a dual legal nature]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2(56). pp. 140–146.
6. *Savin, K.G. (2017) K probleme vliyaniya prestupleniya na ischislenie sroka iskovoy davnosti* [On the problem of the influence of a crime on the calculation of the limitation period]. *Vestnik grazhdanskogo prava*. 3. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 20th April 2024).
7. *Savin, K.G. (2019) Iskovaya davnost' v sovremennom otechestvennom i zarubezhnom grazhdanskom prave* [Limitation period in modern domestic and foreign civil law]. Law Cand. Diss. Moscow.

8. Sergeev, A.P. & Tereshchenko, T.A. (2014) Osobennosti ischisleniya nachala techeniya iskovoy davnosti, esli vredonosnye deystviya yavlyayutsya odnovremennno prestupleniem [Features of calculating the beginning of the limitation period if harmful actions are also a crime]. *Arbitrazhnye spory*. 4. [Online] Available from: SPS Konsul'tantPlyus. (Accessed: 20th April 2024).
9. Avetisyan, A.D. (2015) Sovershenstvovanie instituta grazhdanskogo iska v ugovnom sudoproizvodstve [Improving the Institute of Civil Claim in Criminal Proceedings]. *Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*. 1(29). pp. 55–59.
10. Sushina, T.E. (2016) Grazhdanskiy isk v ugovnom dele: ot teorii k praktike [Civil Claim in a Criminal Case: From Theory to Practice]. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 3. pp. 136–147.
11. Kondrat, I.N. (2019) Aktual'nye voprosy grazhdanskogo iska v ugovnom sudoproizvodstve [Current Issues of Civil Claim in Criminal Proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 2. pp. 167–169.

Информация об авторе:

Гончарова В.А. – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Goncharova, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Civil Law, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: valeria.goncharova.93@bk.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/23/8

ЮРИДИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Борисович Диваев¹

¹ *Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия, divalex09@mail.ru*

Аннотация. Предложено обоснование юридического прогнозирования как обязательного этапа правообразования в сфере уголовно-процессуального воздействия, рассмотрены его нормативная основа и соотношение с научным пониманием данного правового феномена. Изучен ряд нормативных документов, содержащих прогностические положения относительно развития уголовно-процессуального законодательства, выявлены главные проблемы юридического прогнозирования в этой сфере, предложены варианты их устранения.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, уголовно-процессуальное воздействие, юридическое прогнозирование

Для цитирования: Диваев А.Б. Юридическое прогнозирование и эффективность уголовно-процессуального воздействия // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 54–62. doi: 10.17223/23088451/23/8

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/8

LEGAL FORECASTING AND EFFECTIVENESS OF CRIMINAL PROCEDURAL IMPACT

Aleksandr B. Divaev¹

¹ *Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, divalex09@mail.ru*

Abstract. Legal forecasting is an integral part of the law-making process, representing a stage preceding legislative activity. The neglect of forecasting activities aimed at identifying risks and threats associated with the implementation of regulatory provisions significantly reduces the effectiveness of legal influence on public relations. These regularities, on the one hand, fully characterize the sphere of criminal procedural rule-making; on the other hand, they are often ignored by the legislator, which directly affects the effectiveness of the criminal procedural law. The reasons for the current situation are: 1) the absence of a centralized system for forecasting the development of criminal procedural relations; 2) insufficient involvement of the scientific community in this type of activity; 3) inattention to risks and threats shown by the subjects of legal forecasting in the sphere of criminal procedural influence.

Keywords: criminal procedure law, criminal procedure impact, legal forecasting

For citation: Divaev, A.B. (2024) Legal forecasting and effectiveness of criminal procedural impact. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 54–62. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/8

Для любого юриста непреложна истина: право производно от общественных отношений, а следовательно, объективно по своей природе. Однако и это уже не так очевидно, объективность права вовсе не означает объективности закона, который является продуктом субъективной законотворческой деятельности. Следовательно, закон не объективен в полном смысле этого слова – он лишь объективно обусловлен. Осознание этого, т.е. исключение из процесса правотворчества любых проявлений «сиюминутности», эмоциональности, представляется залогом стабильного поступательного развития национального законодательства. С этой точки зрения правотворчество, будучи по сути средством управления общественными процессами, является деятельностью строго аналитической, основанной на юридическом прогнозировании и мониторинге. Именно последовательность от целеполагания, через юридическое прогнозирование к

законопроекту и, наконец, закону, видится наиболее рациональной с точки зрения обеспечения эффективности нормотворчества.

При этом, что также очевидно, указанные закономерности носят идеальный характер и, к сожалению, «объективно необусловленный», а следовательно, малоприменимый на практике закон – явление далеко не редкое, в том числе, и в сфере уголовно-процессуального воздействия.

Косвенным индикатором данной проблемы является чрезвычайная (в буквальном смысле слова) активность законодателя в области уголовно-процессуального нормотворчества, внесшего в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), без преувеличения, огромное количество изменений. В свое время руководитель Межведомственной рабочей группы по мониторингу введения в действие УПК РФ

при Комитете Государственной Думы по законодательству Е.Б. Мизулина свидетельствовала: «За пять лет действия УПК РФ было принято 26 федеральных законов, внесших 666 поправок в 209 статей из 473 УПК РФ» [1. С.111]. Среди них были не только чисто технические изменения, но и «содержательные поправки, связанные с необходимостью совершенствования содержания его норм», а также «поправки, которые... затрагивают *концептуальные* (курсив мой. – А.Д.) моменты уголовного судопроизводства».

Обратим внимание: прошло лишь пять лет, и кодекс оказался переkreоен чуть ли не наполовину, причем в «концептуальной» его части. Невольно задаешься вопросом, что это за «концепция» такая, которая потребовала коррекции через пять лет? Или за это время произошли настолько кардинальные социальные изменения?

К настоящему времени, а именно по прошествии 22 лет с момента принятия УПК РФ, подготовлено 255 (!) редакций этого кодекса, а число новел, внесенных в конкретные его статьи, исчисляется тысячами.

Приведенная статистика весьма иллюстративна и побуждает задаться вопросом: а в чем причины столь безудержной «тяги» законодателя к бесконечному изменению базового уголовно-процессуального закона? Неужели сфера уголовно-процессуальных отношений настолько подвижна, что требует каждую пятилетку «концептуально» пересматривать его? Возьмем на себя смелость отрицательно ответить на этот вопрос. Более того, ретроспективное исследование уголовно-процессуального законодательства указывает на то, что эта сфера относится к числу наиболее стабильных сегментов социальной действительности, чему видятся сразу несколько причин.

Первая носит сугубо экономический характер. Не секрет, что уголовное судопроизводство – чрезвычайно «дорогое удовольствие», а поэтому любые резкие «телодвижения» в этой сфере чреваты огромными тратами, которые не каждое государство может себе позволить. Наша страна в прошлом веке пережила два серьезнейших социальных слома, сопровождаемых титаническими общественными процессами, когда менялись образ жизни общества и его социально-экономические основы. Однако если в первом случае, а именно в период формирования Советского государства, правительство было вынуждено пойти на формирование новой судебной и правоохранительной систем, то в 1990-е гг. Российская Федерация – государство несравненно более мощное в экономическом плане, не «потянуло» такой реформы. Несмотря на переход к капиталистическому способу хозяйствования и учреждение нового государства, судебная и правоохранительная системы остались прежними – «советскими». Те изменения, которые так и или иначе происходили и происходят в этом сегменте аппарата государственного управления на протяжении последних трех десятилетий, ничего революционного нам не предложили, что, по нашему мнению, нужно рассматривать как проявление «здорового консерватизма» системы.

Вторая же причина, обуславливающая стабильность системы уголовно-процессуальных отношений, не

столь очевидна, так как предопределена самой природой общественных связей, именуемых уголовно-процессуальными отношениями. Дело в том, что эта система, отражением которой является регламентированный уголовно-процессуальным законом порядок производства по уголовному делу, не может быть сформирована в одночасье, «росчерком пера» законодателя. Уголовный процесс того или иного государства – это продукт многовекового исторического развития, что невозможно проигнорировать. Или, если выразиться точнее, как бы законодатель в своих попытках радикального реформирования уголовного судопроизводства ни пытался игнорировать данное обстоятельство, оно «настигнет» его в виде рассогласования предписаний закона и реальной правоприменительной практики, которая вполне благополучно будет существовать «в удобных старых формах, уже приспособившихся к новым правилам, неизбежным, но, как оказалось, не слишком обременительным, потому что тот, кто должен строго следить за их исполнением, сам приспособил к ним свои десятилетиями вырабатываемые привычки» [2. С. 98].

При этом сказанное выше не нужно воспринимать как запрет на реформирование. «Изменения действующих законов неотвратимы в силу развития общественных отношений... Но правотворческая деятельность требует глубокого анализа состояния и тенденций развития общественных отношений, *прогнозирования* (курсив мой. – А.Д.), а не сиюминутных решений, продиктованных нередко лоббистскими интересами. Ныне законодательство в сфере уголовно-процессуальных отношений – процесс метаний, доходящих до абсурда» [3. С. 194].

Итак, исторически сформировавшаяся система уголовно-процессуальных отношений по природе своей довольно стабильна или, по крайней мере, она не настолько подвижна, чтобы требовать постоянной законодательской деятельности на концептуальном уровне. Это объективная данность. Но в таком случае каковы же причины тех перманентных «метаний» законодателя, о которых совершенно справедливо пишет автор вышеприведенной цитаты? Думается, что таковых немало. Причем многие из них носят скорее политический, нежели правовой характер, а поэтому в рамках конкретной статьи обстоятельно рассказать о каждом факторе, дестабилизирующем уголовно-процессуальное законодательство, выявить его природу и предложить пути устранения нереально. Однако об одном из слабых мест современного уголовно-процессуального правообразования – юридическом прогнозировании – не сказать нельзя. Данный вид деятельности в контексте правотворчества представляется особо значимым, так как непосредственно предшествует правотворческому процессу и, по идее, должен направлять законодателя, ориентировать его в том, что «объективно обусловлено», а что нет. Следовательно, от качества прогностической деятельности напрямую зависит как сама действенность вновь принимаемого закона, так и результаты его действия.

Если обратиться к наработкам общетеоретической правовой науки, нельзя не отметить того, что о юридическом прогнозировании как виде деятельности начали

активно писать не так давно – в 1960–1970-х гг. Непосредственно ввел это понятие в научный оборот Р.А. Сафаров [4. С. 7].

К настоящему времени сам по себе вопрос о необходимости прогностической деятельности в сфере государственного управления закрыт. Эта деятельность нашла всеобщее признание и поддержку, что получило отражение и на законодательном уровне. В частности, п. 4 ст. 3 Федерального закона № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в РФ» определяет «прогнозирование» как «деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

Несмотря на то, что данное определение прямо о «юридическом», а тем более «уголовно-процессуальном» прогнозировании не говорит, полагаем, что оно включает эти направления прогностической деятельности в его логический объем; это позволяет отнести юридическое прогнозирование к сфере официально признанного направления государственной деятельности. На этот вывод указывает хотя бы тот факт, что субъектами прогнозирования закон называет участников стратегического планирования, к числу которых отнесены все органы государственной власти, включая суды, прокуратуру и органы исполнительной власти, располагающие полномочиями по осуществлению предварительного расследования уголовных дел. Указанные субъекты, являясь непосредственными или опосредованными носителями права законодательной инициативы, реализуют поставленные перед ними цели и задачи, в том числе путем осуществления законопроектной деятельности в сфере уголовно-процессуального воздействия, в ходе чего они *обязаны* прогнозировать результаты возможного принятия этих законопроектов.

В то же время положения ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» в контексте проблемы юридического прогнозирования в сфере уголовно-процессуального воздействия выглядят недостаточными. Представляется, что они подлежат уточнению в следующем.

Закон называет объектами прогнозирования риски и угрозы «национальной безопасности РФ». Думается, что данное положение выглядит слишком общё. Национальная безопасность – это чрезвычайно многоаспектная категория, и борьба с преступностью – один из ее элементов. В то же время степень значимости этого фактора национальной безопасности, по нашему мнению, позволяет выделить его в качестве отдельного приоритетного направления прогностической деятельности наряду с социально-экономическим развитием и обеспечением национальной безопасности РФ. Указанное уточнение закона, как представляется, могло бы, наконец, подвинуть судебную систему, а также профильные министерства и ведомства к разработке *официальной* стратегии уголовной политики в нашей стране, неотъем-

лемым элементом которой должен стать раздел об уголовно-процессуальной политике. По крайней мере это вменит им разработку такой стратегии в обязанность. Пока же работа над прообразом этой стратегии – прерогатива исключительно научного сообщества, что видится явно недостаточным.

Важным аспектом представленного в законе определения «прогнозирования» является прямое указание законодателя на «научную обоснованность» прогностической деятельности, что, с одной стороны, подразумевает широкое вовлечение научной общественности в юридическое прогнозирование, а с другой – вынуждает суды и федеральные органы исполнительной власти сотрудничать с научными коллективами в этой сфере.

Интересной в этой связи видится проблема определения юридического прогнозирования в правовой науке, а также того, как эти представления «вяжутся» с положениями ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Здесь есть над чем задуматься. Анализ тех многочисленных исследований, которые посвящены юридическому прогнозированию, показывает, что наука понимает этот правовой феномен несколько иначе, нежели это провозглашено в законе, что выглядит неким нонсенсом. Особо парадоксальность ситуации подчеркивает упомянутый выше факт: закон предписывает сотрудничество между субъектами прогнозирования и научными организациями, при этом предмет сотрудничества – прогнозирование – ими понимается по-разному.

Напомним, что в законе прогнозирование – это деятельность, направленная на выявление рисков, угроз, направлений, результатов и показателей развития нашей страны в приоритетных сферах. В науке же это выглядит несколько иначе.

Так, согласно позиции Ю.А. Тихомирова, юридическое прогнозирование – это вовсе не деятельность субъектов стратегического планирования, а «...механизм анализа тенденций и возможных вариантов развития права путем выбора оптимального регулирования для обеспечения эффективного решения социально-экономических и иных задач государства» [5. С. 28].

Более полным и обоснованным выглядит определение юридического прогнозирования, приведенное К.В. Агамировым, согласно которому это «...систематическое исследование перспектив развития правовых явлений и процессов на определенных уровнях: стратегии развития законодательства и правовой системы в целом (первый уровень), конкретных отраслей и институтов (второй уровень), правового поведения (третий уровень)» [4. С. 11].

Преимущества данного определения очевидны: оно рассматривает прогнозирование не как «выбор» некоего абстрактного «оптимального правового регулирования» в той или иной сфере, а как средство перспективной коррекции поведения адресатов правовых предписаний, которая невозможна без уяснения потенциальных результатов внедрения той или иной нормы в правовую жизнь.

Однако даже это немаловажное уточнение не компенсирует главного недостатка, присущего как первому, так и второму определению: в них ни слова не говорится

о юридическом прогнозировании как *средстве установления потенциальных угроз и рисков*, которые для правовой сферы характерны в не меньшей степени, чем, допустим, для сегмента экономических отношений. Выражаться эти правовые угрозы и риски могут в потенциально неблагоприятных и даже общественно опасных последствиях введения в действие той или иной правовой нормы, которые также должны прогнозироваться.

Анализ конкретных рисков и угроз, которые могут быть сопряжены с принятием уголовно-процессуальной нормы (системы норм, целого нормативно-правового акта) – тема для отдельного разговора. Однако если расположить их на некой условной шкале от наименее к наиболее неблагоприятным, то наименьшим из зол здесь представляется *риск* невестребованности той или иной нормы или института (В.В. Нилюк назвала это явление «феноменом «мертвой нормы» [б. С. 20]), а наибольшим – *угроза* деградации системы уголовной юстиции страны, выражающаяся в таких социально опасных явлениях, как:

- повсеместный отход от нормативно установленного порядка производства по делу, поддерживаемый негласной соглашательской позицией суда, руководящих и надзирающих лиц;

- дисквалификация судейского, прокурорского корпуса, следственного аппарата, «отвыкших» работать по нормативно установленному стандарту;

- понижение стандарта гарантий прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и, как следствие, снижение степени доверия населения к деятельности судебной и правоохранительной систем;

- повышение конфликтности как самой сферы уголовно-процессуальных отношений, так и социума в целом вследствие роста напряженности в системе общественных отношений, утраты чувства личной безопасности у членов социума и пр.

Как уже упоминалось выше, какой-либо официально провозглашенной единой стратегии борьбы с преступностью, которая содержала бы и уголовно-процессуальную составляющую, к сожалению, в нашей стране нет. Однако концептуальные положения прогностического толка, касающиеся перспектив развития уголовно-процессуального законодательства, можно обнаружить в таких программных документах, как:

- Постановление Верховного Суда РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О Концепции судебной реформы РСФСР»;

- федеральные целевые программы «Развитие судебной системы России», принятые постановлениями Правительства РФ от 20.11.2001 г. № 805; 21.09.2006 № 583; 27.12.2012 № 1406;

- постановления Всероссийского съезда судей.

Анализируя данные документы, естественно, необходимо принимать во внимание тот факт, что практически все они, за исключением постановлений IX и X Всероссийского съезда судей, были приняты до введения в действие ФЗ «О стратегическом планировании в РФ». Однако несмотря на это, представляется интересным их изучение в плане того, какие возможные риски и угрозы

для реализации соответствующих программных положений прогнозировались разработчиками этих документов и, самое главное, предполагались ли они вообще.

Начнем с хронологически первого и, без сомнений, самого известного из представленных программных документов – Концепции судебной реформы РСФСР, до сих пор вызывающей острые дискуссии как в исследовательской, так и в практической среде. В свое время именно она многими рассматривалась в качестве «полуофициальной» стратегии развития национального уголовно-процессуального законодательства, что в какой-то мере было подтверждено практикой – ряд важнейших положений Концепции нашел воплощение в действующем УПК РФ. В этой связи достаточно упомянуть хотя бы о том, что и Концепция, и УПК РФ, в его первоначальной редакции в основе имели состязательные начала, как тот каркас, на котором выстроено уголовное судопроизводство. На это прямо указывают как текст Концепции (цитата: «Уголовный процесс нужно построить на основе подлинной состязательности»), так и разработчики действующего УПК РФ. В частности, та же Е.Б. Мизулина по этому поводу писала: «В основу концепции нового УПК РФ была положена идея об уголовном процессе как сфере, которая гарантирует права и свободы личности... самой организацией процесса на состязательной основе с обеспечением равенства сторон, разделением процессуальных функций, обеспечением решающей роли независимого суда» [1. С. 105].

Однако, в данной статье хотелось бы заострить внимание не на том, что в содержании Концепции стало законом. По прошествии более 30 лет со дня утверждения гораздо интереснее рассмотреть те ее положения, которые были отвергнуты законодателем либо, хотя так или иначе в УПК РФ были отражены, до сих пор не получили должного распространения в правоприменительной практике. Полагаем, что это позволит понять, прогнозировали разработчики Концепции те риски и угрозы, которые могли быть сопряжены с введением этих положений, или нет.

Если избежать частностей и рассматривать действительно концептуальные положения, нельзя не отметить того факта, что в первую очередь не нашло своего реального воплощения многое из того, что прогнозировалось коллективом разработчиков Концепции в части досудебного производства. Так, Концепция безальтернативно утверждает: «Демократической направленности предлагаемых преобразований не соответствует сохранение административной по своей природе досудебной проверки заявлений и сообщений о совершении преступления до возбуждения уголовного дела», по сути, отказывая в жизнеспособности стадии возбуждения уголовного дела.

Нужно признать, что внешне высказанная идея выглядит чрезвычайно привлекательно и до настоящего времени дискутируется в науке, однако законодатель пока не счел возможным реализовать ее. Более того, процессуальная составляющая деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях в последнее десятилетие получила дальнейшее развитие, что, само по себе весьма показательно.

Возникает вопрос, почему «прогноз» развития уголовно-процессуального законодательства в этой части не сбылся? Смеем предположить, что он не просто не сбылся – он и не мог сбыться и, видимо, не сможет осуществиться в ближайшей перспективе. На такой категорический вывод нас наталкивает объективная природа деятельности по проверке заявлений и сообщений о преступлениях. Законодатель может сколько угодно принимать, изменять или отменять закон – это его прерогатива, в конце концов. Но он не может «взять и отменить» объективно сложившиеся направления правомерной и общественно полезной деятельности. А то, что деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлениях в рамках стадии возбуждения уголовного дела не просто общественно полезна, но, как ни странно, максимально «человекоцентрична», мы убеждены.

Авторы Концепции в качестве главного аргумента «против» стадии возбуждения уголовного дела предложили «безотказный» для начала 1990-х гг. аргумент, указав, что особый характер деятельности в этой стадии, который не может подразумевать такой же строгой процессуальной формы, характерной для последующих уголовно-процессуальных стадий, создает «опасность существенного нарушения прав граждан на этом этапе». Вопросов нет: такая опасность существует. Однако откуда она исходит? От закона, который в допустимых пределах регламентирует эту деятельность, или от следователя, дознавателя, руководящего состава органов предварительного расследования, искажающих смысл и задачи стадии возбуждения уголовного дела? Вопрос, разумеется, носит риторический характер.

Ну и совсем уж спорен способ устранения этой опасности, предложенный Концепцией: исключить из уголовно-процессуального закона деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлениях; другими словами, трансформировать правовую деятельность, регламентированную законом, в разряд не правовой, ничем не регламентированной деятельности. Мягко говоря, очень своеобразная форма защиты прав и законных интересов граждан. Дело в том, что обычным запретом проводить проверку заявлений и сообщений о преступлениях и установлении достаточности повода для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, проблему затягивания сроков проверки и нарушения прав личности не решить. Это только усугубит ее, так как органы предварительного расследования, в условиях жесткого штатного голода, который имеет как объективные, так и субъективные причины, вряд ли будут склонны «бросаться» на каждое сообщение о происшествии и немедленно начинать производство предварительного расследования со всеми сопряженными с этим процессуальными и организационно-техническими издержками. Более реалистична здесь следующая картина. При получении сообщения о преступлении проверка все равно будет проводиться, но без его регистрации и вне рамок установленного законом порядка, т.е. «неофициально». Процессуальное же решение о возбуждении уголовного дела будет приниматься лишь в случаях, когда такая «квазипроверка» даст основания полагать, что совершено преступление.

Именно объективная природа деятельности по проверке заявлений или сообщений о преступлениях, а не какие-то абстрактные «ведомственные интересы», не позволяют избавиться от стадии возбуждения уголовного дела. К сожалению, на волне всеобщей «демократизации» начала 90-х разработчики Концепции, прогнозируя развитие уголовно-процессуального законодательства в этой части, видимо, руководствовались эмоциями, не просчитав тех рисков, которые сопровождали их прогноз.

Другим прогностическим положением, касающимся досудебного производства, разработчики Концепции провозгласили «ликвидацию дознания как особой формы расследования». Как известно, этот прогноз также не сбылся. Произошла диаметрально противоположная новация уголовно-процессуального закона: законодатель не только не упразднил дознание, но и наряду с привычной его формой ввел так называемое «дознание в сокращенной форме». И точно так же, как в случае с предложением о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, мы концептуально поддержим законодателя. Но только концептуально – дифференциация форм предварительного расследования должна быть, что, на наш взгляд, бесспорно. Однако, мы не можем не возразить законодателю в его стремлении сохранить дознание общей формы, которое в его современном виде практически ничем не отличается от предварительного следствия. Гораздо уместнее в ряду с предварительным следствием как основной и развернутой формой предварительного расследования выглядит дознание в сокращенной форме, действительно являющееся его упрощенным вариантом.

Помимо положений, касающихся досудебного производства по уголовному делу и не нашедших отражения в законе, в Концепции есть ряд «прогнозов», воплотившихся в нормах права, но оказавших при этом, как представляется, негативное уголовно-процессуальное воздействие.

В первую очередь необходимо сказать об идее «отделить функцию руководства расследованием от функции надзора за расследованием». С сожалением констатируем, что этот прогноз применительно к процессуальной деятельности следователя сбылся: в 2007 г. он был выведен из процессуального подчинения прокурора и переподчинен руководителю следственного органа. Казалось бы, сама по себе идея вполне логична, так как психологически сложно одновременно и руководить деятельностью, и надзирать за законностью ее осуществления.

Однако разработчики Концепции, думается, снова несколько «увлеклись» теорией, не спрогнозировав риски введения в действие такой функциональной системы предварительного расследования. По прошествии весьма значительного времени с момента изменения закона стало очевидным, что существенно усложнившаяся схема взаимодействия прокурора и следователя, с одной стороны, привела к резкому падению качества следственной работы, а с другой – стала конфликтогенным фактором в их взаимоотношениях. Может быть, это утверждение и прозвучит излишне жестко, но законодатель собственными руками столкнул прокурора и следователя друг с другом, превратив

их в процессуальных «противниках», хотя они, представляя публичное уголовное преследование, а стало быть, имея общий процессуальный интерес в законном, полном и всестороннем расследовании, должны быть соратниками.

В этой связи интересна позиция разработчиков Концепции, прогнозирувавших абсолютно независимое положение следователя относительно руководителя следственного подразделения, который, по их мнению, должен был «ведать организационно-ресурсным обеспечением следственной работы», т.е. стать своего рода «завхозом». Как известно, этот прогноз был далек от реального положения вещей, а руководитель следственного органа после реформы УПК РФ 2007 г. по степени значимости своей фигуры для следователя стал вровень с прокурором.

Излишне идеалистическим выглядит прогноз разработчиков Концепции и по ряду аспектов судебной деятельности в уголовном процессе. В первую очередь здесь нужно упомянуть о суде с участием присяжных заседателей, хотя многое из их прогноза в этой части было воплощено в действующем уголовно-процессуальном законе.

Причиной такого «идеализма», видимо, вновь стала чрезмерная эмоциональность авторов Концепции, их стремление дистанцироваться от всего «советского». Свидетельств этому в части «суда присяжных» немало. Взять хотя бы язык изложения, избранный авторами Концепции, относительно «плюсов» суда присяжных и «минусов» народных заседателей. Так, говоря о преимуществах народных заседателей, они указывают лишь на то, что «их вклад... в судебный поиск истины состоит не более и не менее чем в свежем взгляде, не замутненном функциональной позицией». При этом, характеризуя недостатки этого института, авторы Концепции допускают такие негативные эпитеты явно неакадемического характера, как «рутинная юстиция», «покладистая пара» народных заседателей» и пр.

В конечном итоге на базе Концепции были сформулированы положения уголовно-процессуального закона о суде с участием присяжных заседателей, которые, несмотря на весь свой новаторский характер, смеем утверждать, были в их основе объективно не обусловлены. Как показало время, разработчики Концепции неверно оценили перспективы практической реализации института суда с участием присяжных заседателей.

Если следовать их идее, эта форма судебного разбирательства уголовных дел предполагалась «по делам о преступлениях... грозящих виновному лишением свободы на срок свыше одного года или более суровым наказанием... При этом по делам о преступлениях, наказуемых смертной казнью, а также по некоторым другим, таким как превышение власти, тяжкие преступления против личности, слушание дела перед присяжными, окажется обязательным, а в остальных случаях – факультативным, зависящим от воли обвиняемого». Другими словами, суд с участием присяжных заседателей должен был стать весьма распространенной формой правосудия по уголовным делам. Учитывая, что разработчики Концепции, ссылаясь на зарубежный опыт,

прогнозировали от 3 до 7% таких производств, в абсолютных цифрах это должно было дать десятки тысяч уголовных дел, рассмотренных с участием коллегий присяжных заседателей.

При этом авторы Концепции совершенно не учли риск невостребованности этого института, что и произошло: ни о каких «десятках тысяч» речь не шла и, несмотря на все усилия законодателя, не идет. Порядок чисел, отражающих количественные показатели производства судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, это даже не тысячи, а сотни уголовных дел. Так, например, в 2023 г., согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, всеми судами нашей страны было получено всего 771 ходатайство о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей. Из них в суд поступило только 760 дел, подлежащих рассмотрению таким составом. С учетом некоторого количества дел, судебное заседание по которым было начато в 2022 г. и ранее, общее количество уголовных дел, рассмотренных за весь 2023 г. с участием присяжных, составило 1 436 случаев. В процентном отношении к общему количеству уголовных дел, рассмотренных судами за прошлый год (864 937 дел), это составило 0,16%. Если же за показатель «востребованности» данного института взять общее количество поданных ходатайств о рассмотрении дела с участием присяжных, то из общего количества уголовных дел, поступивших в суды в 2023 г. (720 565 дел), этот процент станет совсем мизерным – менее 0,1% (Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru/?ref=w3use.com> (дата обращения: 13.05.2024)). Причем этот порядок чисел наблюдается из года в год на протяжении нескольких десятилетий, что говорит об *устойчивой тенденции* невостребованности института суда с участием присяжных заседателей в современном российском уголовном процессе.

Следующий блок официальных документов прогнозистического характера представлен так называемыми «целевыми программами» развития судебной системы, коих к настоящему времени по периодам было три: на 2002–2006 гг.; на 2007–2012 гг.; на 2013–2024 гг.

Естественно, наибольший интерес представляет последняя из этих программ, утвержденная постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 г. № 1406 (далее – Программа). Если дать общую характеристику этому документу, в сравнении с Концепцией судебной реформы, обращает на себя внимание следующее:

– Программа – документ гораздо менее концептуальный, практически не содержащий в себе «пожеланий на будущее». В его основе – конкретные плановые предложения как по судоустройству, так и по судопроизводству;

– В отличие от Концепции, где риски и угрозы в ее реализации не упомянуты, Программа содержит в себе указание на «основной риск» ее невыполнения, в качестве которого упомянута «недостаточность финансирования Программы за счет средств федерального бюджета, обусловленная инфляционными процессами».

Несмотря на «неправовой» характер данного риска, невозможно отрицать того, что его возникновение влечет и правовые последствия, так как изменения законодательства, требующие, но не обеспеченные необходимыми инфраструктурными и технологическими новациями, нежизнеспособны.

Конкретных положений Программы, которые бы «спрогнозировали» те или иные новеллы уголовно-процессуального законодательства, в ее содержании на самом деле, не так много. Прежде всего они касаются «технологизации» производства по уголовному делу. Так, Программа прямо указывает на задачи обеспечения доступа граждан к правосудию, качественной и эффективной работы судов, которые, согласно ее положениям, могут быть решены в том числе и посредством «мероприятий по развитию использования в судах системы видео-конференц-связи». Естественно, что к их числу относятся не только мероприятия чисто организационно-технического толка (оборудование залов судебных заседаний надлежащей звуко- и видеозаписывающей, воспроизводящей и транслирующей аппаратурой). Реализация планов по развитию систем видео-конференц-связи в судебной деятельности была бы невозможна без внесения соответствующих изменений в процессуальное законодательство, что сравнительно недавно произошло и с действующим уголовно-процессуальным законом. В частности, в его положения была введена специализированная ст. 241.1 УПК РФ, регламентирующая общий порядок участия в судебном заседании путем использования систем видео-конференц-связи, а также ряд норм других статей закона, регламентирующих более частные вопросы, связанные с этим (ч. 5 ст. 241, ч. 5 ст. 259; ст. 278.1 УПК РФ и пр.).

Наконец, последний вид программных документов, содержащих официальный прогноз развития судебной системы и как следствие – уголовно-процессуального законодательства, это постановления Всероссийского съезда судей.

Содержание этих документов с точки зрения их «насыщенности» предложениями по совершенствованию уголовно-процессуального закона может быть самым различным. Так, например, Постановление IX Всероссийского съезда судей не содержало специализированных «уголовно-процессуальных» прогностических положений вовсе, и с этой точки зрения оно имело явно «цивильный» уклон. Однако в нем, в контексте развития электронного судебного документооборота были спрогнозированы изменения уголовно-процессуального закона в части «а) подачи документов в суды в электронном виде, в том числе в форме электронного документа; б) выполнения судебных актов в форме электронного документа; в) совершенствования правил о направлении судебных извещений; г) направления судебных актов и их копий в форме электронного документа», которые позднее нашли отражение в УПК РФ в виде положений Главы 56 этого нормативного акта.

В хронологически последнем постановлении X Съезда от 01.12.2022 № 1 содержалось всего одно реализованное прогностическое положение, касающееся «сокращения из-

быточных судебных процедур в уголовном судопроизводстве» путем введения в законодательство «...норм о провозглашении только вводной и резолютивной частей приговора по всем категориям уголовных дел с обязательным вручением участникам уголовного судопроизводства копий полного текста приговора незамедлительно после провозглашения указанных частей приговора». В настоящее время согласно ч. 7 ст. 241 и ч. 1. ст. 310 УПК РФ в открытом судебном заседании подлежат оглашению только вводная и резолютивная части приговора.

Ряд прогностических положений, претендующих на официальный характер, можно было бы продолжить, однако даже приведенных примеров достаточно для формулировки некоторых выводов, к сожалению, в основном негативного плана.

Первый. В нашей стране по-прежнему отсутствует отлаженная система официального прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства, основанная на средне- и долгосрочном прогнозе развития уголовно-процессуальных отношений. В этих условиях государственные органы, функционально задействованные в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности (в первую очередь судебная система), пытаются по мере возможности осуществлять прогнозирование самостоятельно.

В то же время такой дискретный характер прогнозирования, когда каждый заинтересованный субъект осуществляет прогноз исключительно в пределах своего функционала, недостаточно эффективен в силу двух причин.

Во-первых, то же судейское сообщество, анализируя тенденции развития уголовно-процессуальных отношений, исходит из собственного понимания того, как должно развиваться законодательство. А поэтому как бы оно ни стремилось к максимальной «универсализации» данного прогноза, он все равно односторонен, а стало быть не имеет целостного характера. И этот недостаток будет преследовать прогностическую деятельность любого другого органа.

Указанное обстоятельство непосредственно связано со второй причиной неэффективности децентрализованного прогнозирования. Субъект прогнозирования, не имея возможности осуществить всесторонний анализ направлений развития уголовно-процессуальных отношений, ограничен в глубине прогноза исключительно краткосрочной перспективой, что прямо влияет на содержание предложений по новации уголовно-процессуального законодательства, носящих сиюминутный, часто технический характер. В качестве примера можно привести хотя бы упомянутые предложения по изменению уголовно-процессуального законодательства, фигурирующие в постановлениях Всероссийского съезда судей, значимость которых, мягко говоря, не дотягивает до уровня столь представительного форума.

Второй вывод. Несмотря на требование законодателя об обязательной «научной обоснованности» прогностической деятельности, отсутствие централизованной системы прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства существенно затрудняет

взаимодействие государственных органов и научного сообщества.

Самым «научным» из всех программных документов в этой сфере была и по сей день остается Концепция судебной реформы, которой в скором времени исполнится ни много ни мало 35 лет. Хотя Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ регулярно публикует научные «концепции» развития нашего законодательства, ничего близко похожего по степени фундаментальности на Концепцию судебной реформы так до сих пор и не появилось.

Научно-исследовательские учреждения ведомственного подчинения, безусловно, изучают социальную действительность и на ее основе формулируют прогнозы развития уголовно-процессуального законодательства, однако в основном в части функционала профильных министерств и ведомств. Соответственно, прогностическая деятельность «ведомственной» науки зачастую не простирается далее сферы уголовно-процессуальных отношений, участниками которых являются их сотрудники или работники, что объективно препятствует поступательному развитию уголовно-процессуального законодательства.

И, наконец, *третий вывод*. Он касается рисков и угроз, которые неминуемо сопутствуют любому прогностическому знанию. Автор прогноза должен видеть не только направления развития того или иного явления, но и возможные причины, по которым этот прогноз останется нереализованным, либо негативные последствия его реализации, купируя их еще на этапе прогнозирования. К сожалению, несмотря на все те положения ФЗ о стратегическом

планировании, которые предписывают прогнозировать такие риски и угрозы, соответствующие документы практически не содержат подобных положений, что иногда вызывает недоумение и справедливый вопрос к разработчикам прогноза о глубине его проработки.

Указанные выводы в целом рисуют не очень радужную картину: отсутствие системы централизованного прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства, помноженное на ведомственную разобщенность, влечет появление в законе объективно необусловленных положений. Это запускает механизм постоянного поиска способов внедрения такого закона в жизнь и, как следствие, перманентного «совершенствования» кодекса, в условиях чего какое-либо вразумительное концептуальное прогнозирование на долгосрочной основе практически невозможно. Выход из этого «замкнутого круга» один: создание системы централизованного прогнозирования развития уголовно-процессуального законодательства, предназначенной для изучения объективных тенденций развития уголовно-процессуальных отношений. Причем осуществляться это должно в рамках специализированной государственной программы и, что самое главное, вне какого-либо ведомственного влияния. Мы отдаем себе отчет, что второе условие является самым сложным для реализации, однако без стремления преодолеть «местечковый» внутриведомственный интерес в сфере уголовно-процессуального воздействия и подчинить его интересу государственному, создать эффективный уголовно-процессуальный закон нельзя.

Список источников

1. Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие : сб. статей и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев и Е.Б. Мизулина. М. : Норма, 2007. 800 с.
2. Лазарева В.А. Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102.
3. Володина Л.М. Уголовное судопроизводство: проблемы правового регулирования // Труды ИГиП РАН. 2023. Т. 18, № 4. С. 187–206.
4. Агамиров К.В. Проблемы юридического прогнозирования: методология, теория и практика. М. : ЮРКОМПАНИ, 2015. 408 с.
5. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование : научно-практическое пособие. М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2018. 168 с.
6. Николук В.В. Феномен «мертвых» норм в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. Т. 26, № 2 (77). С. 19–24.

References

1. Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (ed.) (2007) *Uroki reformy ugovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie* [Lessons of the criminal justice reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group for Monitoring the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary of its adoption and entry into force)]. Moscow: Norma.
2. Lazareva, V.A. (2007) *Sostyazatel'nost' i dokazyvanie v ugovnom protsesse* [Adversarial nature and proof in criminal proceedings]. *Ugolovnoe pravo*. 3. pp. 98–102.
3. Volodina, L.M. (2023) *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: problemy pravovogo regulirovaniya* [Criminal proceedings: problems of legal regulation]. *Trudy IGiP RAN*. 18(4). pp. 187–206.
4. Agamirov, K.V. (2015) *Problemy yuridicheskogo prognozirovaniya: metodologiya, teoriya i praktika* [Problems of legal forecasting: methodology, theory and practice]. Moscow: YuRKOMPANI.
5. Tikhomirov, Yu.A. (2018) *Yuridicheskoe prognozirovanie* [Legal forecasting]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law.
6. Nikolyuk, V.V. (2020) *Fenomen "mertvykh" norm v Ugolovno-protsessual'nom kodekse Rossiyskoy Federatsii* [The phenomenon of "dead" norms in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 26(2(77)). pp. 19–24.

Информация об авторе:

Диваев А.Б. – доцент, кандидат юридических наук, декан юридического факультета Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: divalex09@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.B. Divaev, docent, Cand. Sci. (Law), dean of the Law Faculty of the Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: divalex09@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/23/9

ДИСТАНЦИОННОЕ ПРОВЕДЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ, КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Виталий Анатольевич Дударев¹, Сергей Сергеевич Маевский²

^{1,2} *Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия*

¹ *dudarev-vitalii@mail.ru*

² *stelgood@mail.ru*

Аннотация. В рамках настоящей статьи авторы рассматривают основные тенденции и перспективы организации и проведения допросов, очных ставок, предъявления для опознания. Проведен анализ ст. 189.1 УПК РФ на предмет выявления положительных и отрицательных сторон дистанционного проведения указанных следственных действий. На основании полученных результатов авторы приходят к выводу о необходимости совершенствования введенной законодателем статьи.

Ключевые слова: цифровизация, цифровые технологии, пандемия COVID-19, уголовное судопроизводство, видео-конференц-связь (ВКС), видеозапись, следователь, защитник, допрос, очная ставка, предъявление для опознания

Для цитирования: Дударев В.А., Маевский С.С. Дистанционное проведение отдельных следственных действий: тенденции, перспективы, критический анализ // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 63–66. doi: 10.17223/23088451/23/9

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/9

REMOTE INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS: TRENDS, PROSPECTS, CRITICAL ANALYSIS

Vitaliy A. Dudarev¹, Sergey S. Maevskiy²

^{1,2} *Ivan Petrovsky Bryansk State University, Bryansk, Russian Federation*

¹ *dudarev-vitalii@mail.ru*

² *stelgood@mail.ru*

Abstract. The authors consider the main trends and prospects for organizing and conducting interrogations, confrontations, and identity parades. An analysis of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation was conducted to identify the positive and negative aspects of conducting these investigative actions remotely. Based on the results obtained, the authors conclude that it is necessary to improve the article introduced by the legislator. The article considers issues related to the organization and conduct of interrogations, confrontations, and identity parades using video conferencing. The impetus for adopting this article was: the unfavorable situation in society due to the COVID-19 pandemic, when the isolation of citizens in order to prevent their infection with the coronavirus infection became an objective necessity; high rates of digitalization of public life; trends in the introduction of digital technologies in the criminal proceedings.

Keywords: digitalization, digital technologies, COVID-19 pandemics, criminal proceedings, videoconferencing (VC), video recording, investigator, defense attorney, interrogation, confrontation, identity parade

For citation: Dudarev, V.A. & Maevsky, S.S. (2024) Remote individual investigative actions: Trends, prospects, critical analysis. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 63–66. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/9

В практике расследования, как правило, не обходится без проведения такого следственного действия, как допрос. Тенденции развития современного информационного общества подталкивают законодателя к необходимости внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство.

Так, 30 декабря 2021 г. Федеральным законом № 501-ФЗ были внесены изменения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1].

В результате этих изменений в содержании УПК РФ появилась ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи» (далее – ВКС). В юридической литературе отмечается, что «благодаря цифровым технологиям перед человеком открываются возможности накопления неограниченного количества электронной информации, а также мгновенного доступа к ней, обеспечение возможности мгновенной передачи такой информации на расстояние без существенных затрат,

удобной работы с компьютерной информацией на предмет ее поиска, классификации, анализа, возможности использовать электронные образцы документов, что существенно облегчает и ускоряет деятельность субъектов уголовного судопроизводства» [2].

Появление новой статьи в уголовно-процессуальном законодательстве, на наш взгляд, обусловлено не только техническим развитием общества, но и обстоятельствами, связанными с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19), из-за которой во многом стало затруднительным расследование уголовных дел и привлечение участников уголовного судопроизводства из-за самоизоляции и локдауна.

Как справедливо отмечают Е.А. Зайцева и Е.А. Гордеева «с одной стороны, вводя нормы статьи 189.1 УПК РФ, законодатель «облегчает» производство по уголовному делу, сокращая сроки расследования и экономия бюджетные денежные средства, выделяемые на командировки сотрудников, но при этом усложняет саму процедуру проведения следственных действий ради обеспечения законности соблюдения прав и законных интересов участников этих следственных действий» [3. С. 383].

По нашему мнению, юридическую конструкцию ст. 189.1 УПК РФ вряд ли можно назвать совершенной, ее содержание вызывает больше вопросов, чем ответов на то, как правильно технически организовать и провести допрос, очную ставку и предъявление для опознания, как обеспечить соблюдение необходимых процессуально-тактических аспектов указанных следственных действий. Кроме того, мы не исключаем возможность появления в УПК РФ новых статей, регулирующих возможности проведения и иных следственных действий с помощью средств ВКС.

Для проведения оптимального анализа эффективности использования средств ВКС при проведении отдельных следственных действий подробно рассмотрим «плюсы и минусы» ст. 189.1 УПК РФ.

Для начала рассмотрим *позитивные аспекты* проведения допроса, очной ставки и предъявления для опознания с помощью ВКС.

На практике могут возникать следственные ситуации, когда следователю или дознавателю не представляется возможным непосредственно взаимодействовать со свидетелем с целью получения от него показаний. Кроме того, в период пандемии коронавирусной инфекции COVID-19 во многих субъектах РФ был введен режим обязательной самоизоляции. Таким образом, предусмотренная законодателем возможность использования средств ВКС помогает провести допрос, очную ставку или предъявление для опознания без выезда в другой регион, минимизировать расходы на поездку и не покидать место производства предварительного расследования.

Еще одной положительной чертой анализируемой статьи является то, что в ее рамках не предусмотрено, в отношении каких процессуальных участников можно проводить следственные действия с помощью ВКС, что дает следователю достаточно широкие возможности.

Так, например, при необходимости проведения допроса, очной ставки, предъявления для опознания свидетеля с помощью средств ВКС следователь может столкнуться с тем, что свидетельские показания необходимо получить быстрее, чем в 10-дневный срок, указанный в ч. 1 ст. 152 УПК РФ. Кроме того, возможны ситуации, когда личное участие свидетеля при производстве по уголовному делу невозможно [4]. Отсутствие в данном случае в уголовно-процессуальном законодательстве перечня лиц, которые могли бы инициировать процедуру допроса с помощью ВКС, дает следователю возможность выступать с такой инициативой.

Предусмотренная законодателем процедура организации и проведения, указанных выше следственных действий с помощью ВКС дает возможность потерпевшему выбрать место допроса: либо прийти к следователю на допрос в кабинет, либо находиться у себя дома, используя компьютер или смартфон в рамках проведения данного следственного действия [5].

Также к плюсам данной статьи относится то, что во время производства следственного действия законодатель предусмотрел возможность обязательного использования средств видеofиксации всего происходящего процесса. Это дает возможность получить фонограмму голоса допрашиваемого лица, его эмоциональный настрой и не дает возможности допрашиваемому лицу утверждать, что данные им показания не соответствуют тем, которые зафиксированы в протоколе. Кроме того, в содержании ст. 189.1 УПК РФ предусмотрено, что в течение 24 часов следователь, дознаватель или орган дознания, расположенный по месту нахождения допрашиваемого, обязаны направить полученные материалы с подпиской в тот территориальный следственный орган, который проводил предварительное расследование [6].

На наш взгляд, введение в действие законодателем ст. 189.1 УПК РФ было обусловлено такими факторами, как обеспечение безопасности здоровья населения, возможности сокращения сроков предварительного расследования и экономии денежных средств. Тем не менее погоня законодателя за «упрощенчеством» привела на практике к определенным сложностям в плане организации и проведения с помощью средств ВКС таких следственных действий, как допрос, очная ставка и предъявление для опознания.

Рассмотрим более подробно возникающие на практике *негативные аспекты*, сопутствующие организации и проведению вышеуказанных следственных действий, которые законодателем до сих пор не устранены.

Нельзя назвать благоприятной в тактическом плане следственную ситуацию, при которой необходимо провести допрос свидетеля, который может оказывать скрытое противодействие расследованию, так как его интересы могут быть противоположными процессу установления истины по уголовному делу.

Тактическая организация проведения допроса предусматривает общение следователя с допрашиваемым с целью непосредственного наблюдения за реакцией на задаваемые вопросы, изучение языка телодвижений, мимики, цвета лица, выражения глаз допрашиваемого [7. С. 90].

В случае же проведения данного процессуального действия с помощью средств ВКС следователь такого непосредственного восприятия реакций допрашиваемого на поставленные вопросы будет лишен, так как техника, даже самая качественная, не позволит полностью передать обстановку непосредственного допроса, при которой происходит тактильная коммуникация между субъектами.

Также одним из неблагоприятных обстоятельств организации и проведения следственных действий с помощью средств ВКС является то, что весьма сложен на практике процесс обеспечения тайны следствия и технической защищенности канала связи, по которому происходит коммуникация между следователем и лицом, в отношении которого следственное действие проводится дистанционно.

На наш взгляд, данная проблема до сих пор окончательно не решена, так как обмен данных посредством сети Интернет в любом случае может иметь уязвимость для отдельных заинтересованных лиц. Данный тезис выдвигается нами на основании того, что компьютерная техника и средства коммуникации следователя могут существенным образом отличаться от техники и средств коммуникации лица, находящегося в другом месте, в отношении которого проводятся следственные действия, предусмотренные ст. 189.1 УПК РФ. Никто не может дать абсолютной гарантии того, что хотя бы одно из средств коммуникации не будет иметь уязвимости в отношении скрытого доступа и прослушивания, будь то смартфон или другое средство коммуникации.

На практике весьма трудно реализовать процесс конфиденциальности проведения следственных действий, указанных в ст. 189.1 УПК РФ, так как необходимо всесторонне проверить на предмет уязвимости данных как компьютерную технику следователя, так и технические средства лица, с которым проводятся следственные действия по ВКС.

Разработка специальных «защищенных», предназначенных для проведения следственных действий мессенджеров в настоящее время находится лишь в начальной стадии развития. Кроме того, процесс такой разработки потребует определенных денежных затрат, скорее всего это приведет к созданию платных версий такого программного обеспечения. Также следует учитывать технические возможности компьютеров и гаджетов, на которые должно устанавливаться данное программное обеспечение, могут возникнуть проблемы с обеспечением совместимости при функционировании данных программ. Изложенное свидетельствует, что вряд ли возможно проведение указанных в ст. 189.1 УПК РФ следственных действий с помощью ВКС в случае, если участник уголовного судопроизводства находится у себя дома, так как невозможно обеспечить установку на персональный компьютер или мобильный телефон приложения с защищенным каналом связи. Это означает, что лицо, в отношении которого необходимо провести допрос, очную ставку или предъявления для опознания, так или иначе должно прийти в следственный орган, при этом указанные выше следственные действия будут проводиться в специально оборудованном помещении с

техническими средствами коммуникации, имеющими защищенный канал связи.

Несмотря на то, что в настоящее время проходит апробирование система СВКС-м (сервис-видео-конференц-связи), предназначенная для осуществления коммуникации сотрудников органов ОВД, существуют определенные сложности в процессе практической организации данного мероприятия. Так, например, следователь, организующий проведение следственного действия с помощью ВКС, должен применять не тот компьютер, который он использует в работе, а отдельный специальный компьютер, оборудованный сервисом СВКС-м. При этом необходимо технически грамотно наладить видеомост с другим следователем, который может находиться в другом субъекте РФ, имея также при этом выделенный служебный компьютер, оборудованный СВКС-м, находящийся в отдельном помещении. Заметим, что далеко не каждый следователь или дознаватель смогут наладить качественную видеосвязь и обеспечить надлежащее качество записи всего процесса проведения следственного действия с помощью компьютерной техники. Налицо проблема привлечения дополнительных специалистов для технической организации следственных действий с помощью ВКС, урегулирование их процессуального статуса в УПК РФ.

На практике также могут возникать такие негативные ситуации, когда показания лица, даваемые при проведении ВКС, могут быть невыгодными для органов предварительного расследования, в результате чего видеозапись может «случайно прерваться по техническим причинам»; после этого, как отмечается в юридической литературе, дающее показания лицо впоследствии оказывается уже «подготовленным» и дает показания, необходимые стороне обвинения, игнорируя вопросы, задаваемые со стороны защиты [6. С. 98].

Необходимо отметить, что существуют определенные сложности при подписании протокола следственного действия, проводимого с помощью ВКС.

По нашему мнению, вызывает нарекания процедура проведения дистанционных допросов, очных ставок, а тем более предъявления для опознания, поскольку достоверность таких следственных действий и их результатов будет весьма сомнительна. Обоснуем нашу точку зрения.

1. Законодатель не предусмотрел возможности организации проведения допроса свидетеля по инициативе стороны защиты в случае невозможности явки свидетеля в суд.

2. С трудом представляется, каким образом может быть проведена дистанционная очная ставка между ранее допрошенными лицами; как обеспечить при этом участие стороны защиты. Дело в том, что процесс проведения очной ставки – это напряженный психологический процесс, когда ее участники именно непосредственно, а не опосредованно видят друг друга, задают друг другу вопросы, иногда не очень удобные. Таким образом, только при непосредственном участии следователя и защитника имеется возможность разрешения существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

3. Имеются сложности при организации и проведении такого следственного действия, как предъявление для опознания с помощью ВКС. Подразумевается, что данное следственное действие проводится по месту опознающего. По месту, где находится подозреваемый, будет просто демонстрация опознаваемых лиц и статистов. К сожалению, обеспечить законность проведения такой

процедуры, воспрепятствовать недобросовестному воздействию на опознающего со стороны правоохранительных органов (что достаточно часто встречается на практике) участвующий в деле защитник никак не сможет.

На основании изложенного мы приходим к выводу о том, что ст. 189.1 УПК РФ нуждается в изменении с целью устранения противоречий в ее содержании.

Список источников

1. Федеральный закон от 30.12.2021 № 500-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 03.01.2022. № 1 (Часть I). Ст. 69.
2. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica (Русский закон). 2019. № 5 (150). С. 91–104.
3. Зайцева Е.А. Проблемные вопросы производства следственных действий в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Актуальные проблемы предварительного расследования : сборник научных статей международных научно-практических конференций. СПб., 2022. С. 381–386.
4. Антонович Е.К. Использование цифровых технологий при допросе свидетелей на досудебных стадиях уголовного судопроизводства (сравнительно-правовой анализ законодательства Российской Федерации и законодательства некоторых иностранных государств) // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 125–136.
5. Десяткин Г.С. Особенности организации допроса потерпевшего с использованием высоких технологий по уголовным делам, связанным с совершением киберпреступлений // Вестник военного права. 2021. № 17–23.
6. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 95–102.
7. Маевский С.С., Дударев В.А. Ситуационные особенности допросов несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых с участием защитника // Ежегодник НИИ фундаментальных и прикладных исследований. 2019. № 1 (11). С. 89–95.

References

1. Russian Federation. (2021) Federal'nyy zakon ot 30.12.2021 № 500-FZ "O vnesenii izmeneniy v Ugolovno-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law No. 500-FZ of December 30, 2021, "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1(1). Art. 69.
2. Voskobitova, L.A. (2019) Ugolovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovyte tekhnologii: problemy sovmestimosti [Criminal Procedure and Digital Technologies: Compatibility Issues]. *Lex Russica*. 5(150). pp. 91–104.
3. Zaytseva, E.A. (2022) Problemye voprosy proizvodstva sledstvennykh deystviy v usloviyakh rasprostraneniya koronavirusnoy infektsii COVID-19 [Issues of Investigative Actions during the Coronavirus Infection COVID-19]. In: *Aktual'nye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya* [Topical Problems of Preliminary Investigation]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 381–386.
4. Antonovich, E.K. (2019) Ispol'zovanie tsifrovyykh tekhnologiy pri doprose svitateley na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva (sравnitel'no-pravovoy analiz zakonodatel'stva Rossiyskoy Federatsii i zakonodatel'stva nekotorykh inostrannykh gosudarstv) [The use of digital technologies in the interrogation of witnesses at the pre-trial stages of criminal proceedings (a comparative legal analysis of the legislation of the Russian Federation and the legislation of some foreign states)]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 6. pp. 125–136.
5. Devyatkin, G.S. (2021) Osobennosti organizatsii doprosa poterpevshego s ispol'zovaniem vysokikh tekhnologiy po ugovolnym dela, svyazannym s soversheniem kiberprestupleniy [The organization of the interrogation of the victim using high technologies in criminal cases related to the commission of cybercrimes]. *Vestnik voennogo prava*. 17–23.
6. Plakhota, K.S. (2022) Ispol'zovanie sledovatelem (doznavatelem) video-konferents-svyazi pri proizvodstve sledstvennykh deystviy [The use of video conferencing by the investigator (interrogator) in the production of investigative actions]. *Izvestiya tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskies i yuridicheskies nauki*. 1. pp. 95–102.
7. Maevskiy, S.S. & Dudarev, V.A. (2019) Situatsionnye osobennosti doprosov nesovershennoletnikh podozrevaemykh i obvinyaemykh s uchastiem zashchitnika [The situational features of interrogations of juvenile suspects and those accused with the participation of a defense attorney]. *Ezhegodnik NII fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniy*. 1(11). pp. 89–95.

Информация об авторах:

Дударев В.А. – старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия). E-mail: dudarev-vitalii@mail.ru

Маевский С.С. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Брянск, Россия). E-mail: stelgood@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Dudarev, senior lecturer of the Department of Criminal Law Disciplines, Ivan Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russian Federation). E-mail: dudarev-vitalii@mail.ru

S.S. Maevskiy, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Ivan Petrovsky Bryansk State University. E-mail: stelgood@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

Научная статья
УДК 343.137.2

doi: 10.17223/23088451/23/10

ПРОБЛЕМЫ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

Павел Евгеньевич Затеев¹, Елена Викторовна Носкова²

¹ *Бакчарский районный суд Томской области, Томск, Россия, paz@bk.ru*

² *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, NoskovaElena@mail.ru*

Аннотация. Фиксируемое повышение внимания законодателя и учёных к сокращённому порядку судебного разбирательства, существенное изменение судебной практики обусловили постановку ряда вопросов и необходимость поиска ответов на них. Выявлены титульные и фактические детерминанты изменения правоприменительной практики, с учетом которых предпринята попытка выработать предложения по оптимизации норм Главы 40 УПК РФ и практики их реализации. Поставлены под сомнение опасения привлечения к ответственности невиновных в совершении преступления, акцент на сокращении диспозитивных начал в уголовном судопроизводстве, отказ от упрощения процессуальной формы и от движения к оптимизации судебной деятельности.

Ключевые слова: особый порядок судебного разбирательства, проблемы судебной практики

Для цитирования: Затеев П.Е., Носкова Е.В. Проблемы практики применения особого порядка судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 67–73. doi: 10.17223/23088451/23/10

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/10

PROBLEMS OF PRACTICAL APPLICATION OF SPECIAL PROCEDURE OF JUDICIAL PROCEEDINGS

Pavel E. Zateev¹, Elena V. Noskova²

¹ *Bakcharsky District Court of Tomsk Region, Tomsk, Russian Federation, paz@bk.ru*

² *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, NoskovaElena@mail.ru*

Abstract. The growing attention of the legislator and the academic community to the special procedure of judicial proceedings with the defendant's consent to the charges as well as a significant decrease in the statistical indicators of judicial practice predetermined a number of topical issues and the need to find answers to them. The main objective of the article is to analyze the emerging judicial practice of implementing the special procedure for making a judicial decision on criminal cases in terms of compliance with the purpose and principles of criminal proceedings. The objectives are to identify the title and factual determinants of changes in judicial practice, to develop the author's proposals for optimizing the norms of Chapter 40 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and law enforcement practice. The methodology is presented by general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, as well as comparative legal and systemic-logical methods. Due to the lack of correlation between the number of cases considered in a special procedure and the statistics of acquittals, concerns about the high probability of bringing to justice people innocent of committing a crime are subject to critical analysis. The reduction of dispositive principles in the course of criminal proceedings, the rejection of tendencies to simplify the procedural form and the planned tendencies to optimize judicial activity are revealed. The authors determine their position on the "experiment" on the rejection of a special procedure in practice, which is not entirely successful and not corresponding to modern realities, and the importance of continued reform of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in order to comply with the principles of criminal proceedings and its purpose, as well as for an adequate response to modern challenges.

Keywords: special procedure of judicial proceedings, problems of judicial practice

For citation: Zateev, P.E. & Noskova, E.V. (2024) Problems of practical application of special procedure of judicial proceedings. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 67–73. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/10

Законодатель многократно подвергал изменениям нормативную регламентацию особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением за двадцатилетний период применения [1]. За период применения постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 «О применении

судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» оно также несколько раз редактировалось [2]. Столь пристальное внимание законодателя и Верховного Суда и высокая популярность в среде судей особого уголовно-процессуального производства предопределили внимание к нему со стороны ученого сообщества.

Порядок судебного разбирательства, регламентированный гл. 40 УПК РФ, за период своего применения перешел из числа особых в разряд ординарных, а его критическое осмысление представлено в научных изданиях [3].

В числе целей введения особого порядка судебного разбирательства можно выделить обеспечение процессуальной экономии по делам о преступлениях, не представляющих повышенной общественной опасности [4]. Ученые при этом указывают на повышение опасности необоснованного обвинения невиновных лиц ввиду специфики действия принципов уголовного судопроизводства – нарушения положений ст. 6 УПК РФ, – и сокращения объема гарантий [5].

Относительно данных опасений обращение к сравнению официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации о количестве вынесенных оправдательных приговоров в обычном и особом порядке позволяет однозначно опровергнуть их. За период с 2018 по 2022 г. количество оправданных лиц

варьируется в диапазоне 0,3–0,36% от количества лиц, в отношении которых вынесены приговоры, и рост показателей при этом не фиксируется (при подготовке настоящего исследования использованы статистические данные, представленные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: Судебный департамент (сdep.ru)). Статистические сведения о количестве лиц, в отношении которых вынесены приговоры, и о количестве оправданных представлены на рис. 1. Процентное соотношение оправданных и общего количества лиц, в отношении которых вынесены приговоры, представлено на рис. 2.

В этот же период наблюдается существенное снижение числа лиц, осужденных в порядке гл. 40 УПК РФ. Согласно вышеуказанному источнику, в 2018 г. всего в стране было осуждено 681 933 лиц, из них в особом порядке – 481 391, т.е. более 70% лиц осуждено в особом порядке судебного разбирательства.

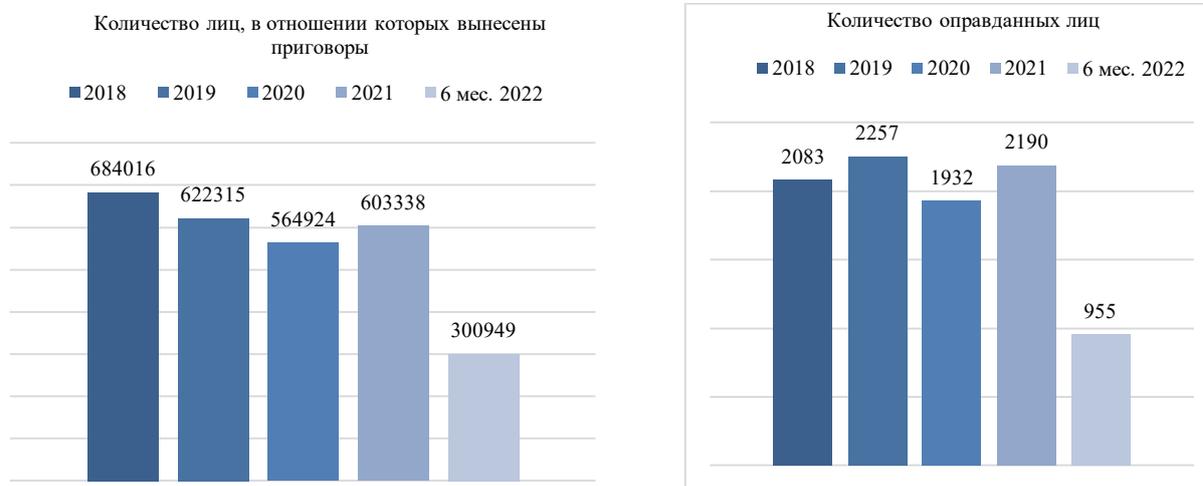

Рис. 1. Статистические сведения о количестве лиц, в отношении которых вынесены приговоры, и о количестве оправданных

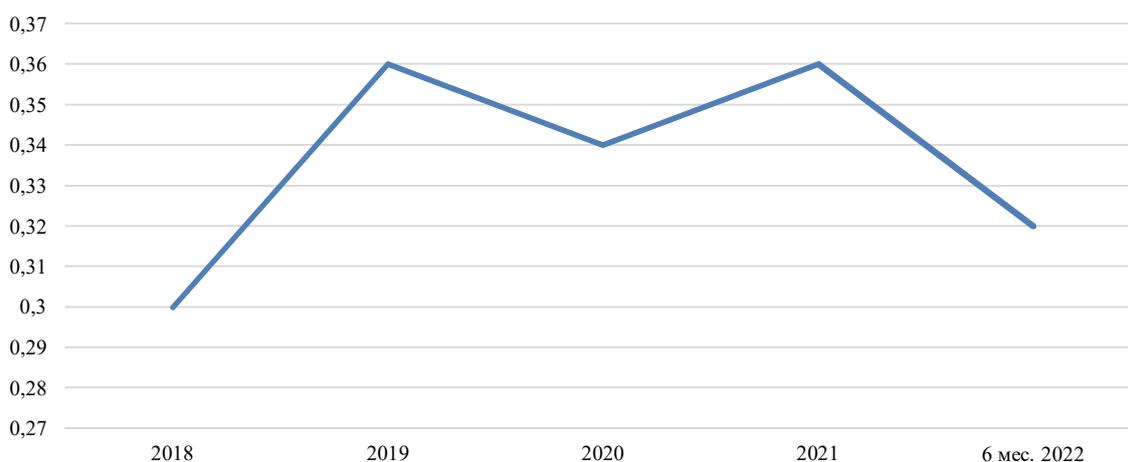

Рис. 2. Соотношение доли оправданных и лиц, в отношении которых вынесены приговоры, %

Для сравнения: за первое полугодие 2022 г. из числа всех осужденных – 299 994 человека – в особом порядке осуждены только 120 617. Поэтому доля лиц, осужден-

ных в особом порядке, едва составила 40%. Соответственно, рассмотрение дел в особом порядке существенно сократилось.

Сформировавшаяся модель уголовного судопроизводства направлена на недопущение направления в суд уголовных дел с недостаточно обоснованным обвинением. Анализ данных, представленных на рис. 1, 2, с учетом снижения количества случаев рассмотрения дел в порядке главы 40 УПК РФ опровергают предположение о влиянии рассматриваемого особого производства на вынесение оправдательных приговоров, равно как и повышение рисков привлечения к уголовной ответственности невиновных лиц.

Исходя из того, что количество оправданных лиц и показатели изменения квалификации с расширением практики рассмотрения уголовных дел в общем порядке существенно не изменились, можно предположить, что наметившийся курс правоприменительной практики не обеспечивает дополнительную защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения.

По нашим наблюдениям, снижение количества дел, рассмотренных в особом порядке, связано не только с исключением тяжких преступлений из ст. 314 УПК РФ. Отмеченная тенденция фиксировалась в научной литературе намного раньше [6. С. 158], а отдельные авторы [7, 8] ссылались при этом на негативную оценку Генеральной прокуратурой в 2018 г. качества предварительного следствия, которое, по мнению надзорного ведомства, деградировало вследствие сокращенной формы судебного разбирательства.

Обращаясь к формулировкам Президента Российской Федерации, использованным им в ходе выступления на заседании коллегии Генпрокуратуры России в марте 2019 г., «рассмотрение дел в особом порядке – важный инструмент, но он не должен служить прикрытием некачественной, некомпетентной работы в сфере следствия» [9].

Как следует из таблицы, еще до исключения законодателем тяжких преступлений из особого порядка по итогам 2019 г. количество лиц, осужденных в особом порядке, упало до 60%, в 2020 г. – до 53%, в 2021 г. – до 43%, а в первом полугодии 2022 г. составило 40%.

Количественные и процентные показатели лиц, осужденных в особом порядке

Год	Всего осуждено, чел.	Осужденные в особом порядке	
		Абсолютные показатели, чел.	Относительные показатели, %
2018	681 933	481 391	70,59
2019	620 058	374 404	60,38
2020	562 992	296 472	52,66
2021	601 148	259 055	43,09
6 месяцев 2022	299 994	120 617	40,22

Используем метод «от обратного»: если исключить выявленное влияние и волевое сокращение применения особого порядка принятия судебного решения, при этом экстраполируя пропорции 2018 г. исключительно в отношении преступлений небольшой и средней тяжести, исключив из оснований применения гл. 40 УПК РФ лишь тяжкие преступления, в первом полугодии 2022 г. в особом порядке гипотетически должны были быть

рассмотрены дела в отношении не менее 55% осужденных, а не 40%. В абсолютных показателях это составляет более 42 000 дел. Несомненно, увеличение нагрузки на судебную систему, а также государственных обвинителей на 15% следует оценить как существенное.

Жизненные реалии несколько скорректировали правоприменительную практику и потребовали экстренных мер реагирования на ранее неизвестные и абсолютно непредсказуемые вызовы. Так, в 2020 г., когда в России началась пандемия коронавируса, суды, исходя из Постановления Президиума Верховного Суда РФ, Президиума Совета судей РФ от 08.04.2020 № 821 «О приостановлении личного приема граждан в судах», а также последующих разъяснений, в целях недопущения распространения COVID-2019 были ориентированы на рассмотрение дел с минимальным количеством участников, доступ во многие суды был ограничен на протяжении почти двух лет. Рекомендации Верховного суда были своевременными и отвечали потребностям сложившихся условий.

Оппоненты могут возразить, апеллируя к «пройденности этапа», однако в 2022 г. неоднократно в СМИ фиксировались сообщения о вспышках кори в различных регионах России [10]. Таким образом, риски могут меняться.

Между тем несвоевременным оказалось стремление тотально сократить применение особого порядка судебного разбирательства. Он в большей степени отвечал потребностям периода пандемии и позволял рассмотреть дела в приемлемые сроки без непосредственного присутствия в суде участников уголовно-правового спора. Естественно, те авторы, которые высказались за сокращение применения особого порядка принятия судом решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением [11. С. 24], не могли принимать во внимание данные обстоятельства. Однако именно в условиях пандемии была продемонстрирована способность исследуемого дифференцированного производства учитывать динамично меняющиеся реалии и реагировать на различные социальные вызовы.

Снижение показателей применения особого порядка в сложившихся условиях предстало неоправданным. Вместо рассмотрения дел в особом порядке в разумные сроки и с минимальным количеством участников судам приходилось неоднократно откладывать дела с целью вызова для допроса в суд потерпевших, свидетелей и соблюдения санитарно-эпидемиологических мер, дабы и дела рассмотреть, и постараться людей не подвергать повышенному риску заражения.

Дополнительный смысл ввиду изложенного приобретает утверждение, что «установленное ст. 240 УПК РФ правило о непосредственности судебного заседания является несколько условным; его не следует идеализировать и воспринимать буквально; его практическое применение всегда сопряжено с определенными ограничениями, вытекающими из самой сущности уголовно-процессуального доказывания, имеющего преимущественно ретроспективный характер. Единоличное изу-

чение судьей доказательств по уголовному делу, рассматриваемому в особом порядке, по своей внутренней (познавательной) сущности мало чем отличается от устного оглашения этих же доказательств в порядке ст. 276, 281 или 285 УПК РФ» [12. С. 44]. Вместе с тем поддержки заслуживает и утверждение, что «невзирая на существующие противоречия в теории, нормативном регулировании и, самое главное, в практике особого порядка судебного разбирательства, полагаем, что он уже полностью доказал свою жизнеспособность в качестве одной из современных форм осуществления правосудия по уголовным делам, а поэтому нуждается не в отмене, а наоборот, в дальнейшем развитии» [12. С. 48].

Отмеченная выше растущая нагрузка на суды усиливается необходимостью при прекращении особого порядка судебного разбирательства и переходе к общему вызвать в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, и обеспечить возможность дополнительной подготовки к судебному заседанию, следовательно, необходимо объявить перерыв в судебном заседании либо его отложить [13]. Поэтому суд проводит минимум два (в самом идеальном случае) заседания с привлечением участников. Следовательно, затраты на оплату услуг защитника из средств федерального бюджета увеличиваются вдвое, могут вырасти и другие издержки государства.

Возвращаясь к анализу статистических данных, следует отдельно акцентировать внимание на связи снижения количества дел, рассмотренных в особом порядке, не только и не столько с исключением тяжких преступлений из положений ст. 314 УПК РФ. Законодатель наделил полномочиями возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства подсудимого, государственного или частного обвинителя, потерпевшего и суд (ч. 6 ст. 316 УПК РФ).

Следуя по «пути исключения»:

- суды не заинтересованы в усложнении процессуальной формы и на практике инициируют прекращение рассмотрения дела в соответствии с главой 40 УПК РФ исключительно при выявлении обстоятельств, препятствующих принятию судебного решения в этом порядке, что случается далеко не часто;

- подсудимому разъясняются все положительные последствия, и он, соглашаясь на применение особого порядка, также не заинтересован в выходе из него;

- защитник в подавляющем большинстве случаев связан позицией подзащитного;

- потерпевшие в потенциале могут занять бескомпромиссную позицию пресечения любых поблажек в наказании подсудимого, однако на практике этот мотив встречается крайне редко;

- остается только государственный обвинитель, который и заявляет возражение против особого порядка.

Основные изменения в структуре дел, рассмотренных в особом порядке, начались после того, как заместитель Генерального прокурора Российской Федерации Л.Г. Коржинек направил всем прокурорам субъектов Российской Федерации, а также приравненным к ним военным и иным специализированным прокурорам Обзор практики обеспечения конституционных прав граждан

при применении особого порядка принятия судебного решения 29.10.2019 г. Исх № 12-12-2019. Именно в нем указано на «порочность практики чрезмерного применения упрощенной процедуры как при расследовании, так и при судебном разбирательстве уголовных дел».

В научной литературе встречается разностороннее и подробное исследование обстоятельств, препятствующих применению особого порядка, который может быть использован для мотивирования отказа государственного обвинителя от рассмотрения уголовного дела в сокращенном порядке [14]. С другой стороны, на диссертационном уровне аргументированно отстаивается точка зрения о необходимости отказа от императивного требования согласия государственного обвинителя, потерпевшего или частного обвинителя с ходатайством от обвиняемого о проведении судебного разбирательства в ускоренном порядке [15]. Отдельные исследователи при этом задаются вопросом относительно «целесообразности сохранения действующей упрощенной процедуры применения особого порядка судебного разбирательства» [16. С. 54], связанного требованием соблюдения предусмотренных УПК РФ требований, в числе которых важное место отводится согласию государственного обвинителя и потерпевшего.

Думается, в процессе, когда всем участникам судебного разбирательства понятны преимущества и они выразили согласие рассмотреть дело в особом порядке, а государственный обвинитель возражает против него, достаточно сложно обосновать логичность и последовательность судопроизводства. Сложно не согласиться с утверждением, что «такая форма судебного разбирательства стала широко применяться, так как является выгодной для всех сторон: подсудимые получают наказание не свыше двух третей максимального срока, предусмотренного санкцией статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), адвокаты – гарантированную оплату, прокуроры и судьи – хорошие показатели» [17. С. 44–45].

Учитывая вышеизложенное, следует констатировать отступление от стратегии упрощения процессуальной формы, о сокращении диспозитивных начал в ходе уголовного судопроизводства, об отклонении от намечившихся тенденций оптимизации судебной деятельности, чаще всего проявлявшейся в стремлении снизить нагрузку на судей. В целях сохранения баланса между частными и публичными интересами следует законодательно закрепить требования об обязательном мотивировании отказа государственного обвинителя и потерпевшего от постановления приговора в особом порядке и возможности суда принимать решение о производстве в порядке главы 40 УПК РФ, учитывая все обстоятельства дела вне зависимости от позиции стороны обвинения.

Опираясь на вышеизложенное, по мнению авторов, «эксперимент» по отказу от особого порядка на практике оказался не вполне удачным и не отвечающим реалиям современности. В целях соблюдения принципов уголовного судопроизводства и его назначения, для адекватного реагирования на актуальные вызовы необходимо внесение некоторых изменений в главу 40 УПК РФ:

– с целью соблюдения конституционного принципа состязательности сторон возражения потерпевшего против применения сокращенного порядка должны учитываться только при непосредственном участии потерпевшего в судебном заседании, тогда как в настоящее время для прекращения особого порядка достаточно формального согласия потерпевшего при отсутствии необходимости являться в суд;

– отказ государственного обвинителя и потерпевшего от производства судебного рассмотрения уголовного дела в порядке, регламентированном главой 40 УПК РФ, должен быть обоснован и мотивирован;

– суд следует уполномочить принимать решение о производстве в особом порядке с учетом всех обстоятельств дела и позиции всех участников судебного разбирательства;

– в целях же обеспечения принципа состязательности, равноправия сторон и исключения дублирующих функций прокурорского надзора при возражении государственного обвинителя против применения особого

порядка судебного разбирательства по уголовному делу суд следует наделить правомочием принимать решение о возвращении уголовного дела прокурору для устранения препятствий его рассмотрения в особом порядке;

– для суда также необходимо предусмотреть полномочие отказать в удовлетворении ходатайства государственного обвинителя о прекращении рассмотрения дела в особом порядке, которое при этом должно быть мотивировано.

С точки зрения авторов, применение особого порядка постановления приговора с учетом сформулированных рекомендаций призвано способствовать ограничению временных и иных затрат на проведение судебного разбирательства, а также обеспечить рассмотрение уголовного дела в разумный срок, т.е. обеспечить в максимальной степени достижение именно тех целей, с которыми связано закрепление анализируемого порядка в уголовно-процессуальном законодательстве.

Список источников

1. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 04.07.2003 № 92-ФЗ; Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» от 29.12.2010 № 433-ФЗ; Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве» от 28.12.2013 № 432-ФЗ; Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 20.07.2020 № 224-ФЗ.
2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 24.02.2010 № 4, от 23.12.2010 № 31, от 09.02.2012 № 3, от 05.06.2012 № 10, от 22.12.2015 № 59 и от 29.06.2021 № 22.
3. *Петрухин И.Л.* Концептуальные основы реформы уголовного судопроизводства // Государство и право. 2002. № 5. С. 20–25.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11.04.2019 № 8 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.03.2024).
5. *Андреева О.И., Лонь С.Л., Рукавишникова А.А., Трубишкова Т.В.* Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства // Уголовное право. 2017. № 4. С. 5–9.
6. *Качалова О.В.* Ускоренное производство в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. 158 с.
7. *Овчинников Ю.Г.* Реализация института особого порядка принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением: pro et contra // Российский судья. 2022. № 5.
8. *Гатинский А.* Чайка назвал причину деградации российских следователей. URL: Чайка назвал причину деградации российских следователей — РБК (rbc.ru) (дата обращения: 27.11.2022).
9. Расширенное заседание коллегии Генеральной прокуратуры РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100> (дата обращения: 29.11.2022).
10. В РГУ нефти и газа им. Губкина вспышка кори: что говорят врачи – Российская газета (rg.ru); Геннадий Онищенко: Вакцины от кори нет, справки о прививке часто фальшивые – Свободная Пресса – Новости России. Новости России сегодня. Новости. Новости сегодня. Новости России на 13.04.2023. Новости РФ. Россия. Россия новости. Новости Россия. (svpressa.ru). URL: <https://rg.ru/2023/04/13/kogo-ukoriat.html?ysclid=lgg4bm3c4t696999193> (дата обращения: 20.04.2024).
11. *Новиков С.А.* Сокращение особого порядка судебного разбирательства: «начало движения» или «конец маршрута»? // Российский судья. 2020. № 10. С. 23–25.
12. *Российский С.Б.* Особый порядок судебного разбирательства как форма доказывания обстоятельств уголовного дела: возражения оппонентам // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 4. С. 40–48.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.12.2006 № 60 (ред. от 29.06.2021) «О применении судами особого порядка судебного разбирательства уголовных дел» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.04.2024).
14. *Желтобрюхов С.П.* Нужно ли согласие государственного обвинителя и потерпевшего при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства? // Российская юстиция. 2017. № 12. С. 60–62.
15. *Тенишев А.П.* Особый порядок судебного разбирательства в уголовном процессе Российской Федерации: соответствие принципам и совершенствование процессуальной формы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 35 с.
16. *Дикарев И.С.* Не пора ли особому порядку судебного разбирательства стать ordinарным? // Российская юстиция 2020. № 11. С. 52–57.
17. *Конев А.Н.* Идеология ускоренного разрешения уголовного дела в отечественном уголовном процессе // Труды Академии МВД России. 2017. № 2 (42). С. 44–45.

References

- Russian Federation. (n.d.) *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii"* ot 04.07.2003 № 92-FZ; *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v Uголовно-protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh zakonodatel'nykh aktov (polozheniy zakonodatel'nykh aktov) Rossiyskoy Federatsii"* ot 29.12.2010 № 433-FZ; *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiyskoy Federatsii v tselyakh sovershenstvovaniya prav poterpevshikh v uголовном sudoproizvodstve"* ot 28.12.2013 № 432-FZ; *Federal'nyy zakon "O vnesenii izmeneniy v stat'i 314 i 316 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii"* ot 20.07.2020 № 224-FZ [Federal Law No. 92-FZ "On Amendments and Additions to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated July 4, 2003; Federal Law No. 433-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Legislative Acts (Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation" dated December 29, 2010; Federal Law No. 432-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Order to Improve the Rights of Victims in Criminal Proceedings" dated December 28, 2013; Federal Law No. 224-FZ. 2 "On Amendments to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated July 20, 2020].
- Russian Federation. (n.d.) *Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF: ot 24.02.2010 № 4; ot 23.12.2010 № 31; ot 09.02.2012 № 3; ot 05.06.2012 № 10; ot 22.12.2015 № 59; ot 29.06.2021 № 22* [Resolutions No. 4 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of February 24, 2010; No. 31 of December 23, 2010; No. 3 of February 2012; of No. 10 of June 5, 2012; No. 59 of December 22, 2015; No. 22 of June 29, 2021].
- Petrukhin, I.L. (2002) Kontseptual'nye osnovy uголовного sudoproizvodstva [Conceptual Foundations of Criminal Procedure Reform]. *Gosudarstvo i pravo*. 5. pp. 20–25.
- Russian Federation. (2019) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 11.04.2019 № 8 "O vnesenii v Gosudarstvennuyu Dumu Federal'nogo Sobraniya Rossiyskoy Federatsii proekta federal'nogo zakona "O vnesenii izmeneniy v stat'i 314 i 316 Uголовно-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" "* [Resolution No. 8 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2019, On Submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Draft Federal Law "On Amendments to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 20th March 2024).
- Andreeva, O.I., Lon, S.L., Rukavishnikova, A.A. & Trubnikova, T.V. (2017) Vektor napravleniya dal'neyshego razvitiya uголовного sudoproizvodstva [Vector of Further Development of Criminal Proceedings]. *Uголовное право*. 4. pp. 5–9.
- Kachalova, O.V. (2016) *Uskorennoe proizvodstvo v rossiyskom uголовном protsesse* [Fast-track Proceedings in Russian Criminal Procedure]. Law Dr. Diss. Moscow.
- Ovchinnikov, Yu.G. (2022) Realizatsiya instituta osobogo poryadka prinyatiya sudebnogo resheniya pri soglasii obvinyaemogo s pred'yavlenym emu obvineniem: pro et contra [Implementation of the institute of a special procedure for making a judicial decision when the accused agrees with the charges brought against him: Pro et contra]. *Rossiyskiy sud'ya*. 5.
- Gatinskiy, A. (2018) *Chayka nazval prichinu degradatsii rossiyskikh sledovateley* [Chaika named the reason for the degradation of Russian investigators]. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/society/21/02/2018/5a8d75e69a7947394f7b3729> (Accessed: 27th November 2022).
- Prosecutor General's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Rasshirennoe zasedanie kollegii General'noy prokuratury RF* [Expanded meeting of the board of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60100> (Accessed: 29th November 2022).
- Nevinnaya, I. (2023) V RGU nefi i gaza im. Gubkina vspyshka kori: chto govoryat vrachi [Measles outbreak at Gubkin Russian State University of Oil and Gas: what doctors say]. *Rossiyskaya gazeta*. 13th April; Guseva, I. (2023) Gennadiy Onishchenko: Vaktsiny ot kori net, spravki o privivke chasto fal'shivye [Gennadiy Onishchenko: There is no vaccine against measles, vaccination certificates are often fake]. *Svobodnaya Pressa – Novosti Rossii*. 13th April. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/04/13/kogoukoriat.html?ysclid=lgg4bm3c4t696999193> (Accessed: 20th April 2024).
- Novikov, S.A. (2020) Sokrashchenie osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva: "nachalo dvizheniya" ili "konets marshruta"? [Reduction of the special procedure of trial: "start of movement" or "end of the route"?]. *Rossiyskiy sud'ya*. 10. pp. 23–25.
- Rossiyskiy, S.B. (2016) Osoby poryadok sudebnogo razbiratel'stva kak forma dokazyvaniya obstoyatel'stv uголовного dela: vozrazheniya opponentam [Special procedure of trial as a form of proving the circumstances of a criminal case: objections to opponents]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 4. pp. 40–48.
- Russian Federation. (2021) *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 05.12.2006 № 60 (red. ot 29.06.2021) "O primenении sudami osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva uголовnykh del"* [Resolution No. 60 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 5, 2006 (as amended on June 29, 2021) "On the Application by Courts of a Special Procedure for the Proceedings of Criminal Cases"]. [Online] Available from: SPS Konsul'tant Plyus. (Accessed: 20th April 2024).
- Zheltobryukhov, S.P. (2017) Nuzhno li soglasie gosudarstvennogo obvinitelya i poterpevshego pri postanovlenii prigovora v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva? [Is the consent of the state prosecutor and the victim necessary when passing a sentence in a special procedure for judicial proceedings?]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 12. pp. 60–62.
- Tenishev, A.P. (2018) *Osoby poryadok sudebnogo razbiratel'stva v uголовном protsesse Rossiyskoy Federatsii: sootvetstvie printsipam i sovershenstvovanie protsessual'noy formy* [Special procedure for judicial proceedings in criminal proceedings of the Russian Federation: Compliance with principles and improvement of the procedural form]. Abstract of Law Cand Diss. Moscow.
- Dikarev, I.S. (2020) Ne pora li osobomu poryadku sudebnogo razbiratel'stva stat' ordinarnym? [Isn't it time for the special procedure of judicial proceedings to become ordinary?]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 11. pp. 52–57.
- Konev, A.N. (2017) Ideologiya uskorenno razresheniya uголовного dela v otechestvennom uголовном protsesse [Ideology of the fast-track resolution of a criminal case in domestic criminal proceedings]. *Trudy Akademii MVD Rossii*. 2(42). pp. 44–45.

Информация об авторах:

Затеев П.Е. – председатель Бакчарского районного суда Томской области (Томск, Россия). E-mail: paz@bk.ru

Носкова Е.В. – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: NoskovaElena@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

P.E. Zateev, chairman of the Bakchar District Court of Tomsk Region (Tomsk, Russian Federation). E-mail: paz@bk.ru

E.V. Noskova, Cand. Sci. (Law), associate professor of the Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: NoskovaElena@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.1

doi: 10.17223/23088451/23/11

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕКРАЩЕНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ) ПРОКУРОРОМ НА ЭТАПЕ ОКОНЧАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Георгиевич Истомин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, atriss@rambler.ru*

Аннотация. В статье предлагается наделить прокурора дополнительными процессуальными полномочиями на этапе досудебного производства по прекращению уголовного дела (уголовного преследования) после его получения, направленного для утверждения обвинительного заключения (акта). Формулируются предложения для отражения соответствующих изменений в директивах Генпрокуратуры России, а также формах ведомственной статистики органов предварительного расследования.

Ключевые слова: прокурор, прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, окончание предварительного расследования, утверждение обвинительного заключения

Для цитирования: Истомин А.Г. Отдельные вопросы прекращения уголовных дел (уголовного преследования) прокурором на этапе окончания предварительного расследования // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 74–78. doi: 10.17223/23088451/23/11

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/11

SELECTED ISSUES OF CRIMINAL CASE (CRIMINAL PROSECUTION) TERMINATION BY THE PROSECUTOR AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION COMPLETION

Andrey G. Istomin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation atriss@rambler.ru*

Abstract. In Russia, every fifth criminal case was terminated in courts in 2020–2023. At the same time, investigators of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2021–2023 terminated only every twentieth criminal case, and inquiry bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia every tenth. In absolute numbers, the courts terminated twice as many criminal cases as preliminary investigation bodies. The author analyzes the reasons for such an imbalance and suggests specific measures that need to be taken to reduce the workload of the court, ensure the earliest possible resolution of a social conflict, and restore the rights of the victim. Since the prosecutor, on behalf of the state, carries out criminal prosecution and supervises the preliminary investigation bodies, the author focuses on their work and the powers that need to be expanded and adjusted to improve the work of law enforcement agencies. The reasons lie in the prosecutor's lack of direct procedural opportunities to terminate criminal cases (criminal prosecution) at the stage of approving the results of the preliminary investigation, as well as in the vagueness of the wording of the guidelines of the Prosecutor General's Office, regulating the supervision of inquiry bodies, on the need for the prosecutor to consider the termination of a criminal case in the presence of obvious grounds. The situation is aggravated by the prevalence of departmental interests of the preliminary investigation bodies, which are often interested in sending criminal cases to court rather than terminating them at the preliminary investigation stage. Prosecutors, having, in accordance with Art. 226 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the powers to terminate criminal cases completed by the investigative bodies and sent for approval of the indictment are used extremely rarely – less than 0.1% of criminal cases are terminated by them. The author proposes a solution to the problem by granting prosecutors additional powers to terminate a criminal case (criminal prosecution) after receiving a criminal case sent for approval of the indictment: changing the criteria for assessing the effectiveness of the preliminary investigation bodies and the prosecutor's office by amending the requirements of official statistics and reporting, and specifying the content of the directives of the Prosecutor General's Office of Russia.

Keywords: prosecutor, termination of criminal case, termination of criminal prosecution, completion of preliminary investigation, approval of indictment

For citation: Istomin, A.G. (2024) Selected issues of criminal case (criminal prosecution) termination by the prosecutor at the stage of preliminary investigation completion. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 74–78. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/11

В России в судах в 2020–2023 гг. было прекращено около 19–25% уголовных дел [1] от числа рассмотренных по существу*. Из них следователями МВД России в 2021–2023 гг. прекращено около 5% от общего числа оконченных уголовных дел, органами дознания (дознателями) МВД России – примерно 10–15%** [2]. Практика показывает, что судами на начальных этапах судебного разбирательства прекращается в два раза больше уголовных дел, чем органами предварительного расследования на этапе окончания производства следствия и дознания. В этой связи актуальность приобретает вопрос о возможности прекращения уголовных дел (уголовного преследования) прокурором на этапе утверждения результатов предварительного расследования.

О.В. Волинская определяет прекращение уголовного дела как одну из форм окончания уголовно-процессуального производства, заключающуюся «в завершении исследования с помощью уголовно-процессуальных средств конкретного жизненного случая и выполнении технических условий делопроизводства» [3. С. 105]. При этом под прекращением уголовного преследования она понимает «завершение стороной обвинения в соответствии с предусмотренными в законе основаниями процессуальной деятельности, направленной на изобличение лица в совершении преступления» [3. С. 105].

Повышение эффективности прокурорского надзора за процессуальной деятельностью достигается не только повышением процессуальной дисциплины органов предварительного расследования, но и оптимизацией процессуальных возможностей самих надзирающих прокуроров по прекращению производства по делу и уголовного преследования.

По мнению, Э.С. Каминского, отказ от уголовного преследования совершивших преступление лиц, не нуждающихся в применении к ним уголовного наказания, в полной мере соответствует запросам современного общества, не заинтересованного в стигматизации преступника, загладившего причиненный ущерб. Применение альтернативных уголовному наказанию методов разрешения уголовно-правовых конфликтов позволит наиболее эффективно достигать цели уголовного судопроизводства, а также рационально использовать процессуальные ресурсы [4. С. 3–4].

Отечественная уголовная политика развивается в направлении расширения альтернативных и компромиссных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов на различных стадиях уголовного судопроизводства: в УПК РФ введены новые основания для прекращения уголовного преследования по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности (ст. 28.1 УПК РФ); в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ); обсуждаются вопросы расширения

применения альтернативных мер уголовно-правового характера.

Освобождение от уголовной ответственности на досудебных этапах судопроизводства представляет собой наиболее приемлемый для обвиняемого, а для государства – наименее затратный способ разрешения социального конфликта, вызванного совершением преступления. Безусловным преимуществом подобного разрешения уголовного дела служат совершаемые виновным добровольные позитивные действия по возмещению ущерба и заглаживанию иным образом вреда, причиненного преступлением, в результате чего без применения репрессивных мер максимально эффективно достигается главная цель уголовного судопроизводства – восстановление нарушенных преступлением прав и законных интересов потерпевшей от преступления стороны [5].

Полномочия прокурора по осуществлению надзора за законностью процессуальной деятельности органов предварительного расследования достаточно обширны. Но, как свидетельствует официальная статистика, принимаемые прокурором меры все же не вполне достаточны, о чем косвенно свидетельствует практика прекращения судами на подготовительных этапах судебного разбирательства значительно большего числа уголовных дел, чем следственными органами при завершении предварительного расследования.

Причины кроются в отсутствии у прокурора прямых процессуальных возможностей по прекращению уголовных дел (уголовного преследования) на этапе утверждения результатов предварительного следствия, а также расплывчатости формулировок п. 40 Приказа Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 [6] о необходимости рассмотрения прокурором вопроса о прекращении уголовного дела при наличии очевидных оснований. Усугубляет ситуацию превамирование ведомственных интересов органов предварительного расследования, зачастую заинтересованных в направлении уголовных дел в суд, а не в прекращении их на стадии предварительного расследования. Обладая в соответствии со ст. 226 УПК РФ полномочиями по прекращению уголовных дел, оконченных органами дознания и направленными для утверждения обвинительного акта (постановления), прокуроры не стремятся ими пользоваться: им гораздо проще дать указания прекратить уголовное дело (уголовное преследование) самому органу дознания.

Лишение прокурора права прекращать уголовное дело (уголовное преследование) по результатам предварительного следствия было негативно воспринято многими представителями юридической общественности. В частности, они полагают, что такое положение не полностью согласуется со статусом прокурора как представителя органа надзора за следствием и как потенциального государственного обвинителя [7; 8. С. 8]. Представ-

* Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ, в 2020 г. прекращено 175 535 уголовных дел, что составило 24,6% от числа всех рассмотренных судами по существу; в 2021 г. – 159 211 уголовных дел (21,7%); в 2022 г. – 146 890 (20%), в 2023 г. – 131 592 (18,9%).

** Следователями органов внутренних дел в 2021 г. прекращено 13 933 (4,7%) уголовных дела; в 2022 г. – 14 793 (5,1%), в 2023 г. – 14 338 (5,3%) уголовных дела. В то время как органами дознания МВД России в 2021 г. прекращено 54 566 (14,5%) уголовных дел; в 2022 г. – 40 335 (11,3%), в 2023 г. – 32 656 (10,2%) уголовных дел.

ляется возможным разделить такую позицию. Эта проблема обсуждалась в ходе круглого стола Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по конституционному законодательству и государственному строительству «О целесообразности расширения полномочий прокурора по уголовным делам, поступившим для принятия решения в соответствии с требованиями ст. 221 и 226 Уголовно-процессуального кодекса (УПК)» в октябре 2023 г. [9]. При этом многие из участников дискуссии, в том числе и парламентарии, выступили за расширение полномочий прокурора путем предоставления ему соответствующих прав в отношении органов предварительного следствия.

Даже обладая в соответствии со ст. 226 УПК РФ полномочиями по прекращению уголовных дел, окончательными органами дознания и направленными прокурору для утверждения обвинительного акта (постановления), прокуроры не стремятся этого делать, о чем свидетельствует статистика. Так, в 2023 г. прокурорами прекращено всего 0,07% (216 дел) уголовных дел, поступивших с обвинительными актами (постановлениями) от органов дознания МВД России, в 2022 г. – 0,06% (219 дел), в 2021 г. – 0,1% (379 дел) [2]. В этом случае прокурорам гораздо проще дать указания органам дознания о прекращении ими уголовных дел, чем самим принять подобное процессуальное решение. При этом как свидетельствуют приведенные данные, органы дознания крайне редко самостоятельно прекращают подобные дела, предпочитая направлять их в суды, даже при наличии оснований к прекращению производства.

Другой причиной неиспользования прокурорами полномочий по самостоятельному прекращению уголовного дела, поступившему с обвинительным актом (постановлением), служит отсутствие четкости и ясности в директивах Генпрокуратуры России. Согласно п. 40 Приказа Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 (в ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» в случае, если усматриваются *очевидные* (курсив мой. – А.И.) основания для прекращения уголовного дела по правилам, предусмотренным ст. 24–28 УПК РФ, то прокурорам необходимо рассматривать вопрос о применении полномочий, предусмотренных п. 3 ч. 1 ст. 226 УПК РФ* [10].

Приведенный Приказ Генпрокуратуры России не добавляет ясности в основания принятия такого процессуального решения, поскольку содержит оценочное понятие «очевидные основания». Неопределенность данной директивы выступает, на наш взгляд, одной из причин, почему прокуроры не стремятся применять соответствующую процессуальную норму: им гораздо проще переложить ответственность за принятие такого процессуального решения на суд, тем более, что проблемы с рассмотрением таких дел встречаются крайне редко.

Недостаточное использование прокурором имеющихся процессуальных возможностей по воздействию на органы предварительного расследования для решения вопроса о прекращении уголовных дел на стадии расследования либо по их самостоятельному прекращению при поступлении к нему с обвинительным актом (постановлением) лежит также в сфере статистики и отчетности. Поскольку надзор и организация процессуальной статистики всех органов дознания и следствия отнесены к компетенции прокуратуры, то у прокурора есть все рычаги воздействия на них. В этой связи с учетом наличия ведомственных интересов в направлении уголовных дел в суд, а не в прекращении на стадии предварительного расследования (главный показатель – количество направленных в суд дел) прокуроры и органы предварительного расследования не стремятся брать на себя лишнюю ответственность, предпочитая предоставлять возможность принятия таких процессуальных решений судам** [11. С. 3]. Решение этой проблемы видится не только в изменении законодательства и оптимизации директив Генпрокуратуры России, но также в изменении критериев прокурорского надзора за процессуальной деятельностью и показателей эффективности в работе органов предварительного расследования.

Г.Н. Кучеров отмечает, что процессуальная и ведомственная подчиненность следователей своим руководителям и сложившиеся в следственных органах представления о росте показателей прекращаемости уголовных дел как о негативном показателе их деятельности являются «организационным препятствием к своевременному прекращению следователями уголовных дел по дискреционным основаниям на стадии предварительного расследования» [12. С. 16–17]. В этой связи полагаю, что следует согласиться с его предложением о необходимости выработки в следственной среде единого понимания статистической ценности показателей, свидетельствующих как о направлении уголовных дел в суд для рассмотрения по существу, так и о принятии законных решений о прекращении производства по дискреционным основаниям по итогам предварительного расследования.

В настоящее же время, вместо прекращения на стадии утверждения результатов предварительного расследования уголовные дела направляется в суды, где нередко их прекращают на предварительном слушании либо в ходе первого судебного заседания. Изучение практики рассмотрения и разрешения уголовных дел в судах Томской области показывает, что до 20% от общего числа прекращенных дел в суде прекращаются на предварительном слушании. В результате существенно нарушаются конституционные права обвиняемых: эти лица могли бы быть освобождены от уголовного преследования на более ранних этапах производства, а теперь вынуждены претерпевать незаконные и необоснован-

* При этом ранее действовавший Приказ Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33 содержал в п. 33 более четкую формулировку: «При наличии оснований, предусмотренных ст. 24–28.1 УПК РФ, прокуроры должны решать вопрос о вынесении постановления о прекращении уголовного дела».

** Эту проблему справедливо отмечает М.А. Лавнов, утверждающий, что правоприменительная практика оценивает прекращение уголовных дел на стадии утверждения результатов предварительного расследования как негативное явление.

ные ограничения. Кроме того, судебная система испытывает излишнюю нагрузку, что, помимо прочего, ведет к существенному удорожанию правосудия.

Отказ от уголовного преследования на более ранних этапах уголовного судопроизводства в полной мере соответствует задачам уголовного судопроизводства, поскольку позволяет сторонам конфликта быстрее достигнуть компромисса и разрешить его, обеспечивает наибольшую процессуальную экономию, «позволяя использовать высвободившиеся процессуальные ресурсы для расследования тяжких и особо тяжких преступлений» [4. С. 4].

И чем раньше такое решение будет принято, тем более эффективной должна признаваться работа органов предварительного расследования и надзирающего прокурора.

В этой связи оптимальное решение затронутой проблемы видится:

1) в наделении прокуроров дополнительными полномочиями на этапе досудебного производства, в частности, в предоставлении им права прекращения уголовного дела (уголовного преследования) после получения уголовного дела, направленного для утверждения обвинительного заключения;

2) в изменении критериев оценки эффективности работы органов предварительного расследования и прокуратуры путем внесения изменений в требования официальной статистики и отчетности. В частности, в отказе от такого показателя, как совокупное количество направленных уголовных дел в суд в качестве показателя эффективности процессуальной деятельности следователей и дознавателей;

3) в конкретизации содержания директив Генпрокуратуры России, регулирующих вопросы прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия и дознания на этапе утверждения результатов предварительного следствия.

Список источников

1. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 15.05.2024).
2. Статистические отчеты по форме № 1-Е (МВД) за 2021, 2022, 2023 гг. «Сведения о следственной работе и дознании органов внутренних дел». Информация приведена без учета данных об уголовных делах, прекращенных за истечением срока давности, где виновные лица не установлены // Архив прокуратуры Томской области. 2021–2023 гг.
3. *Вольнская О.В.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования: теоретические и организационно-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. 462 с.
4. *Каминский Э.С.* Обеспечение публичных правовых интересов при применении альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов в досудебном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. 26 с.
5. Комментарий к постановлениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / Н.И. Бирюков, О.Н. Ведерникова, С.А. Ворожцов и др.; под общ. ред. В.М. Лебедева. М. : НОРМА, 2014. 816 с. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).
6. Приказ Генпрокуратуры России от 19.01.2022 № 11 [5] (в ред. от 22.02.2023) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).
7. Комментарий к уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.В. Смирнова // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 29.02.2024).
8. *Бабин К.А.* Уголовное преследование как функция прокурора в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 291 с.
9. Прокуроров предложили наделить полномочиями прекращать уголовные дела. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/30/1003188-prokurorov-predlozhili-nadelit-polnomochiyami-prekraschat-ugolovnie-dela> (дата обращения: 29.02.2024).
10. Приказ Генпрокуратуры России от 26.01.2017 № 33 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.05.2024).
11. *Лавнов М.А.* Институт прекращения уголовного дела в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 200 с.
12. *Кучеров Г.Н.* Прекращение уголовного дела и уголовного преследования по дискреционным основаниям : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 254 с.

References

1. *Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation.* [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (Accessed: 15th May 2024). (In Russian).
2. Archive of the Tomsk Region Prosecutor's Office. (2021–2023) *Statisticheskie otchety po forme № 1-E (MVD) za 2021, 2022, 2023 gg. "Svedeniya o sledstvennoy rabote i doznanii organov vnutrennikh del"*. *Informatsiya privedena bez ucheta dannykh ob ugovolnykh delakh, prekrashchennykh za istecheniem sroka davnosti, gde vinovnye litsa ne ustanovleny* [Statistical reports on form No. 1-E (MVD) for 2021, 2022, 2023: Information on the investigative work and inquiry of the internal affairs bodies. The information is provided excluding data on criminal cases terminated due to the expiration of the statute of limitations, where the perpetrators have not been identified].
3. *Volynskaya, O.V.* (2008) *Prekrashchenie ugovolnogo dela i ugovolnogo presledovaniya: teoreticheskie i organizatsionno-pravovye problemy* [Termination of a criminal case and criminal prosecution: theoretical and organizational-legal problems]. Law Dr. Diss. Moscow.
4. *Kaminskiy, E.S.* (2021) *Obespechenie publichnykh pravovykh interesov pri primenenii al'ternativnykh sposobov razresheniya ugovolno-pravovykh konfliktov v dosudebnom proizvodstve* [Ensuring public legal interests in the application of alternative methods of resolving criminal-legal conflicts in pre-trial proceedings]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.

5. Lebedev, V.M. (ed.) (2014) *Kommentariy k postanovleniyam Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii po ugovolnym delam* [Commentary on the resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on criminal cases]. 3rd ed. Moscow: NORMA.
6. Prosecutor General's Office of Russia. (2023) *Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 19 January 2022 No. 11 [5] (as amended on 22.02.2023): On the organization of prosecutor's supervision over the procedural activities of inquiry bodies.* (In Russian). [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_407902/ (Accessed: 29th February 2024).
7. Smirnov, A.V. (ed.) (2003) *Kommentariy k ugovolno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateyny)* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation (article by article)]. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
8. Babin, K.A. (2008) *Ugovolnoe presledovanie kak funktsiya prokurora v ugovolnom protsesse Rossii* [Criminal prosecution as a function of the prosecutor in the criminal procedure in Russia]. Law Cand. Diss. Nizhniy Novogorod.
9. Vedomosti.ru. (2023) *Prokurorov predlozhili nadelit' polnomochiyami prekrashchat' ugovolnye dela* [It was proposed to authorize prosecutors the authority to terminate criminal cases]. [Online] Available from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/10/30/1003188-prokurorov-predlozhili-nadelit-polnomochiyami-prekrashchat-ugolovnie-dela> (Accessed: 29th February 2024).
10. Prosecutor General's Office of Russia. (2021) *Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 26 January 2017 No. 33 (as amended on 19 August 2021): On the organization of prosecutorial supervision over the procedural activities of inquiry bodies.* [Online] Available from: (Accessed: 15th May 2024). (In Russian).
11. Lavnov, M.A. (2015) *Institut prekrashcheniya ugovolnogo dela v sisteme ugovolno-protsessual'nogo prava i pravoprimeritel'noy praktike* [Institution of termination of a criminal case in the system of criminal procedure law and law enforcement practice]. Law Cand. Diss. Saratov.
12. Kucherov, G.N. (2023) *Prekrashchenie ugovolnogo dela i ugovolnogo presledovaniya po diskretionnym osnovaniyam* [Termination of a criminal case and criminal prosecution on discretionary grounds]. Law Cand. Diss. Moscow.

Информация об авторе:

Истомин А.Г. – аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: atriss@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.G. Istomin, postgraduate student, Department of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement Activities, Law Institute, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: atriss@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 01.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.131.5

doi: 10.17223/23088451/23/12

ПРАВО НА ОБЖАЛОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ В СИСТЕМЕ ПРИНЦИПОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Виктория Игоревна Солодкая¹, Алена Анатольевна Бешкок²

^{1,2} Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Краснодар, Россия

¹ watashinomeru@mail.ru

² alena_yarovaya83@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается принцип права на обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства, его связь с другими принципами, основные положения и порядок применения.

Ключевые слова: система принципов, основополагающие начала, законность, права, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Солодкая В.И., Бешкок А.А. Право на обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 79–82. doi: 10.17223/23088451/23/12

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/12

RIGHT TO APPEAL PROCEDURAL ACTIONS AND DECISIONS IN THE SYSTEM OF CRIMINAL PROCEEDINGS PRINCIPLES

Viktoriya I. Solodkaya¹, Alyona A. Beshkok²

^{1,2} Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation

¹ watashinomeru@mail.ru

² alena_yarovaya83@mail.ru

Abstract. The norms of the current Criminal Procedure Code of the Russian Federation enshrine the principles of criminal proceedings, which originate from the fundamental rights enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The principles have relative independence in regulating legal relations that develop in criminal proceedings. In the article, the authors consider the issues of applying the principle of the right to appeal procedural actions and decisions in the system of principles of criminal proceedings, its place in the system and the relationship with other principles, based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation and the norms of international law. The authors draw attention to the methods of implementing this principle by participants in criminal proceedings both at the pre-trial stage and at the stage of judicial proceedings in criminal cases.

Keywords: system of principles, fundamental principles, legality, rights, criminal proceedings

For citation: Solodkaya, V.I. & Beshkok, A.A. (2024) Right to appeal procedural actions and decisions in the system of criminal proceedings principles. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 79–82. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/12

Базой для нормативно-правовой регламентации права обжалования решений, а также действий и бездействия должностных лиц, являющихся участниками уголовного процесса, выступает ст. 45 Конституции РФ, в силу положений которой реализация данного права любыми не запрещенными положениями действующего законодательства способами гарантируется каждому [1]. Учитывая исключительную значимость данного нормативно-правового положения, законодатель дополнительно закрепил его еще и в рамках системы принципов уголовного судопроизводства, которая, в свою очередь, регламентирована положениями действующего уголовно-процессуального законодательства РФ.

Таким образом, право обжалования решений и действий (бездействия) должностных лиц и государственных органов, являющихся участниками уголовного

процесса, является одним из фундаментальных принципов, регламентированных положениями Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [2].

Все принципы, закрепленные в рамках УПК РФ, определены конкретными социально-экономическими условиями, складывающимися в обществе, в связи с чем можно говорить о том, что содержание данных принципов является объективным.

Исследуемое право в силу положений ст. 124–125 УПК РФ реализуется посредством подачи соответствующей жалобы прокурору, руководителю следственного органа или в суд (при этом, как показывает правоприменительная практика, большинство анализируемых жалоб разрешается непосредственно органами прокуратуры РФ).

Как следует из содержания Всеобщей декларации прав человека (ст. 8), каждому должно быть предоставлено право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами [3].

Анализируемое положение конкретизировано в рамках Международного Пакта о гражданских и политических правах, в соответствии с которым любому лицу, права и свободы которого нарушены, обеспечивается эффективное средство правовой защиты. Кроме того, все государства, являющиеся участниками соответствующего Пакта, обязаны предусмотреть, чтобы право на правовую защиту устанавливалось компетентными административными, законодательными или судебными властями либо иным компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, а также развивать возможности судебной защиты (п. а, б ч. 3 ст. 2) [4, С. 291].

По смыслу Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый, чьи права и свободы нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе (ст. 13) [5. С. 163].

На исключительной значимости отмеченных международно-правовых требований заостряют внимание многие отечественные исследователи [6]. Так, С.В. Белобородов относит исследуемое право не только к числу наиболее фундаментальных прав, урегулированных положениями международно-правовых актов, но и к числу одного из самых результативных средств защиты прав и законных интересов граждан, которое, в свою очередь, позволяет компенсировать соответствующим гражданам неравенство их положения в сравнении с положением государства, в связи с чем данное право, как утверждает автор, следует считать краеугольным камнем в структуре правового статуса любой личности [7. С. 65].

Как уже было отмечено ранее, в Российской Федерации законодатель придал данному праву статус одного из наиболее основополагающих принципов уголовного процесса, что, в свою очередь, не только распространяет его действие на все стадии уголовного процесса, но и свидетельствует о его особом значении. Анализируемый принцип имеет «сквозной» характер действия, поскольку для его реализации не имеет значения, на какой именно из стадий расследования находится соответствующее уголовное дело [8]. Важно отметить, что все принципы, содержащиеся в УПК РФ, представляют собой определенную целостную систему, нацеленную на урегулирование общественных отношений, возникающих в соответствующей сфере, что, однако, не исключает относительную самостоятельность каждого из принципов, составляющих в совокупности данную систему.

В силу того, что исследуемое право закреплено в рамках положений Конституции РФ, можно заключить, что данный принцип является конституционным.

Как известно, нормативно-правовые положения, закрепленные в содержании Конституции РФ, обладают свойством прямого действия, данное обстоятельство обуславливает возможность применения соответствующих принципов в тех случаях, когда определенные общественные отношения напрямую не урегулированы положениями действующего уголовно-процессуального законодательства [9].

Из того обстоятельства, что все принципы уголовного процесса в своей совокупности составляют определенную систему, следует, что для регламентации соответствующих общественных отношений значение имеет не только содержание каждого конкретного принципа в отдельности, но порядок функционирования всей системы таких принципов, поскольку нарушение требований одного из принципов зачастую ведет и к нарушению требований какого-либо другого принципа (например, нарушение требований принципа разумных сроков уголовного судопроизводства ведет к нарушению требований принципа законности, поскольку критерии нарушения первого из указанных принципов определены в содержании соответствующих правовых норм, т.е. определены положениями закона, нарушение которых, очевидно, свидетельствует о нарушении принципа законности).

Все существующие и регламентированные положениями действующего уголовно-процессуального законодательства РФ принципы уголовного процесса условно можно дифференцировать на 2 группы:

- принципы, распространяющие свое действие на все стадии уголовного процесса (например, принцип законности, принцип неприкосновенности частной жизни и пр.);
- принципы, распространяющие свое действие исключительно в рамках определенных стадий уголовного процесса (например, такой принцип, как осуществление правосудия только судом, реализуется исключительно в рамках судебного разбирательства по соответствующим уголовным делам).

К принципам процесса относятся те правовые положения, которые гарантируют права и свободы человека и гражданина в уголовном процессе, определяют построение судебного разбирательства как центральной стадии процесса и находят свое выражение (хотя бы ограниченное) в одной или нескольких стадиях, предшествующих судебному разбирательству или следующих за ним.

Вместе с тем некоторые принципы, находящие свою реализацию в рамках стадии судебного разбирательства, способны оказывать определенное влияние и на другие стадии уголовного процесса, становясь, таким образом, принципами всего уголовного процесса. В качестве такового принципа можно обозначить, например, принцип гласности (открытости) судебного разбирательства, который, кроме прочего, нацеливает органы предварительного расследования на проведение объективного и непредвзятого расследования по соответствующему уголовному делу, поскольку нарушения, допущенные такими органами на стадии предварительного расследования, могут обнаружиться в рамках судебного разбирательства, которое, по общему правилу, является гласным и открытым.

Определение места исследуемого принципа невозможно без разрешения вопроса о наличии у него тех или иных специфических черт или особенных свойств. Системное же исследование каждого из существующих принципов уголовного процесса является необходимым, на что, в свою очередь, неоднократно обращал внимание и Конституционный Суд РФ [10]. Использование системного подхода для изучения принципов уголовного процесса необходимо не только в силу фактического существования определенной системы данных

принципов; его применение способствует наиболее правильному пониманию содержания каждого из таких принципов, особенно в тех случаях, когда применению подлежат одновременно несколько принципов.

В частности, реализация такого принципа, как право на обжалование, не может рассматриваться в отрыве от другого, не менее важного, принципа уголовного процесса – принципа независимости судей [11. С. 1]. Логичным следствием одновременного применения обозначенных принципов уголовного процесса является возможность такого обжалования лишь посредством обращения в вышестоящий суд.

В связи с этим справедливым и разумным выглядит высказывание А.В. Гриненко, утверждающего, что факт взаимодействия принципов уголовного процесса способствует формированию нового качественного образования, в котором взаимодействующие принципы «делаются» друг с другом частью своих свойств, что, в свою очередь, ведет к созданию целостной основы для нормативно-правовой регламентации всех необходимых общественных отношений [12. С. 178–182].

Стоит отметить, что не все авторы склонны исследовать анализируемый принцип в качестве самостоятельного. Например, В. Проценко [13. С. 86–90] и А.В. Смирнова [14. С. 78] полагают необходимым рассматривать данный принцип в качестве структурной составляющей наиболее общего принципа уголовного процесса – принципа соблюдения (охраны) прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве.

Более того, В. Проценко высказывает мысль, что необоснованным является отнесение к числу принципов уголовного процесса теоретических положений, хоть и регламентированных положениями действующего уголовно-процессуального законодательства, но при этом реализуемых не в рамках каждого уголовного дела (т.е. право на об-

жалование может как использоваться участниками, которым оно предоставлено, так и не использоваться в рамках уголовного процесса по конкретному уголовному делу).

Как представляется, данная точка зрения является достаточно спорной, поскольку инициатива реализации того или иного принципа уголовного процесса всегда принадлежит заинтересованным в этом лицам, которые каким-то образом участвуют в процессе. Невозможно представить, чтобы принцип обжалования был реализован вне этой инициативы. То есть можно сказать, что при производстве по уголовному делу некоторые его участники не обязательно должны подавать подобные жалобы и пользоваться правом обжалования. Ведь по уголовному делу их права и интересы не обязательно должны нарушаться процессуальными действиями (бездействием) и решениями.

Природа реализации исследуемого принципа является диспозитивной, что предполагает наличие свободы выбора конкретным лицом формы своего поведения, а именно: обжаловать то или иное решение (действие) должностного лица или воздержаться от такого обжалования (включая возможность выбора конкретного порядка обжалования, например, обратиться в органы прокуратуры или напрямую в суд) [15. С. 25].

Таким образом, проанализировав право участников уголовного процесса на обжалование процессуальных действий и решений в системе принципов уголовного судопроизводства, можно сделать вывод о том, что рассматриваемый принцип всегда наличествует в абстрактной системе принципов уголовного процесса. В реальной же системе по конкретному уголовному делу на реализацию данного принципа непосредственное влияние оказывает волеизъявление участников процесса, у которых есть право обжаловать по делу процессуальные действия и решения.

Список источников

1. Конституция РФ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2024).
2. Уголовно-процессуальный кодекс. М. : Проспект, 2024. 416 с.
3. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10.12.1948 // Российская газета. 1995. 5 апреля. № 67.
4. Международный Пакт о гражданских и политических правах: принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17. Ст. 291.
5. Конвенция о защите прав человека и основных свобод: заключена в г. Риме 04.11.1950 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
6. *Безлепкин Б.Т.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. и доп. М. : КНОРУС, 2023. 672 с.
7. *Белобородов С.В.* Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России : дис ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 68 с.
8. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. М. : НОРМА, 2023. 530 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.1993 № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 3; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 29.06.2004 № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804; Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2006 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Степанова Евгения Николаевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части третьей статьи 340 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: № 609-О» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.04.2024).
11. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 1.

12. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Известия вузов. 2000. № 6. С. 178–182.
13. Проценко В. Критерий систематизации принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2005. № 1–2. С. 86–90.
14. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учебник / под общ. ред. А.В. Смирнова. 8-е изд., перераб. М. : ИНФРА-М, 2020. 704 с.
15. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах : учеб. пособие. М. : Проспект, 2020. 304 с.

References

1. RF. (2020) *Constitution of the Russian Federation*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Accessed: 10th April 2024). (In Russian).
2. Russian Federation. (2024) *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks* [Criminal Procedure Code]. Moscow: Prospekt.
3. UN. (1995) Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka: prinyata i provozglashena rezolyutsiyey 217 A (III) General'noy Assamblei OON ot 10.12.1948 [Universal Declaration of Human Rights: adopted and proclaimed by resolution 217 A (III) of the UN General Assembly of 10 December 1948]. *Rossiyskaya gazeta*. 5 April. 67.
4. UN. (1976) Mezhdunarodnyy Pakt o grazhdanskikh i politicheskikh pravakh: prinyat rezolyutsiyey 2200 A (XXI) General'noy Assamblei OON ot 16.12.1966 [International Covenant on Civil and Political Rights: adopted by resolution 2200 A (XXI) of the UN General Assembly of 16 December 1966]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR*. 17. Art. 291.
5. Russian Federation. (2001) Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod: zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950 [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on 04 November 1950]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 163.
6. Bezlepkina, B.T. (2023) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii (postateynyy)* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms: concluded in Rome on 04 November 1950]. 9th ed. Moscow: KNORUS.
7. Beloborodov, S.V. (2006) *Printsip shirokoy svobody obzhalovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [The principle of broad freedom of appeal in criminal proceedings in Russia]. Law Cand. Diss. Nizhny Novgorod.
8. Kozak, D.N. & Mizulina, E.B. (eds) (2023) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Moscow: NORMA.
9. Russian Federation. (2015) O nekotorykh voprosakh, svyazannykh s primeneniemy statey 23 i 25 Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii: postanovl. Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.12.1993 № 13 // Byulleten' Verkhovnogo Suda RF. 1994. № 3; O nekotorykh voprosakh primeneniya sudami Konstitutsii Rossiyskoy Federatsii pri osushchestvlenii pravosudiya: postanovl. Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 31.10.1995 № 8 [On certain issues related to the application of Articles 23 and 25 of the Constitution of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 24 December 1993 No. 13 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1994. No. 3; On certain issues of the application of the Constitution of the Russian Federation by the courts in the administration of justice: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 31 December 1995 No. 8]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. 5.
10. Russian Federation. (2004) Po delu o provere konstitutsionnosti otdel'nykh polozheniy statey 7, 15, 107, 234 i 450 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii v svyazi s zaprosom gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy: postanovl. Konstitutsionnogo Suda RF ot 29.06.2004 № 13-P [On the case of verifying the constitutionality of certain provisions of Articles 7, 15, 107, 234 and 450 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of State Duma deputies: Resolution. Constitutional Court of the Russian Federation of 29 June 2004 No. 13-P]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 27. Art. 2804.
11. Russian Federation. (1997) O sudebnoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: feder. konstitutsionnyy zakon ot 31.12.1996 № 1-FZ [On the judicial system of the Russian Federation: Federal constitutional law of 31 December 1996 No. 1-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1. Art. 1.
12. Grinenko, A.V. (2000) Sistema printsipov i tsel' proizvodstva po ugolovnomu delu [The system of principles and the purpose of criminal proceedings]. *Izvestiya vuzov*. 6. pp. 178–182.
13. Protsenko, V. (2005) Kriteriy sistemizatsii printsipov ugolovnogo sudoproizvodstva [The criterion for systematization of the principles of criminal proceedings]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 1–2. pp. 86–90.
14. Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2020) *Ugolovnyy protsess: uchebnyy* [Criminal procedure: textbook]. 8th ed. Moscow: Norma: INFRA-M.
15. Bezlepkina, B.T. (2020) *Ugolovnyy protsess v voprosakh i otvetakh: ucheb. posobie* [Criminal procedure in questions and answers: textbook]. Moscow: Prospekt.

Информация об авторах:

Солодкая В.И. – кандидат юридических наук, майор полиции, старший преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: watashinomeru@mail.ru

Бешкок А.А. – подполковник полиции, преподаватель кафедры уголовного процесса Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Краснодар, Россия). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Solodkaya, Cand. Sci. (Law), police major, senior lecturer, Criminal Procedure Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: watashinomeru@mail.ru

A.A. Beshkok, police lieutenant colonel, lecturer, Criminal Procedure Department, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: alena_yarovaya83@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.851.3

doi: 10.17223/23088451/23/13

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРАВОСУДИЕ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ

Евгения Сергеевна Чуканова¹, Алена Игоревна Бабченко²

^{1,2} *Московский областной филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Россия*

¹ *upik2021@mail.ru*

² *alena8babchenko8@gmail.com*

Аннотация. Анализируется зарубежный и российский опыт использования технологий искусственного интеллекта в уголовном процессе на примере таких стран, как Россия, США, Китай, Колумбия. Проведен анализ перспектив применения технологий искусственного интеллекта в российском уголовном судопроизводстве. Рассматриваются преимущества и недостатки применения технологий искусственного интеллекта для осуществления уголовного правосудия. Раскрываются этические и правовые проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта в целях вынесения судебного решения по уголовным делам.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовный процесс, осуществление правосудия, принципы уголовного процесса, цифровизация, цифровое правосудие, искусственный интеллект, робот-юрист, робот-судья, зарубежный опыт

Для цитирования: Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Искусственный интеллект и правосудие: миф или реальность // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 83–87. doi: 10.17223/23088451/23/13

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/13

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND JUSTICE: MYTH OR REALITY

Evgeniya S. Chukanova¹, Alyona I. Babchenko²

^{1,2} *Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation*

¹ *upik2021@mail.ru*

² *alena8babchenko8@gmail.com*

Abstract. Artificial intelligence technologies (AI) should be used in criminal proceedings only as an “assistant” to a law enforcement officer, while excessive use of AI can become a negative trend. The entire criminal procedure is based on the principles enshrined in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Relying solely on a decision made by AI can lead to a violation of the principle of the presumption of innocence. The burden of proof lies directly with the prosecution, and not with robots. In addition, Art. 17 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation provides for the assessment of evidence based on inner conviction, taking into account the norms of law and conscience. The concept of moral norms, categories of morality is not a component of the artificial intelligence system, i.e. the principle of freedom of assessment of evidence cannot be fully observed when using artificial intelligence as more than an auxiliary system. We should not forget about the principle of administration of justice only by the court. The judge’s decision should not be influenced by systems created by programmers who are not related to the administration of justice: replacing a person with a machine in the administration of justice not only fills the content of the principles of criminal proceedings with new meaning, but also jeopardizes their implementation. Considering the possibility of using AI in criminal proceedings, the following conclusions can be made. (1) AI will not be able to replace a person in matters of administration of justice. Replacing a judge with AI can lead not only to a violation of the principles of criminal proceedings, but also to a change in the essence of the fairness of justice. (2) An analysis of the opinions of scientists has shown that granting AI the powers of judges is quite controversial. Most researchers are not ready to give a clear answer to the question of trusting the implementation of criminal proceedings to AI. In our opinion, AI should be entrusted with the implementation of routine tasks in order to optimize the time spent. (3) The use of AI does not exclude errors and bias in decision-making, which is common in the work of American systems based on AI. AI “training” must be built on a large array of data for several decades. In addition, the operation of AI requires constant monitoring by IT specialists. (4) When using AI, one should not forget about the problems that arise when using other information and telecommunication technologies: ensuring of confidentiality, the economic component of providing access to AI all participants in criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedure, administration of justice, principles of criminal procedure, digitalization, digital justice, artificial intelligence, robot lawyer, robot judge, foreign experience

For citation: Chukonova, E.S. & Babchenko, A.I. (2024) Artificial intelligence and justice: Myth or reality. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 83–87. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/13

Несколько десятилетий назад роботы, способные воспроизводить когнитивные функции человека, были плодом воображения режиссеров и писателей («Приключения Электроника» Е.С. Велтистова (1974 г.), «Я, робот» А. Азимова (1950 г.), «Кибериада» С. Лем (1964–1979 гг.)). Сейчас технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) востребованы во многих сферах жизни: в сфере медицины робот под названием «да Винчи» способен проводить хирургические операции с минимальными кровопотерями (как указывает производитель Intuitive) [1]; человекоподобный робот FEDOR, российское изобретение, осуществил полет в космос в августе 2019 г. совместно с членами экипажа, выполняя типовые операции (регистировал перегрузки, сообщал Центру управления полетами о ходе полета) [2]. Антропоморфных роботов, оснащенных ИИ, не только стараются «обучить» когнитивным функциям человека, но и в некоторых случаях уравнивать их в правах с людьми. Знаменитый робот-андроид София в октябре 2017 г. получила подданство Саудовской Аравии.

По данным РБК, около 407 млрд долл. США составил объем рынка ИИ к 2027 г., а темпы роста технологий ИИ с 2023 г. по 2030 г. – 1,8 трлн долл. США [3]. Использование технологий ИИ в настоящее время так же широко и многообразно, как и количество правовых проблем, которые оно порождает:

- разработка и закрепление этических норм регулирования ИИ;
- вопросы уголовной ответственности за совершение ИИ преступного деяния;
- законодательная регламентация использования ИИ в целях выявления, расследования и предупреждения преступлений и др.

Но еще шире во многих странах используют ИИ в целях осуществления уголовного правосудия [4. С. 241]. В Шанхае «обучают» робота выносить обвинения по уголовным делам, и точность принятия решений такого робота составляет от 90 до 97%. Робот, базирующийся на технологиях ИИ, «обучался» путем анализа около 17 000 уголовных дел, рассмотренных в судах Шанхая с 2015 по 2020 г. [5]. «Цифрового прокурора» протестировали в одной из наиболее загруженных прокуратур Китая – прокуратуре района Пудун Шанхая. Кроме того, китайская прокуратура с 2016 г. применяет технологии ИИ (нейросеть), оценивающие доказательства, а также определяющие степень опасности для общества подозреваемого [6].

В целях повышения доступности юридических услуг в США создали ИИ-адвоката, который сможет защищать подсудимого в суде. ИИ «слушает» доводы суда, а затем «формулирует» ответы. Однако далеко не все юристы согласны с правомерностью использования ИИ таким образом. Ссылаясь на «некомпетентность» ИИ, Чикагская юридическая компания подала иск на компанию-разработчика Джошуа Браудера, в котором указала, что Джошуа Браудер – не юрист, а его компания, не являясь адвокатской конторой, не способна разработать робота, оказывающего качественные юридические услуги. В связи с этим планировавшееся в конце февраля 2023 г. первое судебное заседание с использованием ИИ-адвоката пришлось отменить [7].

Не только сторона защиты, но и сторона обвинения прибегает к помощи ИИ. В январе 2023 г. популярный ChatGPT «оказал помощь» судье Мануэль Падилья Гарсия г. Картахен (Республика Колумбия) при вынесении судебного решения о компенсации выплат по страхованию. ChatGPT в своих доводах указал ссылки на судебную практику и разъяснения Верховного суда. По словам судьи, итоговое решение принимал он, а не ИИ [8]. Анализируя данную ситуацию, можно сделать следующий вывод: с одной стороны, судья пренебрег действующими законами, не предусматривающими использование ИИ при вынесении судебного решения; с другой стороны, он показал новые способы использования ChatGPT.

Применение технологий ИИ в уголовном судопроизводстве может принести неоспоримую пользу: уменьшить нагрузку на сотрудников правоохранительных органов, сократить время на принятие процессуальных решений, оптимизировать ресурсы. В Белгородской области три судебных участка используют ИИ для подготовки приказов о взыскании налогов [9]. По нашему мнению, это только начало распространения технологий ИИ в судебной системе России. Одним из аспектов использования технологии ИИ является автоматизация процессов. Например, при проведении судебных заседаний онлайн. В России используется автоматизированная система ГАС «Правосудие», в функции которой входит предоставление информации по конкретному уголовному делу, подача документов в Верховный суд России и т.д. К примеру, при уголовном судопроизводстве можно подать апелляционную жалобу, возражение, ходатайство, в том числе ходатайство об изменении меры пресечения, изменении территориальной подсудности, о приобщении вещественных доказательств и др. [10].

Одним из аргументов в пользу применения ИИ в целях осуществления уголовного правосудия является отсутствие предвзятости, что подразумевает под собой отсутствие личных предпочтений, предубеждений по отношению к участникам уголовного судопроизводства и руководство доказательствами и фактами, представленными в уголовном деле, при принятии решений. Практика использования технологии ИИ в США доказывает обратное: алгоритм «отдает предпочтение» людям с темным цветом кожи, что, соответственно, приведет к дискриминации [11. С. 90]. Зная о несовершенстве системы, американские суды все-таки продолжают основываться на «мнении» ИИ.

В штате Висконсин подсудимому был вынесен приговор при помощи программы COMPAS (Correctional Offender Management Profiling for Alternative Sanctions), которая оценивает риск совершения рецидива в зависимости от образования, криминальной истории и других характеристик преступника. По данным программы, у подсудимого был высокий уровень риска, в связи с чем ему было избрано максимальное наказание. Обжаловать приговор не удалось, суд апелляционной инстанции сослался на тайну методологии разработанной программы [12. С. 58]. Это не единственный случай предвзятого отношения ИИ при вынесении решений. Анализ подобных ситуаций показывает, что предвзятость ИИ зависит в первую очередь от данных, которые используются для

«обучения» ИИ. Если в данных, используемых для обучения ИИ, будет содержаться больше информации о совершении преступлений определенной категорией населения, то ИИ с большей вероятностью будет отдавать предпочтение в своих решениях именно этой категории граждан. Кроме того, на предвзятость ИИ также может оказывать влияние и предвзятость разработчика, поскольку даже непреднамеренно разработчик может внести ее при создании алгоритмов ИИ.

Другим аргументом в пользу использования ИИ в уголовном судопроизводстве является избежание такой ошибки, как «человеческий фактор», т.е. невнимательность человека ввиду усталости, голода, стресса или других обстоятельств. Использование высокоинтеллектуальных технологий может способствовать снижению вероятности ошибок, но не исключает их. Ввиду того, что ИИ способен анализировать большие объемы информации и выявлять закономерности, которые могут ускользнуть от внимания человека, его использование в уголовном процессе может повысить точность принимаемых решений. Однако технологии ИИ могут быть подвержены ошибкам. Примером тому является следующий случай: американский мужчина был обвинен в совершении грабежа магазина посредством информации, представленной системой распознавания лиц. После чего он был арестован и подвергся тюремному заключению, в течение которого подвергся насилию со стороны других заключенных. После проведенной проверки сотрудники полиции пришли к выводу о его невиновности, так как в момент совершения преступления мужчина жил в другом штате и имел алиби. Абсолютное доверие системам, основанным на ИИ, повлияло на человеческую жизнь [13].

Использование ИИ в уголовном процессе имеет как преимущества, так и недостатки, в связи с чем возникает большое количество споров. Доктор Кристофер Марку в статье «Lex Ex Machina: from rule of Law to legal singularity» («Закон из машины: от верховенства закона к правовой сингулярности») рассуждает о возможности «правовой сингулярности», когда ИИ будет выполнять функции судей и юристов гораздо лучше человека [14]. Рэй Уорти Кэмпбелл говорит о повышении роли ИИ в судебной деятельности, при этом поднимая вопросы не функциональных возможностей технологий ИИ, а фундаментальных вопросов о готовности общества к делегированию ИИ полномочий судей и юристов [15]. Н.В. Кравчук в своем исследовании приводит точку зрения Е. Волох, профессора Университета штата Калифорнии, который называет два критерия принятия ИИ в качестве судьи: убедительное мотивированное решение и гарантия защиты от взлома [16. С. 118].

Судебная система является одной из трех ветвей власти государства. Наделяя ИИ такими компетенциями, мы отдаем одну треть всей государственной власти бездушным технологиям. Справедливо ли вверять судьбы людей машинам? В. Момотов, судья Верховного суда РФ, утверждает, что невозможно заменить судью ИИ по

ряду причин: машина не сможет осознать определенные ценности и категории в отличие от судьи; ИИ, постоянно совершенствуясь, может стать угрозой для человечества [17].

По нашему мнению, технологии ИИ должны применяться в уголовном судопроизводстве только в качестве «помощника» сотрудника правоохранительных органов, чрезмерное же применение искусственного интеллекта может стать негативной тенденцией в уголовном процессе. Весь уголовный процесс базируется на принципах, закрепленных в УПК РФ. Рассмотренный случай в США доказывает, что полагание только на решение, принятое ИИ, способно привести к нарушению принципа презумпции невиновности. Бремя доказывания лежит непосредственно на стороне обвинения, а не на роботах. Кроме того, ст. 17 УПК РФ предусматривает оценку доказательств по внутреннему убеждению с учетом норм закона и совести [18]. Понятие моральных норм, категорий нравственности не является составляющей системы искусственного интеллекта, т.е. принцип свободы оценки доказательств не сможет быть полностью соблюден при использовании искусственного интеллекта больше, чем как вспомогательной системы. Не стоит и забывать о принципе осуществления правосудия только судом. На решение судьи не должны оказывать влияние системы, которые созданы программистами, не имеющими отношения к осуществлению правосудия. Следует согласиться с мнением И.П. Поповой: «замена машиной человека при отправлении правосудия не просто наполняет новым смыслом содержание принципов уголовного судопроизводства, а ставит под угрозу их реализацию» [19. С. 240].

Рассматривая возможность использования ИИ в уголовном судопроизводстве, можно сделать следующие выводы:

1. ИИ не сможет заменить человека в вопросах отправления правосудия. Замена судьи ИИ может привести не только к нарушению принципов уголовного судопроизводства, но и к изменению сущности справедливости правосудия.

2. Анализ мнений ученых показал, что наделение ИИ полномочиями судей носит довольно дискуссионный характер. Большинство исследователей не готовы однозначно ответить на вопрос о доверии осуществлению уголовного судопроизводства ИИ. По нашему мнению, ИИ следует доверить осуществление рутинных задач с целью оптимизации затрачиваемого времени.

3. Использование ИИ не исключает ошибки и предвзятости при принятии решений, что распространено в работе американских систем, базирующихся на ИИ. «Обучение» ИИ необходимо выстраивать на большом массиве данных за несколько десятков лет. Кроме того, за работой технологий ИИ необходим постоянный контроль IT-специалистов.

Применяя технологии ИИ, не следует забывать о таких проблемах, как обеспечение конфиденциальности; экономическая составляющая оснащения технологиями ИИ всех участников уголовного судопроизводства.

Список источников

1. Операция роботом да Винчи: принцип, преимущества. URL: <https://robot-davinci.ru/materialy/operaciya-robotom-da-vinchi-princip-process-vidy-preimushchestva-riski/> (дата обращения: 08.05.2024).
2. Создатель робота FEDOR Евгений Дудоров: «Наша ключевая задача – технологический суверенитет». URL: <https://skillbox.ru/media/code/sozdatel-robota-fedor-evgeniy-dudorov-nasha-klyuchevaya-zadacha-tehnologicheskij-suverenitet/> (дата обращения: 08.05.2024).
3. Искусственный интеллект в цифрах и фактах. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (дата обращения: 10.05.2024).
4. Чуканова Е.С., Бабченко А.И. Цифровизация уголовного правосудия: тенденции развития в современном мире // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Рязань, 2023. С. 240–243.
5. СМИ: в Китае искусственный интеллект взял на себя функции прокурора. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (дата обращения: 08.05.2024).
6. В Китае разработали ИИ-прокурора. URL: <https://skillbox.ru/media/business/v-kitae-razrabotali-ii-prokurora/> (дата обращения: 10.05.2024).
7. Роботу-адвокату запретили защищать клиента в суде. URL: <https://overclockers.ru/blog/Fantoci/show/84382/robotu-advokatu-zapretili-zaschischat-klienta-v-sude> (дата обращения: 08.05.2024).
8. Бот судья: чем грозит применение искусственного интеллекта в судах. URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/484998-bot-sud-a-sem-grozit-primenenie-iskusstvennogo-intellekta-v-sudah> (дата обращения: 11.05.2024).
9. Встать! Искусственный интеллект идёт. URL: https://skillbox.ru/media/business/vstat-iskusstvennyy-intellekt-idet/?utm_source=media&utm_medium=link&utm_campaign=all_all_media_links_links_articles_all_all_skillbox (дата обращения: 11.05.2024).
10. Вебинар «Онлайн-правосудие 2020». URL: <https://my.arbitr.ru/#help/0/2> (дата обращения: 10.05.2024).
11. Овчинникова О.В. Перспективы применения искусственного интеллекта в досудебном производстве // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. № 1 (32). С. 89–93. EDN VEJMRM.
12. Дьяконова С.А. Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве (на примере дела *Loomis v. Wisconsin*) // Урал – драйвер неоиндустриального и инновационного развития России : материалы IV Уральского экономического форума / отв. за выпуск: Я.П. Силин, В.Е. Ковалев. Екатеринбург : Уральский государственный экономический университет, 2022. С. 57–61. EDN TIFIUC.
13. Распознавание лиц, использованное после ограбления хижины в солнцезащитных очках, привело к незаконному тюремному заключению мужчины, говорится в иске. URL: <https://www.theguardian.com/technology/2024/jan/22/sunglass-hut-facial-recognition-wrongful-arrest-lawsuit> (дата обращения: 12.05.2024).
14. Д-р Кристофер Марку. Закон из механизма: от верховенства закона к правовой сингулярности. URL: <https://www.trusttech.cam.ac.uk/perspectives/foundations-trustworthy-design/lex-ex-machina-rule-law-legal-singularity> (дата обращения: 12.05.2024).
15. Рэй Уорти Кэмпбелл. Искусственный интеллект в зале суда: отправление правосудия в эпоху машинного обучения. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4425791 (дата обращения: 12.05.2024).
16. Кравчук Н.В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4: Государство и право. 2021. № 1. С. 115–122.
17. Момотов рассказал, почему искусственный интеллект никогда не заменит судью. URL: <https://pravo.ru/news/210547/> (дата обращения: 08.05.2024).
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.09.2023).
19. Попова И.П. Реализация принципов судебной власти в условиях цифровизации судопроизводства // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 4 (91). С. 235–246.

References

1. Robot-davinci.ru. (2024) *Operatsiya robotom da Vinchi: printsip, preimushchestva* [Operation with the da Vinci Robot: principle, advantages]. [Online] Available from: <https://robot-davinci.ru/materialy/operaciya-robotom-da-vinchi-princip-process-vidy-preimushchestva-riski/> (Accessed: 08th May 2024).
2. Skillbox. (2024) *Sozdatel' robota FEDOR Evgeniy Dudorov: "Nasha klyuchevaya zadacha – tekhnologicheskij suverenitet"* [Evgeniy Dudorov, the creator of the FEDOR robot: "Our key task is technological sovereignty"]. [Online] Available from: <https://skillbox.ru/media/code/sozdatel-robota-fedor-evgeniy-dudorov-nasha-klyuchevaya-zadacha-tehnologicheskij-suverenitet/> (Accessed: 08th May 2024).
3. RBC. (2024) *Iskusstvennyy intellekt v tsifrakh i faktakh* [Artificial intelligence in figures and facts]. [Online] Available from: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/657963559a79474dd4bc9b88?from=copy> (Accessed: 10th May 2024).
4. Chukanova, E.S. & Babchenko, A.I. (2023) *Tsifrovizatsiya ugolovnogo pravosudiya: tendentsii razvitiya v sovremennom mire* [Digitalization of criminal justice: development trends in the modern world]. In: *Sbornik nauchnykh statey po itogam Nedeli rossyskoy nauki v Ryzanskom filiale Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty* [Collection of scientific articles following the Russian Science Week at the Ryazan branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. Ryazan: Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 240–243.
5. TASS. (2021) *SMI: v Kitae iskusstvennyy intellekt vzyal na sebya funktsii prokurora* [Media: in China, artificial intelligence has taken over the functions of the prosecutor]. [Online] Available from: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (Accessed: 08th May 2024).
6. Skillbox. (2024) *V Kitae razrabotali II-prokurora* [China has developed an AI prosecutor]. [Online] Available from: <https://skillbox.ru/media/business/v-kitae-razrabotali-ii-prokurora/> (Accessed: 10th May 2024).

7. Overclockers.ru. (2023) *Robotu-advokatu zapretili zashchishchat' klienta v sude* [A robot lawyer was banned from defending a client in court]. [Online] Available from: <https://overclockers.ru/blog/Fantoci/show/84382/robotu-advokatu-zapretili-zaschischat-klienta-v-sude> (Accessed: 08th May 2024).
8. Forbes. (2023) *Bot sud'ya: chem grozit primeneniye iskusstvennogo intellekta v sudakh* [Bot judge: what the risks of using artificial intelligence in courts are]. [Online] Available from: <https://www.forbes.ru/mneniya/484998-bot-sud-a-chem-grozit-primeneniye-iskusstvennogo-intellekta-v-sudakh> (Accessed: 11th May 2024).
9. Skillbox. (2024) *Vstat'! Iskusstvennyy intellekt idet* [All rise! Artificial intelligence is in session]. [Online] Available from: https://skillbox.ru/media/business/vstat-iskusstvennyy-intellekt-idet/?utm_source=media&utm_medium=link&utm_campaign=all_all_media_links_links_articles_all_all_skillbox (Accessed: 11th May 2024).
10. My.arbitr.ru. (2024) *Vebinar "Onlayn-pravosudie 2020"* [Webinar "Online Justice 2020"]. [Online] Available from: <https://my.arbitr.ru/#help/0/2> (Accessed: 10th May 2024).
11. Ovchinnikova, O.V. (2022) *Perspektivy primeneniya iskusstvennogo intellekta v dosudebnom proizvodstve* [Prospects for the use of artificial intelligence in pre-trial proceedings]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 1 (32). pp. 89–93.
12. D'yakonova, S.A. (2022) [Prospects for using artificial intelligence in criminal proceedings (based on the case of Loomis v. Wisconsin)]. *Ural – drayver neoindustrial'nogo i innovatsionnogo razvitiya Rossii* [The Urals – a driver of Russia's neo-industrial and innovative development]. Proceedings of the IV Ural Economic Forum, Yekaterinburg. 20–21 October 2022. Yekaterinburg: Ural State University of Economics. pp. 57–61. (In Russian).
13. The Guardian. (2024) *Facial recognition used after Sunglass Hut robbery led to man's wrongful jailing, says suit*. [Online] Available from: <https://www.theguardian.com/technology/2024/jan/22/sunglass-hut-facial-recognition-wrongful-arrest-lawsuit> (Accessed: 12th May 2024).
14. Markou, C. (2024) *Lex Ex Machina: from rule of Law to legal singularity*. [Online] Available from: <https://www.trusttech.cam.ac.uk/perspectives/foundations-trustworthy-design/lex-ex-machina-rule-law-legal-singularity> (Accessed: 12th May 2024).
15. Campbell, R.W. (2020) *Artificial intelligence in the courtroom: the delivery of justice in the age of machine learning*. [Online] Available from: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4425791 (Accessed: 12th May 2024).
16. Kravchuk, N.V. (2021) *Iskusstvennyy intellekt kak sud'ya: perspektivy i opaseniya* [Artificial intelligence as a judge: prospects and concerns]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4: Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 115–122.
17. Pravo.ru. (2019) *Momotov rasskazal, pochemu iskusstvennyy intellekt nikogda ne zamenit sud'yu* [Momotov explained why artificial intelligence will never replace a judge]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/210547/> (Accessed: 08th May 2024).
18. Russian Federation. (2024) *Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18 December 2001 No. 174-FZ*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (Accessed: 27th September 2023).
19. Popova, I.P. (2019) *Realizatsiya printsipov sudebnoy vlasti v usloviyakh tsifrovizatsii sudoproizvodstva* [Implementation of the principles of judicial power in the context of digitalization of legal proceedings]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 4 (91). pp. 235–246.

Информация об авторах:

Чуканова Е.С. – доцент, кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: upik2021@mail.ru

Бабченко А.И. – слушатель Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя (Москва, Россия). E-mail: alena8babchenko8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.S. Chukanova, docent, Cand. Sci. (Law), deputy head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Regional Branch of the Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: upik2021@mail.ru

A.I. Babchenko, student of the Moscow Regional Branch of the Moscow Regional Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: alena8babchenko8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/23/14

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ПРОБАЦИИ

Николай Владимирович Ольховик¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, crim.just@mail.ru*

Аннотация. В статье рассмотрены правовые проблемы применения исполнительной пробаации, связанные с отсутствием общих требований к порядку взаимодействия субъектов пробаации, а также с несогласованностью некоторых положений нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере пробаации, с соответствующими положениями нормативных правовых актов в сфере занятости населения и социального обслуживания граждан в Российской Федерации.

Ключевые слова: наказания, не связанные с изоляцией от общества, иные меры уголовно-правового характера, пробаация, ресоциализация, социальная адаптация, социальная реабилитация

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

Для цитирования: Ольховик Н.В. Правовые проблемы применения исполнительной пробаации // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 88–91. doi: 10.17223/23088451/23/14

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/14

LEGAL ISSUES OF APPLYING EXECUTIVE PROBATION

Nikolay V. Olkhovik¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru*

Abstract. The article identifies legal issues of applying executive probation. Firstly, there are gaps in the mechanism of interaction of federal executive bodies, state authorities of the constituent entities of the Russian Federation, penal inspectorates, state employment service institutions, social service organizations, local governments, civil society institutions, and citizens in the sphere of probation. Secondly, some provisions of the probation legislation are not consistent with the sectoral legislation on employment and social services for citizens in the Russian Federation. The current situation in this sphere affects the implementation of the rights and obligations of penal inspectorates, as well as enforcement in executive probation of the rights and legitimate interests of persons sentenced to punishments and other measures of a criminal-legal nature not related to imprisonment who were conditionally released early. Proposals are formulated to improve the legislation on probation and the legislation on employment of the population and/or social services for citizens in the Russian Federation: unification of criteria for individual need for resocialization, social adaptation and social rehabilitation, and also means of ensuring the implementation of measures for resocialization, social adaptation, and social rehabilitation of convicts subject to executive probation.

Keywords: punishments not related to isolation from society, other measures of criminal-legal nature, probation, resocialization, social adaptation, social rehabilitation

Financial support: The study was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-18-00496, <https://rscf.ru/project/22-18-00496/>

For citation: Olkhovik, N.V. (2024) Legal issues of applying executive probation. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 88–91. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/14

Анализ судебной практики, официальной статистики [1] и научных работ на протяжении ряда лет показывает, что значительная доля рецидивной преступности приходится на осужденных к наказаниям и иным мерам уголовно-правового характера, не связанным с изоляцией осужденного от общества, а также на освобожденных из мест лишения свободы условно-досрочно или в связи с заменой наказания более мягким видом [2–5].

В структуре преступности отмечается увеличение числа противоправных посягательств, совершённых лицами, ранее совершавшими преступления. Их удельный вес достигает в некоторых регионах Российской Федерации 65–70%. Каждое третье преступление в России совершается ранее судимыми лицами [1]. Научные исследования рецидивной преступности, проведенные в Томском государственном университете, убедительно

доказывают, что рассматриваемый показателькратно выше официального и достигает по отдельным категориям осужденных и освобожденных из мест лишения свободы 60–80% [4. С. 146]. Одним из основных факторов, влияющих на рецидивную преступность, являются проблемы социализации осужденных без изоляции от общества и освобожденных из мест лишения свободы. Как следует из изученной нами практики, около 80% осужденных, совершивших новое преступление, не работают и не имеют официальных источников дохода, большинство из них (53%) сталкиваются с отказом в приеме на работу из-за отсутствия регистрации и наличия судимости. Полученные нами данные подтверждаются и другими исследователями [6. С. 19]. Сокращение рецидивной преступности, как представляется, невозможно без повышения эффективности социальной, воспитательной и психологической работы с осужденными в уголовно-исполнительных инспекциях и развития системы оказания социальной помощи нуждающимся осужденным в рамках пробации.

Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (далее – закон о пробации) [7.] предусмотрел целями пробации коррекцию социального поведения, ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется пробация, предупреждение совершения ими новых преступлений. В мероприятиях, направленных на ресоциализацию, социальную адаптацию и социальную реабилитацию лиц, в отношении которых применяется пробация, предполагается участие субъектов пробации и других лиц. На соответствующие министерства и ведомства, территориальные органы которых являются субъектами пробации, законом о пробации возлагается обязанность разработать и утвердить соответствующие регламенты и/или типовые соглашения о взаимодействии как между собой, так и с институтами гражданского общества и гражданами (ст. 7–8 закона о пробации). Определив права и обязанности субъектов пробации, закон о пробации не предусмотрел механизма взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, учреждений уголовно-исполнительной системы, государственных учреждений службы занятости населения, организаций социального обслуживания, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и граждан в сфере пробации. Учитывая разную ведомственную принадлежность субъектов пробации, разграничение их компетенций в соответствующих нормативных правовых актах должно базироваться на теоретически обоснованной модели их взаимодействия по вопросам пробации.

Решение этой задачи, на наш взгляд, возможно посредством определения общих требований к порядку взаимодействия федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций и граждан по вопросам пробации в постановлении Правительства Российской Федерации. В качестве образца может быть взята модель взаимодействия, предусмотренная постановлением Правительства

Российской Федерации от 28 ноября 2018 г. № 1425, которым утверждены общие требования к порядку взаимодействия федеральных, региональных, местных органов исполнительной власти и подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, а также иных организаций с субъектами добровольческой (волонтерской) деятельности [8].

Сопоставление положений нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере исполнительной пробации, с корреспондирующими положениями нормативных правовых актов в сфере занятости населения и социального обслуживания граждан в Российской Федерации показывает их несогласованность. Некоторые положения закона о пробации противоречат соответствующим положениям отраслевого законодательства, что, в конечном счете, делает невозможным оказание соответствующей помощи лицу, в отношении которого осуществляется пробация. Так, например, проблемным вопросом, возникающим при реализации закона о пробации, является определение понятия «трудная жизненная ситуация».

В соответствии со статьей 5 закона о пробации совокупность мер, ее образующих, применяется только в отношении тех категорий осужденных и освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации [8]. Критерии наличия трудной жизненной ситуации законом о пробации не предусмотрены. В то же время закон о пробации обязывает уголовно-исполнительные инспекции (ст. 28) проводить оценку индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых приняты решения о применении исполнительной пробации.

Сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, проводя такую оценку, руководствуются приказом Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 [9] и признают лиц нуждающимися в соответствующих мероприятиях пробации на основании критериев и методики оценки индивидуальной нуждаемости, которые закреплены в приложении № 4 к этому приказу. При этом признание осужденного нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации еще не означает, что данное лицо будет признано находящимся в трудной жизненной ситуации соответствующими социальными службами (органами службы занятости населения или организациями социального обслуживания граждан). Это связано с тем, что соответствующие критерии трудной жизненной ситуации определяются на основании законодательства о занятости населения и/или социального обслуживания граждан в Российской Федерации и не совпадают с критериями индивидуальной нуждаемости лиц, определенных упомянутым приказом Минюста России. В ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 442-ФЗ от 28.12.2012 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» определены критерии признания гражданина нуждающимся в социальном обслуживании [10]. В части 1 ст. 3 Федерального закона от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» определены критерии порядка и условий признания граждан безработными [11].

В такой ситуации лицо, в отношении которого применяется исполнительная пробацция, хотя и признано уголовно-исполнительной инспекцией нуждающимся в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, но не получит соответствующей помощи, поскольку законодательство о занятости населения и/или о социальном обслуживании граждан в Российской Федерации не позволяет его признать находящимся в трудной жизненной ситуации. Решить возникшую ситуацию возможно только посредством унификации критериев оценки индивидуальной нуждаемости в ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации с критериями для признания лица находящимся в трудной жизненной ситуации.

Проблемы применения пробацции возникают и при реализации индивидуальной программы ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, участвующих в исполнительной пробацции, в том числе по вопросу оказания им содействия в трудоустройстве. Так, при составлении индивидуальной программы органами службы занятости населения предлагаются мероприятия по первоначальной постановке на учет, которые в соответствии с нормативными правовыми актами в сфере занятости населения не могут быть запланированы заранее, в связи с чем сотрудники уголовно-исполнительных инспекций не имеют возможности контролировать своевременность выполнения указанных мероприятий лицами, в отношении которых осуществляется пробацция. Поэтому, на наш взгляд, мероприятия по первоначальной постановке на учет безработных должны включаться в индивидуальную программу лица, в отношении которого осуществляется пробацция. Несоответствие обнаруживается и в основаниях прекращения мероприятий, образующих исполнительную пробаццию.

В соответствии с законом о пробацции применение исполнительной пробацции прекращается в случае повторного невыполнения лицом мероприятий, предусмотренных индивидуальной программой, без уважительных причин после вынесения предупреждения о возможном прекращении оказания ему помощи в рамках пробацции. Нормативные правовые акты о занятости населения предусматривают иные основания снятия граждан с учета и прекращения оказания ему помощи. Так, в соответствии с п. 28 Постановления Правительства Российской Федерации от 02.11.2021 № 1909 лица снимаются с регистрационного учета зарегистрированных граждан в связи с длительным (более одного месяца) отсутствием взаимодействия зарегистрированного гражданина с соответствующим органом службы занятости населения [12]. Решить эту проблему можно, обязав органы службы занятости населения уведомлять сотрудников уголовно-исполнительных инспекций о мероприятиях, не включенных в индивидуальную программу ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых осуществляется исполнительная пробацция.

Таким образом, правовые проблемы применения исполнительной пробацции связаны с отсутствием общих требований к порядку взаимодействия федеральных, региональных и местных органов исполнительной власти, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций и граждан по вопросам пробацции, а также с несогласованностью нормативных правовых актов, регламентирующих понятие и критерии нуждаемости лица, находящегося в трудной жизненной ситуации, основания и порядок осуществления и основания прекращения ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых осуществляется исполнительная пробацция.

Список источников

1. Судебная статистика. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 09.01.2024).
2. Ольховик Н.В., Прокументов Л.М. Рецидивная преступность осужденных и ее предупреждение. Томск, 2009. 159 с.
3. Прокументов Л.М., Ольховик Н.В. Рецидивная преступность несовершеннолетних и ее предупреждение. Томск, 2011. 154 с.
4. Горюнянская В.В. Постпенитенциарный рецидив / под науч. ред. В.А. Уткина. М. : Юрлитинформ, 2012. 168 с.
5. Дроздов И.С. Рецидив преступлений при осуждении без лишения свободы. М. : Юрлитинформ, 2021. 241 с.
6. Агамов Г.Д., Ковалева Е.Н. Актуальность закона о социальной адаптации // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 19.
7. Федеральный закон от 06.02.2023 года № 10-ФЗ «О пробацции в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
8. Постановление Правительства РФ от 28 ноября 2018 г. № 1425 «Об утверждении общих требований к порядку взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, подведомственных им государственных и муниципальных учреждений, иных организаций с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности и добровольческими (волонтерскими) организациями и перечня видов деятельности, в отношении которых федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления утверждается порядок взаимодействия государственных и муниципальных учреждений с организаторами добровольческой (волонтерской) деятельности, добровольческими (волонтерскими) организациями» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
9. О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяются пробацция в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробацции в Российской Федерации. приказом Минюста России от 29.11.2023 г. № 350 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
10. Федеральный закон № 442-ФЗ от 28.12.2012 г. «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).
11. Федеральный закон от 12.12.2023 № 565-ФЗ «О занятости населения в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

12. Постановление Правительства Российской Федерации от 02.11.2021 № 1909 «О регистрации граждан в целях поиска подходящей работы, регистрации безработных граждан, требования к подбору подходящей работы, внесении изменений в Постановление Правительства РФ от 08.04.2020 № 460, а также о признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 09.01.2024).

References

- Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2024) *Sudebnaya statistika* [Court statistics]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (Accessed: 09.01.2024).
- Ol'khovik, N.V. & Prozumantov, L.M. (2009) *Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of convicts and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
- Prozumantov, L.M. & Ol'khovik, N.V. (2011) *Retsidivnaya prestupnost' nesovershennoletnikh i ee preduprezhdenie* [Recidivism of minors and its prevention]. Tomsk: Tomsk State University.
- Gorodnyanskaya, V.V. (2012) *Postpenitentsiarnyy retsidiv* [Post-penitentiary recidivism]. Moscow: Yurlitinform.
- Drozdov, I.S. (2021) *Retsidiv prestupleniy pri osuzhdenii bez lisheniya svobody* [Recidivism of crimes upon conviction without imprisonment]. Moscow: Yurlitinform.
- Agamov, G.D. & Kovaleva, E.N. (2006) Aktual'nost' zakona o sotsial'noy adaptatsii [Relevance of the Law on Social Adaptation]. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo*. 3.
- Russian Federation. (2023) *On Probation in the Russian Federation. Federal Law of 06 February 2023 No. 10-FZ* https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439127/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).
- Russian Federation. (2018) *Resolution of the Government of the Russian Federation of November 28, 2018, No. 1425: On approval of general requirements for the procedure for interaction between federal executive bodies, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, local governments, state and municipal institutions subordinate to them, and other organizations with organizers of voluntary (volunteer) activities and voluntary (volunteer) organizations, and a list of types of activities in respect of which federal executive bodies, executive bodies of the constituent entities of the Russian Federation, and local governments approve the procedure for interaction between state and municipal institutions with organizers of voluntary (volunteer) activities and voluntary (volunteer) organizations* [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_312235/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).
- Russian Federation. (2023) *On the resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons subject to probation in accordance with the Federal Law of 06 December 2023 No. 10-FZ: On Probation in the Russian Federation. Order of the Ministry of Justice of Russia of 29 November 2023 No. 350*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463279/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).
- Russian Federation. (2012) *On the fundamentals of social services for citizens in the Russian Federation. Federal Law No. 442-FZ of 28 December 2012*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).
- Russian Federation. (2023) *On employment of the population in the Russian Federation. Federal Law of 12 December 2023 No. 565-FZ*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_464093/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).
- Russian Federation. (2023) *On the registration of citizens in order to find suitable work, registration of unemployed citizens, requirements for the selection of suitable work, amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation of 08 April 2020 No. 460, as well as on the recognition of certain acts and individual provisions of certain acts of the Government as invalid. Decree of the Government of the Russian Federation of 02 November 2021 No. 1909*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_400125/ (Accessed: 09.01.2024). (In Russian).

Информация об авторе:

Ольховик Н.В. – доцент, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.V. Olkhovik, docent, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law, Law Institute of the National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.6.2024.*

Научная статья
УДК 343.8

doi: 10.17223/23088451/23/15

«СИБИРСКИЙ ПРОЕКТ» ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОГО (УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО) КОДЕКСА РОССИИ В ПЕРИОД КОДИФИКАЦИИ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Андрей Владимирович Уткин¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, ugovlnoetgu@mail.ru*

Аннотация. В статье впервые в отечественной научной литературе освещаются основные положения «Сибирского проекта» Исправительно-трудового (Уголовно-исполнительного) кодекса Российской Федерации, подготовленного в 1991 г. в качестве альтернативного существовавшим в тот период официальным проектам. Отмечается роль «томской школы» исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) права в формировании и деятельности коллектива авторов «Сибирского проекта», в деятельности Согласительной комиссии Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР при разработке одного из заключительных вариантов проекта УИК РФ.

Ключевые слова: кодификация уголовно-исполнительного законодательства, «томская школа» уголовно-исполнительного права, проекты УИК РФ

Для цитирования: Уткин А.В. «Сибирский проект» исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) кодекса России в период кодификации уголовно-исполнительного законодательства // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 92–97. doi: 10.17223/23088451/23/15

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/15

THE “SIBERIAN PROJECT” OF THE CORRECTIONAL LABOR (PENAL) CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION DURING PENAL LEGISLATION CODIFICATION

Andrey V. Utkin¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ugovlnoetgu@mail.ru*

Abstract. For the first time in the domestic scientific literature, the main provisions of the “Siberian Project” of the Correctional Labor (Penal) Code of the Russian Federation, prepared in 1991 as an alternative to the official projects that existed at that time, are covered. The role of the “Tomsk school” of correctional labor (penal) law in the formation and activities of the team of authors of the “Siberian Project”, in the activities of the Conciliation Commission of the Legislation Committee of the Supreme Soviet of the RSFSR in developing one of the final versions of the draft Penal Code of the Russian Federation is emphasized. The scientific validity of the “Siberian Project” and the weight of its authors’ arguments led the Legislation Committee to the conclusion that it was necessary to form a conciliation commission from representatives of the two author groups with the invitation of other participants. The Commission was headed by Aleksandr F. Bir, a Supreme Soviet deputy, Secretary of the Legislation Committee, Kuzbass miner familiar with the penal system from his own experience of being in a correctional labor colony in his youth. As was subsequently indicated in the Explanatory Note to the draft Penal Code of the Russian Federation, the Commission was instructed to develop a single draft Penal Code of the Russian Federation on the basis of two drafts (the Penal Code prepared by a team led by Professor Aleksandr I. Zubkov (Moscow) and the Correctional Labor Code by a team led by Professor Vladimir A. Utkin (Tomsk)) and, if necessary, to make appropriate proposals to amend and supplement the draft of the new Criminal Code of the Russian Federation. It is clear from the composition of the Commission that it was unprecedented in the positions it presented. It worked intensively every day in heated discussions at the sites of the Legislation Committee of the Supreme Soviet of the RSFSR and the Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in February–March 1992. Nevertheless, the Commission as a whole managed to find mutually acceptable solutions to the absolute majority of the considered issues. In certain cases, when it was not possible to develop a unified position, the text of the Draft provided options; for example, this happened with some norms on the labor of convicts. The version of the Draft adopted by the Commission was taken as the basis for further legislative work, which was completed by the adoption of the Penal Code of the Russian Federation in December 1996.

Keywords: codification of penal legislation, “Tomsk school” of penal law, drafts of Penal Code of Russian Federation

For citation: Utkin, A.V. (2024) The “Siberian Project” of the Correctional Labor (Penal) Code of the Russian Federation during penal legislation codification. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 92–97. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/15

Проблемы и ход кодификации советского исправительно-трудового законодательства 1969–1971 гг. в историческом аспекте достаточно подробно освещены в отечественной науке [1–3]. Этого, к сожалению, пока нельзя сказать о кодификации отечественного уголовно-исполнительного права, хотя с момента принятия Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации вскоре пройдет три десятилетия. Данной теме преимущественно в описательном плане посвящены лишь отдельные статьи либо параграфы в учебной литературе [4. С. 583–586; 5; 6].

Этап подготовки кодификации и ее проведения, большей частью – период кризисных явлений в социально-экономической и политической жизни общества, социально-политической «турбулентности». Достаточно сказать, что эта работа начиналась в одном государстве, при Конституции СССР 1977 г., а завершилась в другом, при Конституции Российской Федерации 1993 г., в условиях существенно изменившегося отраслевого законодательства. Кардинально менялись и основные парадигмы общества, предъявляя качественно новые требования к законодательству, к деятельности системы уголовной юстиции, частью которой является уголовно-исполнительная система. Одновременно наша страна стремилась занять более заметную роль в мировом сообществе как демократическое правовое государство, проявлением чего служат, в частности, вступление Советского Союза в 1990 г. в Интерпол, а также вхождение России в январе 1996 г. в Совет Европы.

Изменение социально-политической обстановки и диктуемого ей «социального заказа» приводило к появлению законопроектов различного уровня: Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основ уголовно-исполнительного законодательства РСФСР, Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Нельзя не обойти и обстановку сопровождавших подготовку кодификации жарких дискуссий, в которой, помимо специалистов, ученых и практиков, в середине 1990-х гг. принимали активное участие правозащитники (некоторые из них имели опыт пребывания в советских исправительно-трудовых учреждениях). Наконец, если кодификация 1969–1971 гг. проводилась при стабильном и действующем уже десятилетие общесоюзном и республиканском уголовном законодательстве, то аналогичная работа в девяностые годы прошлого века велась параллельно с разработкой нового уголовного законодательства, а действовавшие в тот период нормы УК РСФСР 1960 г. постоянно менялись.

На первых этапах подготовки кодификации в силу существовавшего тогда конституционного приоритета общесоюзных законов над республиканскими основное внимание уделялось проектам общесоюзных Основ уголовно-исполнительного законодательства. Непосредственная подготовка их проекта началась в 1986 г. во ВНИИ СЗ под руководством проф. Н.А. Стручкова. Годом позже авторский коллектив в составе Н.А. Стручкова, И.В. Шмарова и А.С. Михлина подготовил Концепцию Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик, которая в

ноябре 1987 г. обсуждалась в Институте прокуратуры СССР с участием практических работников, ученых, преподавателей юридических вузов.

В 1988 г. во ВНИИ МВД СССР создается новый авторский коллектив под руководством проф. А.И. Зубкова, в который вошли ученые Академии МВД СССР и Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка. Им в течение 1988 г. была подготовлена **Доктринальная модель Основ**, опубликованная в ведомственном журнале [7]. Публикация вызвала большой интерес. Значительная часть из более чем 400 полученных замечаний и предложений использовалась в дальнейшей работе над проектом.

В этой связи нельзя обойти вниманием **Концепцию реформы уголовно-исполнительной системы**, одобренную Решением Коллегии Министерства внутренних дел СССР 16 июля 1990 г. [8].

Работа авторского коллектива под руководством А.С. Михлина и И.В. Шмарова привела к появлению в конце 1990 г. нового варианта **Доктринального проекта общесоюзных Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик** [9]. Параллельно ему под руководством проф. А.И. Зубкова велась разработка **Альтернативного проекта Основ** [10]. Параллельно с работой над Доктринальным проектом общесоюзных Основ практически тот же авторский коллектив ВНИИ МВД под руководством А.С. Михлина и И.В. Шмарова в мае 1990 г. представил **предварительный проект Уголовно-исполнительного кодекса РСФСР**. Это был последний из проектов, в котором содержалась ссылка на Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В июле 1991 г. Верховный Совет СССР принял **Основы уголовного законодательства Союза ССР и республик**, которые предполагалось ввести в действие с 1 июля 1992 г. [11]. Из целей наказания была исключена цель «перевоспитания» осужденных. Согласно Основам, предельный срок лишения свободы должен был составлять 15 лет, а при замене в порядке помилования смертной казни – 20 лет. Пожизненного лишения свободы и обязательных работ Основы не предусматривали. Основания назначения вида исправительного учреждения передавались в компетенцию УК республик.

Августовские события 1991 г. и последовавший распад Советского Союза оставили Основы уголовного законодательства в категории памятников законотворчества, поскольку они так и не вступили в силу. Закон СССР от 26 апреля 1990 г. «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» (п. 3 ст. 8) стал последним общесоюзным актом, в котором упоминались Основы Уголовно-исполнительного законодательства. В итоге законопроектная работа в данной области переместилась в сферу российского республиканского правотворчества. Однако, как известно, процесс «суверенизации» в тот период захватил и Россию. Ряд ее субъектов стали претендовать на полномочия и в принятии отраслевых кодексов. В стремлении каким-то образом упорядочить этот процесс республиканские законодатели приняли решение о подготовке и принятии

республиканских (РСФСР) законов в ранге Основ. 2 ноября 1990 г. Комитеты по законодательству и законности, правопорядку и борьбе с преступностью Верховного Совета РСФСР определили основные параметры Концепции социального заказа по подготовке **Основ уголовно-исполнительного законодательства РСФСР, союзных и автономных республик**. Такой проект был подготовлен в достаточно короткий срок авторским коллективом под руководством А.И. Зубкова.

С учетом предполагаемого отказа от жесткой централизации регулирования порядка и условий отбывания наказания, предоставления более широких прав в этой сфере государственным образованиям в составе РСФСР в проект Основ уголовно-исполнительного законодательства РСФСР были включены лишь самые принципиальные положения. Предполагалась в дальнейшем возможность принятия уголовно-исполнительных кодексов не только на уровне РСФСР, но и союзными, а также автономными республиками, входящими в ее состав.

В декабре 1991 г. в Комитет по законодательству Верховного Совета РСФСР был представлен **проект Уголовно-исполнительного кодекса РФ**, разработанный учеными, правозащитниками и практикующими юристами вне структур МВД. По целому ряду принципиальных положений он заметно выделялся из ранее обнародованных проектов общесоюзного и республиканского уровня.

В соответствии со ст. 43 Проекта исправительные учреждения, исполняющие наказание в виде лишения свободы, должны были подразделяться на федеральные, республиканские в составе РСФСР и местные (вспомним аналогичное положение Концепции реформы уголовно-исполнительной системы 1990 г.). Основная масса осужденных, судя по их «статейным» признакам, предназначалась к отбыванию в республиканских и местных учреждениях. Труд осужденных в местах лишения свободы предполагался добровольным. Работающие осужденные должны были содержаться отдельно от неработающих. Работающим должны были предоставляться ежегодные отпуска с выездом или без выезда из исправительного учреждения по решению администрации.

В числе существовавших в период подготовки кодификации особое место занимает **«Сибирский проект» Исправительно-трудового (Уголовно-исполнительного) кодекса Российской Федерации**, принадлежащий авторскому коллективу «томской школы» исправительно-трудового права, состоявшему из ученых и преподавателей ряда сибирских юридических вузов. Благодаря плодотворной научной и научно-педагогической деятельности её основателя профессора А.Л. Ременсона, ушедшего из жизни в 1985 г., юридический фа-

культет Томского государственного университета занимал и занимает ведущее место среди гражданских вузов страны в разработке теоретических и ряда прикладных проблем исполнения уголовных наказаний [4. С. 501–592; 12. С. 84–85].

Учитывая высокий многолетний авторитет «томской школы», остроту и дискуссионность проблем кодификации, Комитет по законодательству Верховного Совета РСФСР в марте 1991 г. официально обратился к ректору ТГУ с просьбой о привлечении к разработке проекта ученых Томского университета. При обсуждении этого предложения было решено в краткие сроки разработать альтернативный законопроект с привлечением к этой работе коллег из сибирских юридических вузов, разделяющих основные концептуальные положения «томской школы». Примечательно, что эта работа предполагалась и в дальнейшем велась на сугубо общественных началах, без какой-либо дополнительной оплаты.

Авторский коллектив возглавил ученик А.Л. Ременсона заведующий кафедрой исправительно-трудового права и криминологии, доктор юридических наук, проф. В.А. Уткин*. В его состав также вошли: от Томского университета – канд. юрид. наук Н.И. Ланкин, канд. юрид. наук А.К. Музеник, канд. юрид. наук Л.М. Прозументов, канд. юрид. наук О.В. Филимонов, канд. юрид. наук В.Г. Швыдкий, Е.А. Заплата, В.К. Новосельцев. От Новосибирского юридического факультета ТГУ – канд. юрид. наук Е.М. Захцер; от Алтайского госуниверситета – канд. юрид. наук А.С. Бондаренко; от Кемеровского государственного университета – канд. юрид. наук Н.И. Чуньков; от Красноярского университета – канд. юрид. наук А.В. Усс; от Тюменской Высшей школы МВД РСФСР – канд. юрид. наук В.И. Горобцов; от Томской школы усовершенствования начсостава МВД РСФСР – канд. юрид. наук Л.Ф. Мартыняхин, канд. юрид. наук В.Р. Павлинский и Е.П. Молчанова**.

В русле подготовки Проекта в сентябре 1991 г. в Томске была проведена научно-практическая конференция «Проблемы кодификации исправительно-трудового (уголовно-исполнительного) законодательства РСФСР» с широким кругом участников не только из России, но и из Казахстана и Украины. На ней обсуждались проблемы новых подходов к формированию уголовно-исполнительного законодательства в реалиях текущего времени и на перспективу. Помимо этого, были согласованы структура и основные исходные положения будущего Проекта. Вся работа была проведена в сжатые сроки, и подготовленный сибирскими учеными Проект в январе 1992 г. был представлен в Комитет по законодательству Верховного Совета РСФСР.

К сожалению, Проект в целом не был опубликован. Информация о нем и его основном содержании представлялась руководителем Проекта В.А. Уткиным в но-

* Интересно, что один из «оппонентов» данного проекта в последовавших в Москве дискуссиях, проф. А.И. Зубков, также был учеником А.Л. Ременсона; научный куратор проекта УИК на его заключительных стадиях проф. В.И. Селиверстов был учеником А.И. Зубкова, а проф. ТГУ В.Д. Филимонов, представлявший в 1996 г. в качестве депутата Государственной Думы окончательную версию проекта УИК

от Комитета ГД по безопасности, был ранее коллегой А.Л. Ременсона по кафедре.

** Л.М. Прозументов, О.В. Филимонов, А.В. Усс и В.И. Горобцов впоследствии стали докторами юридических наук.

ябре 1992 г. на представительной международной конференции в Москве «Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма» [13].

По ряду исходных позиций рассматриваемый Проект не мог не совпадать с принципиальными положениями ранее разработанных документов. Тем самым он был скорее не «альтернативным» а «параллельным», но обладал существенными особенностями. Прежде всего, его авторы стремились к тому, чтобы все положения, затрагивающие или ограничивающие права граждан, были урегулированы законом (в узком смысле этого слова)*. Поэтому будущий Кодекс предполагался как основной законодательный акт непосредственно прямого действия, регулирующий целый комплекс общественных отношений в сфере исполнения наказаний, воспитательно-профилактической работы с осужденными, ресоциализации осужденных и судимых и постпенитенциарного контроля за их поведением. В основе такого подхода лежала традиционная для «томской школы» концепция широкого соединения наказания с мерами исправительно-трудового воздействия посредством «исполнительно-профилактической деятельности». В результате общее число предлагаемых Проектом законодательных норм возросло до 447 (т.е. в четыре раза) по сравнению с действовавшим тогда ИТК РСФСР. Полностью отказаться от подзаконного (в том числе ведомственного) нормотворчества было невозможно, но его пределы четко определялись в проекте Кодекса на основе «разрешительного» принципа. При этом в качестве органа, которому должны были быть подведомственны учреждения и органы, исполняющие наказания, устанавливалось не Министерство внутренних дел, а Министерство юстиции. Впервые в Проекте нашла отражение специальная статья «Исправительно-трудовой кодекс РФ и международно-правовые акты», которая в дальнейшем почти текстуально была включена в окончательную версию УИК и ныне сформулирована как ст. 3 УИК РФ 1996 г. Вполне корректным, научно обоснованным и отвечающим смыслу Минимальных стандартных правил обращения с заключенными было определение содержания исправления осужденных как «формирования, закрепления и развития знаний, убеждений и навыков, необходимых и достаточных для их объективной подготовленности и субъективной готовности соблюдать закон и правила человеческого общежития» (ст. 11).

В предмет Кодекса, учитывая его наименование, не предполагалось включить исполнение смертной казни, которое в силу её исключительности предполагалось регулировать специальным законом. Не включалась в него и реализация принудительных мер медицинского и воспитательного характера, применяемых вместо уголовного наказания, уголовной ответственности. С другой стороны, в Кодекс предлагалось включить нормы, сформулированные в действовавшем тогда Положении об административном надзоре, а также в отдельных близ-

ких по целям проектах (например, проекте законов о социальной адаптации освобожденных из мест лишения свободы). Исполнение лишения свободы предполагалось возложить на исправительно-трудовые учреждения федерального, республиканского и местного подчинения, реализацию альтернативных мер – на «исполнительно-профилактические инспекции» (ст. 16). Вполне созвучной современным задачам probation было упоминание Проекта о том, что «для оказания специализированной социальной помощи осужденным и судимым при местных органах самоуправления создается патронажная служба. При необходимости в ее структуре создаются центры социальной адаптации освобожденных от наказания».

Развернутое содержание в Проекте получили такие принципы «исполнительно-профилактической деятельности», как законность, демократизм, гуманизм, экономия правоограничений и принудительных средств, равенство осужденных и судимых перед законом, соединение уголовного наказания с иными воспитательно-профилактическими мерами, дифференциация и индивидуализация исполнительно-профилактической деятельности, участие общественности в исполнительно-профилактической деятельности.

Уникальное значение имел глоссарий, содержащийся в главе «Разъяснение некоторых наименований, содержащихся в настоящем Кодексе». В нем, в частности, перечислялись возможные злостные нарушения режима при отбывании лишения свободы, предметы, запрещенные к хранению осужденными, использование которых возможно в особом порядке.

Впервые в отечественной правотворческой практике была предпринята попытка раскрыть институциональное юридическое содержание наказания в виде лишения свободы сквозь «призму» конституционных и международно признанных прав и свобод человека и гражданина путем формирования некоей «Общей части» для наказания в виде лишения свободы (ст. 79–107). Учреждения для отбывания лишения свободы предлагалось разделить на колонии общего и особого режима, воспитательные колонии для несовершеннолетних, тюрьмы. Ограничение свободы предполагалось отбывать в колониях-поселениях.

Наряду с сокращением видов режима лишения свободы предлагалось ввести более дифференцированные условия отбывания наказания в зависимости от поведения осужденных. Однако не поддерживалась сформулированная в большинстве предыдущих проектов идея о начале отбывания лишения свободы с самых строгих условий изоляции. Более логичным и оправданным с психолого-педагогической точки зрения представлялось деление условий на три категории: «условия испытания» (в начальный период пребывания); «ухудшенные условия» и «улучшенные условия».

Довольно подробно (аналогично тому, как это было сделано позднее в Главе У Закона от 21 июля 1993 г.)

* Аналогичное положение было закреплено впоследствии в ч. 3 ст. 55 Конституции России.

предлагалось определить основания и порядок применения оружия, физической силы и специальных средств, причем последние определялись конкретно. Отдельная развернутая статья впервые была посвящена техническим средствам надзора и контроля. В ней, в частности, говорилось, что «администрация... обязана уведомлять осужденных о применении технических средств надзора и контроля, когда они одновременно выполняют функцию защиты, нарушение которой может повлечь опасность для жизни и здоровья осужденных».

При переходе к рынку существенно осложнялось привлечение осужденных к лишению свободы к труду. В проекте Кодекса предполагалось отказаться от общей обязанности осужденных трудиться, закрепив в законе право на труд, включая право на здоровые и безопасные условия труда. Предполагалось обеспечивать привлечение к труду преимущественно методами позитивного стимулирования. Учитывая тенденции развития законодательства о собственности, Проект устанавливал, что предприятия, на которых применяется труд осужденных, могут находиться в государственной, частной, муниципальной собственности, в собственности общественных организаций или основываться на смешанной форме собственности. Предполагалось создание фондов занятости осужденных в целях объединения усилий администрации учреждений и работодателей в создании рабочих мест. Время добросовестной работы осужденных предлагалось включать в трудовой стаж. Кроме того, в него должно было включаться время, в течение которого желающему работать осужденному не предоставлялась работа. Заработную плату осужденных и иные средства на их лицевых счетах предлагалось индексировать в соответствии с законодательством РФ.

Факультативная Глава регламентировала разрешение коллективных споров (конфликтов) между осужденными и администрацией, включая при определенных условиях и при соблюдении весьма строгой процедуры их право на забастовку как крайнего средства мирного законного разрешения конфликта. Среди основных средств воспитательной работы предусматривалась «психотерапевтическая помощь».

Специальная глава Проекта подробно регламентировала подготовку осужденных к освобождению. Ей было посвящено шесть подробных статей. Отдельный Раздел был посвящен воспитательно-профилактической работе с осужденными без лишения свободы и ограничения свободы и судимыми лицами на основе государственно-общественной системы предупреждения рецидива преступлений. Двадцать статей регламентировали социальную помощь осужденным без лишения и ограничения свободы и судимым. В том числе осуществляемой «патронажной службой» при местных органах самоуправления, общее руководство которой возлагалось на Министерство юстиции.

В числе завершающих глав Проекта была Глава о предупредительном надзоре, который возлагался на ис-

полнительно-профилактические инспекции во взаимодействии с органами внутренних дел, общественными формированиями и отдельными гражданами. Статус последних, формы их стимулирования также нашли отражение в рассматриваемом проекте Кодекса.

Научная обоснованность «Сибирского варианта» и весомость аргументации его авторов привели Комитет по законодательству к выводу о необходимости формирования согласительной комиссии из представителей двух авторских коллективов с приглашением иных участников. Её возглавил депутат Верховного Совета, секретарь Комитета по законодательству А.Ф. Бир – кузбасский шахтер, знакомый с уголовно-исполнительной системой по собственному опыту пребывания в молодые годы в воспитательно-трудовой колонии. В комиссию входили представители НИИ МВД РФ (проф. А.И. Зубков, проф. А.С. Михлин, канд. юрид. наук Г.П. Байдаков, канд. юрид. наук А.В. Бриллиантов, канд. юрид. наук А.Т. Потемкина, канд. юрид. наук С.И. Курганов, канд. юрид. наук О.Б. Лысягин, канд. юрид. наук А.В. Чепелев, канд. экон. наук В.С. Радкевич); Прокуратуры РФ (А.В. Коршунов); НИИ Прокуратуры РФ (проф. И.В. Шмаров); Томского государственного университета (проф. В.А. Уткин и канд. юрид. наук Н.И. Ланкин), Министерства внутренних дел РФ (начальник ГУИН Ю.И. Калинин, В.В. Злыденко, Н.М. Скрипников, В.И. Соколов, Д.М. Куценко, М.А. Яроцкий); Министерства юстиции РФ (А.В. Викторов), Министерства обороны РФ (Г.Ф. Осипов), Общественного центра гуманизации пенитенциарной системы (известный правозащитник В.Ф. Абрамкин).

Как впоследствии указывалось в Пояснительной записке к Проекту УИК РФ, «комиссии было поручено на основе двух проектов (Уголовно-исполнительного кодекса, подготовленного коллективом под руководством профессора А.И. Зубкова (г. Москва) и Исправительно-трудового кодекса, подготовленного коллективом под руководством профессора В.А. Уткина (г. Томск), разработать единый проект Уголовно-исполнительного кодекса РФ и, если требуется, внести соответствующие предложения по изменению и дополнению проекта нового УК РФ».

Уже из самого состава Комиссии ясно, что она была беспрецедентной по представленным в ней позициям. В жарких дискуссиях она ежедневно напряженно работала на площадках Комитета по законодательству Верховного Совета РСФСР и НИИ МВД РФ в феврале–марте 1992 г. Тем не менее Комиссии удалось найти взаимоприемлемые решения по абсолютному большинству рассматриваемых проблем. В отдельных случаях, когда единой позиции выработать не получалось, в тексте Проекта давались варианты, как это, например, произошло с некоторыми нормами о труде осужденных. Принятый Комиссией вариант проекта был взят за основу дальнейшей законопроектной деятельности, которая была завершена принятием в декабре 1996 г. Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

Список источников

1. Крахмальник Л.Г. Кодификация исправительно-трудового законодательства. М. : Юрид. лит. 1978. 200 с.
2. Крахмальник Л.Г. Единство и особенности исправительно-трудовых кодексов союзных республик. Рязань : РВШ МВД СССР, 1074. 115 с.

3. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки. М. : Наука, 1979. 192 с.
4. Уголовно-исполнительное право России : учеб. для вузов. М. : Норма, 2006. 720 с.
5. *Зубков А.И.* Вступительная статья к Комментарию к Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации. М. : Инфра-М-Норма, 1997. С. VII–XII.
6. *Сенатова Е.В.* Трансформация исправительно-трудового в уголовно-исполнительное законодательство: модели Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик // Организационное обеспечение реформирования уголовно-исполнительной системы. Рязань : Академия ФСИН России, 2014. С. 184–186.
7. Доктринальная модель Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик // Воспитание и правопорядок. 1988. № 11. С. 31–59.
8. Концепция реформы уголовно-исполнительной системы. М. : ГУИД МВД СССР, 1990. 31 с.
9. Доктринальный проект Основ уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик // Проблемы реформирования уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы. М. : НИИ МВД РФ, 1991. С. 93–119.
10. *Зубков А.И., Селиверстов В.И.* Основы уголовно-исполнительного законодательства Союза ССР и союзных республик. Альтернативный проект. Рязань : РВИШ МВД СССР, 1990. 44 с.
11. Известия. 20 июля. 1991.
12. Уголовно-исполнительное право. М. : Норма, 2023. 464 с.
13. Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма : материалы международной конференции. Вып. 1. М. : Общественный центр «Содействие», 1993. 78 с.

References

1. Krakhmal'nik, L.G. (1978) *Kodifikatsiya ispravitel'no-trudovogo zakonodatel'stva* [Codification of correctional labor legislation]. Moscow: Yurid. lit.
2. Krakhmal'nik, L.G. (1974) *Edinstvo i osobennosti ispravitel'no-trudovykh kodeksov soyuznykh respublik* [Unity and features of correctional labor codes of the union republics]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
3. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1979) *Kriminologiya. Ispravitel'no-trudovoe pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki* [Criminology. Correctional labor law. History of legal science]. Moscow: Nauka.
4. Zubkov, A.I. (ed.) (2006) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii: ucheb. dlya vuzov* [Penal law of Russia: textbook for universities]. Moscow: Norma.
5. Zubkov, A.I. (1997) *Vstupitel'naya stat'ya k Kommentariyu k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Introductory article to the Commentary on the Penal Code of the Russian Federation]. Moscow: Infra-M-Norma. pp. VII–XII.
6. Senatova, E.V. (2014) *Transformatsiya ispravitel'no-trudovogo v ugolovno-ispolnitel'noe zakonodatel'stvo: modeli Osnov ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Soyuz SSR i soyuznykh respublik* [Transformation of correctional labor into penal legislation: models of the fundamentals of the penal legislation of the USSR and the union republics]. In: *Organizatsionnoe obespechenie reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Organizational support for reforming the penal system]. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 184–186.
7. *Vospitanie i pravoporyadok.* (1988) *Doktrinal'naya model' Osnov ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Soyuz SSR i soyuznykh respublik* [Doctrinal model of the fundamentals of the penal legislation of the USSR and the union republics]. *Vospitanie i pravoporyadok.* 11. pp. 31–59.
8. Khrebtov, V. (ed.) (1990) *Kontseptsiya reformy ugolovno-ispolnitel'noy sistemy* [Concept of reform of the penal system]. Moscow: GUID MVD SSSR.
9. Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. (1991) *Doktrinal'nyy proekt Osnov ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Soyuz SSR i soyuznykh respublik* [Doctrinal project of the fundamentals of the penal legislation of the USSR and the union republics]. In: *Problemy reformirovaniya ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva v svete pravovoy reformy* [Problems of reforming the penal legislation in light of legal reform]. Moscow: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. pp. 93–119.
10. Zubkov, A.I. & Seliverstov, V.I. (1990) *Osnovy ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva Soyuz SSR i soyuznykh respublik. Al'ternativnyy proekt* [Fundamentals of the penal legislation of the USSR and the union republics. Alternative project]. Ryazan: RVSh MVD SSSR.
11. *Izvestiya.* (1991) 20 July.
12. Norma. (2023) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penal law]. Moscow: Norma.
13. Abramkin, V.F. (ed.) (1993) *Tyuremnaya reforma v stranakh byvshego totalitarizma: materialy mezhdunarodnoy konferentsii* [Prison reform in the countries of former totalitarianism: Proceedings of the International Conference]. Vol. 1. Moscow: Obshchestvennyy tsentr "Sodeystvie".

Информация об авторе:

Уткин А.В. – аспирант кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Utkin, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ugolovnoetgu@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 343.823

doi: 10.17223/23088451/23/16

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ТРУДОВОЙ ЗАНЯТОСТИ ОСУЖДЕННЫХ КАК ОСНОВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ПРОФИЛАКТИКИ РЕЦИДИВА

Ольга Валерьевна Филиппова¹

¹ *Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Улан-Удэ, Россия, ovalfilippova@yandex.ru*

Аннотация. В статье актуализируется проблема обеспечения трудовой занятости осужденных. Отсутствие работы является серьезным криминогенным фактором, в значительной степени обуславливающим совершение лицом новых преступлений после привлечения к уголовной ответственности за прежнее. По данным статистики, в 2022 г. из 214 142 осужденных, имевших судимость за ранее совершенное преступление, 156018 (72,9%) не имели постоянного источника дохода. При этом около половины осужденных без изоляции от общества, состоявших на учете уголовно-исполнительных инспекций, во время отбывания наказания не работали и не учились; в исправительных учреждениях менее 40% осужденных привлекаются к оплачиваемому труду.

Ключевые слова: рецидивная преступность, средства исправления осужденных, трудовая занятость осужденных, профилактика рецидива

Для цитирования: Филиппова О.В. Обеспечение трудовой занятости осужденных как основное направление профилактики рецидива // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 98–102. doi: 10.17223/23088451/23/16

Original article

doi: 10.17223/23088451/23/16

ENSURING EMPLOYMENT OF CONVICTS AS THE MAIN DIRECTION OF RECIDIVISM PREVENTION

Olga V. Filippova¹

¹ *East Siberia State University of Technology and Management, Ulan-Ude, Russian Federation, ovalfilippova@yandex.ru*

Abstract. In the execution of punishments and prevention of recidivism, the problem of ensuring employment of convicts remains relevant: in 2022, about half of convicts not isolated from society and registered with penal inspectorates did not work or study while serving their sentences; less than 40% of convicts were involved in paid labor in correctional institutions. The only punishment during which all convicts without exception work is a punishment in the form of forced labor. During their sentence, convicts are supervised, engaged in productive work, receive income, compensate for damages, and demonstrate a low recidivism rate. In order to achieve the preventive purpose of punishment, it is necessary to ensure employment of convicts. Labor activity is enshrined in the Penal Code of the Russian Federation as a means of correcting convicts. Nevertheless, in the modern period, a significant portion of convicts are not engaged in work while serving their sentences: in 2022, 44.8% of convicts not isolated from society and registered with penal inspectorates did not work or study; in places of deprivation of liberty, only about 40% of convicts were involved in paid work. The unemployment of conditionally sentenced persons is largely due to the fact that the courts, when applying a conditional sentence, do not impose on the conditionally sentenced person the obligation to work (find a job), although it is fixed in the list provided for in Part 5 of Article 73 of the Criminal Code of the Russian Federation. In practice, this obligation is imposed on a person after their registration with the penal inspectorate; the latter, if the conditionally sentenced person evades compensation for damage (in full or in part) caused by the crime, applies to the court with a motion to impose additional obligations. Meanwhile, from the moment of conviction until the imposition of the conditionally sentenced person's obligation to work (find a job), a long time passes, during which the person continues to evade socially useful activities, does not have a permanent source of income, and allows unlawful behavior. In turn, in correctional institutions, the problem of ensuring employment of convicts is associated with the lack of the necessary number of orders for the needs of the penal system. After release from prison, former convicts also do not find work: according to the results of a survey of persons who committed a new crime after release from a correctional institution, 61.1% did not find a job after serving their sentence; of those who found a job, more than a half (61.4%) did random jobs. Reducing the degree of recidivism of individuals who have previously committed crimes is possible only with their maximum involvement in work activities. The only punishment during which all convicts without exception work is a punishment in the form of forced labor. When serving it, convicts are under supervision, do productive work, receive income, and compensate for damages while demonstrating a low level of recidivism. In this regard, further expansion of the use of punishment in the form of forced labor seems justified.

Keywords: recidivism, means of correction of convicts, employment of convicts, prevention of recidivism

For citation: Filippova, O.V. (2024) Ensuring employment of convicts as the main direction of recidivism prevention. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 98–102. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/16

По данным официальной статистики, из зарегистрированных в 2023 г. в России 1 947 161 преступлений 596 290 (30,6%) совершены лицами, ранее совершавшими преступления. Среди 750 465 выявленных лиц, совершивших преступления, 439 504 чел., или 58,6%, ранее привлекались к уголовной ответственности [1]. Наибольшую долю такие лица составляли среди разбойников – 67,8%, наркопреступников – 63,2%, причинителей тяжкого вреда здоровью – 63,4%. Вопросы недопущения новых преступлений со стороны лиц, ранее совершавших преступления, сохраняют актуальность в современный период. Известно, что значительное число лиц допускают рецидив еще во время отбывания наказания. Так, в 2023 г. 30 155 условно осужденных совершили новые преступления в период испытательного срока, 1 673 осужденных допустили рецидив во время отбывания лишения свободы. Часть рецидивистов возвращаются к преступной деятельности в первый год после освобождения из мест лишения свободы (36 642 чел. в 2023 г.) [2].

По данным Судебного Департамента при Верховном Суде РФ за 2022 г., среди осужденных, имевших судимость за прежнее преступление, 72,6% не имели постоянного источника дохода (среди всех осужденных доля таковых составляла 62,7%) [3]. Криминогенность такого фактора, как незанятость, отсутствие работы, хорошо изучена в криминологической науке. Кроме того, исследования показывают, что безработица тесно связана с рецидивом [4. С. 70]. Так, С.Ю. Бытко указывает, что в 2015 г. из 234 285 осужденных, имевших судимость, 74,5% были безработными; в то же время работавших среди них было почти в три раза меньше – 25,5%. Уровень судимости среди безработных составил 37,2%, а среди работавших – всего 22,6%. Автор делает вывод о том, что безработные формируют облик рецидивной преступности и ее основные тенденции, в то время как наличие работы является важнейшим антикриминогенным фактором. Если работающие имеют судимость, то от рецидива они воздерживаются, причем не столько под влиянием отбытого наказания, сколько из страха потерять работу и связанные с ней преимущества и возможности (социальный статус, источник дохода, возможность иметь и обеспечивать семью, обучать детей и т.д.) [4. С. 70].

Трудовая деятельность закреплена в Уголовно-исполнительном кодексе РФ в качестве средства исправления осужденных. Исправительно-предупредительный процесс при исполнении наказаний включает формирование и развитие у осужденных трудовых умений и навыков. Известно, что трудовая занятость осужденных преследует различные цели: экономическую (участие в создании материальных ценностей, возмещение причиненного вреда, компенсация затрат на их содержание в учреждениях уголовно-исполнительной системы), воспитательную (развитие полезных привычек, укрепление сознательности, дисциплинированности и т.д.), предупредительную (недопущение нарушения осужденными установленного порядка отбывания наказания) и др. [5] Именно трудовая деятельность способна развить социально полезные навыки и убеждения – ответственное от-

ношение к обязанностям, исполнительность, нравственность, организованность, сформировать волевые качества отказа от неправомерного поведения. Трудовая занятость позволяет осознать, изменить и сформировать личное поведение и задуматься о семейно-бытовых отношениях и правилах общежития.

Между тем в современный период значительная часть осужденных в период отбывания наказаний не занята трудом: 44,8% осужденных без изоляции от общества, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, в 2022 г. не работали и не учились; в местах лишения свободы привлекались к оплачиваемому труду лишь около 40% осужденных [6].

Так, по данным ФСИН России, на конец 2022 г. на учете уголовно-исполнительных инспекций состояло 476 659 осужденных, из которых 213 654 не были заняты трудом или учебой, в том числе: 105 367 условно осужденных, 62 899 осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, 18 825 осужденных к ограничению свободы, 12 662 осужденных к обязательным работам, 9 948 осужденных к исправительным работам. Доля незанятых осужденных среди отбывающих ограничение свободы достигала 51,1%, среди условно осужденных – 45,1% (см. таблицу).

Численность и доля осужденных, не занятых трудом или учебой

Показатели	Всего	В т.ч. не занятых трудом или учебой	%
Численность осужденных, состоящих на учете УИИ на конец отчетного периода в России	476 659	213 654	44,8
Из них осужденных к лишению права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	126 496	62 899	49,7
к обязательным работам	28 155	12 662	45,0
к исправительным работам	40 018	9 948	24,9
к ограничению свободы	36 868	18 825	51,1
условно осужденных	233 459	105 367	45,1

Незанятость условно осужденных во многом связана с тем, что суды, применяя условное осуждение, не возлагают на условно осужденного обязанность трудиться (трудоустроиться), хотя таковая указана в перечне, предусмотренном ч. 5 ст. 73 УК РФ. На практике эта обязанность возлагается на него после постановки на учет в уголовно-исполнительной инспекции, которая при уклонении условно осужденного от возмещения вреда (полностью или частично), причиненного преступлением, обращается в суд с представлением о возложении дополнительных обязанностей. Между тем с момента осуждения до возложения на условно осужденного обязанности трудиться (трудоустроиться) проходит продолжительное время, в течение которого он продолжает уклоняться от социально полезной деятельности, не имеет постоянного источника дохода, что способствует противоправному поведению.

В целом суды довольно формально относятся к выяснению вопросов занятости подсудимых: не запрашивают справки с места работы, чтобы убедиться в его

фактической занятости, признают лицо работающим и при неофициальном трудоустройстве и т.д.

Представляется, что при применении условного осуждения суды должны обязательно возлагать на условно осужденных обязанность трудиться (трудоустроиться). В связи с этим в п. 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ РФ № 58 от 22.12.2015 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» следует предусмотреть положение о том, что «суд, назначая условное осуждение, в случае отсутствия у осужденного постоянного места работы возлагает на него обязанность трудиться (трудоустроиться)».

Обращаясь к проблеме обеспечения трудовой занятости осужденных в исправительных учреждениях, следует отметить, что эта проблема связана с отсутствием необходимого количества заказов для нужд уголовно-исполнительной системы, что не позволяет в полном объеме использовать имеющиеся производственные мощности исправительных учреждений [7] и обеспечить работой осужденных. Несмотря на то, что учреждения уголовно-исполнительной системы являются казенными, объем государственного (внутрисистемного) заказа недостаточен, поэтому учреждения уголовно-исполнительной системы вынуждены самостоятельно искать заказы, изыскивать возможности для создания рабочих мест, а также для обновления и содержания основных фондов. Как верно подмечают авторы, самостоятельная производственная деятельность учреждений в сложнейших условиях хозяйствования не может обеспечить занятость осужденных и достижение финансовых результатов [8. С. 50].

Как отмечалось в проекте программного документа ФСИН России, высокий уровень неработающих осужденных в исправительных учреждениях создает серьезные проблемы для органов исполнительной власти субъектов РФ при решении задач по трудоустройству лиц, освободившихся после отбывания наказаний. Значительный перерыв в трудовой деятельности и отсутствие профессиональных навыков у этой категории граждан затрудняют их трудоустройство, создают социальную напряженность в регионах и приводят к росту рецидивной преступности. Отсутствие рабочих мест не позволяет осужденным в должной степени возмещать ущерб, причиненный гражданам и государству, оказывать материальную помощь семьям, рассчитываться за полученное питание и вещевое имущество, приобретать дополнительные продукты питания и предметы первой необходимости. Денежные средства, заработанные осужденными в период отбывания наказания, зачастую являются единственным источником их существования после освобождения [9].

Размер среднемесячной заработной платы осужденных, привлеченных к труду, остается низким – 376,25 руб. (2022 г.); это в несколько раз ниже уровня средней номинальной начисленной заработной платы в целом по экономике страны и ниже уровня размеров заработных плат по соответствующим видам экономической деятельности. По оценкам экспертов, осужденным

зачисляется около 4–5 тыс. руб. после вычета из их заработной платы выплат по алиментам, искам, содержанию в исправительном учреждении (ст. 107 УИК РФ) (не менее 25% начислений по заработной плате, пенсии или иных доходов) [10. С. 49]. Такая оплата труда снижает мотивацию осужденных к трудовой деятельности.

После освобождения из мест лишения свободы бывшие осужденные также не устраиваются на работу: по результатам анкетирования 2 895 лиц, совершивших новое преступление после освобождения из исправительного учреждения, 61,1% из них после отбытия наказания так и не устроились на работу; из устроившихся более половины (61,4%) работали, кем придется [11. С. 802]. При ответе на вопрос о том, что было самым трудным в жизни на свободе после освобождения, 49,7% ответили «трудно было найти любую работу», еще 35,6% – «найти достаточно оплачиваемую работу». 53,8% опрошенных отсутствие постоянной работы назвали основной причиной, по которой они вновь совершили преступление.

С точки зрения обеспечения трудовой занятости осужденных единственным наказанием, при отбывании которого все без исключения осужденные работают, является наказание в виде принудительных работ. Принудительные работы согласно ст. 53.1 УК РФ применяются как альтернатива лишению свободы за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, с обязательным привлечением к труду и проживанием в специализированных исправительных центрах или участках, функционирующих как исправительный центр. Данное наказание применяется также в качестве замены обязательных или исправительных работ в случае злостного уклонения от их отбывания либо в качестве замены неотбытой части наказания в виде лишения свободы в порядке ст. 80 УК РФ.

В последние годы применение принудительных работ существенно расширилось, было создано значительное количество исправительных центров и изолированных участков, функционирующих как исправительные центры. По состоянию на 1 января 2023 г. в России функционировало 43 исправительных центра, 134 участка, функционирующих как исправительные центры, 187 участков исправительных центров, созданных на базе объектов предприятий. На учете исправительных центров в 2022 г. состояло 27 023 осужденных, из которых 22 401 являлись переведенными из мест лишения свободы. 1 403 осужденным принудительные работы назначены в связи со злостным уклонением от отбывания иного вида наказания [12].

При отбывании принудительных работ осужденные находятся под надзором, заняты производительным трудом, получают доход, который позволяет возместить причиненный преступлением ущерб, приобретают рабочие навыки. Зачастую они остаются работать на предприятии по окончании срока наказания. Это препятствует их возвращению в прежнюю криминальную среду и устраняет такие криминогенные факторы, как незанятость и отсутствие источника дохода, а также в целом облегчает адаптацию после отбывания наказания.

По данным исследований, среди отбывающих принудительные работы низкий процент рецидива – 1% [13. С. 47]. Как отметил министр юстиции К. Чуйченко, в 2022 г. после отбывания наказания в виде принудительных работ повторное преступление совершили 194 человека (были заключены под стражу), а всего освобождено 7,5 тыс. человек; в 2023 г. – 169 человек из 9,5 тыс., что составило менее 2% [14]. Такие данные подтверждают необходимость обеспечения трудовой занятости

осужденных для достижения целей наказания и позволяют сделать вывод о том, что снижение степени рецидивоопасности лиц, ранее совершавших преступления, возможно только при максимальном их вовлечении в трудовую деятельность. С точки зрения повышения эффективности системы наказания применение наказания в виде принудительных работ представляется более оптимальным, чем условное осуждение или ограничение свободы.

Список источников

1. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 г. ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (дата обращения: 20.04.2024).
2. Сведения о лицах, совершивших преступления: Форма 2-ЕГС (492): Сборник по России за январь–декабрь 2023 г. 150 с.
3. Статистика судимости Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 20.04.2024).
4. Бытко С.Ю. Эффективность предупредительного воздействия уголовного наказания на преступность: теоретический и прикладной аспекты : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2018. 217 с.
5. Александров Б.В. Вовлечение осужденных в трудовую деятельность, как фактор их ресоциализации // *NovaInfo*. 2015. № 31. URL: <https://novainfo.ru/article/3150> (дата обращения: 08.03.2024).
6. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы за январь–декабрь 2022 г.: информационно-аналитический сборник. Тверь, 2023. 120 с.
7. Вопросы соблюдения трудовых прав граждан в местах принудительного содержания : доклад Уполномоченного по правам человека в Республике Саха (Якутия). URL: <https://map.ombudsmanrf.org/> (дата обращения: 15.03.2024).
8. Разумова И.В. Программа трудовой адаптации исправительных учреждений УИС как основа реализации государственной функции по привлечению осужденных к труду // *Ведомости уголовно-исполнительной системы*. 2018. № 5. С. 47–51.
9. О федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)»: Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2018 г. № 420 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 08.03.2024).
10. Тимофеева Е.А. К вопросу об особенностях организации трудовой занятости осужденных в России и за рубежом // *Актуальные проблемы правопедания*. 2019. № 4. С. 48–55.
11. Darkhanova A.B., Filippova O.V. Determinantes of post-prison relapse // *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences*. 2023. V. 16, № 5. P. 801–808.
12. Федеральная служба исполнения наказаний URL: <https://fsin.gov.ru/index.php>
13. Ольховик Н.В. Рецидивная преступность осужденных, отбывающих принудительные работы // *Вестник Кузбасского института*. 2021. № 1 (46). С. 45–52.
14. Минюст сообщил о росте числа мест для отбывания принудительных работ за три года. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49887/> (дата обращения: 15.04.2024).

References

1. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2023) *The state of crime in Russia for January-December 2023*. [Online] Available from: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports> (Accessed: 20th April 2024). (In Russian).
2. Ministry of Internal Affairs of Russia. (2024) *Svedeniya o litsakh, sovershivshikh prestupleniya: Forma 2-EGS (492): Sbornik po Rossii za yanvar'-dekabr' 2023 g.* [Information on persons who committed crimes: Form 2-EGS (492): Collection on Russia for January–December 2023].
3. Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. (2024) *Statistika sudimosti Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude RF* [Statistics of convictions from the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (Accessed: 20th April 2024).
4. Bytko, S.Yu. (2018) *Effektivnost' predupreditel'nogo vozdeystviya ugovornogo nakazaniya na prestupnost': teoreticheskiy i prikladnoy aspekt* [The effectiveness of the preventive impact of criminal punishment on crime: theoretical and applied aspects]. Law Dr. Diss. Saratov.
5. Aleksandrov, B.V. (2015) *Vovlechenie osuzhdennykh v trudovuyu deyatelnost', kak faktor ikh resotsializatsii* [Involvement of convicts in labor as a factor in their resocialization]. *NovaInfo*. 31. [Online] Available from: <https://novainfo.ru/article/3150> (Accessed: 08th March 2024).
6. Research Institute of Information Technologies of the Federal Penal Service. (2023) *Osnovnye pokazateli deyatelnosti ugovorno-ispolnitel'noy sistemy za yanvar'-dekabr' 2022 g.: informatsionno-analiticheskiy sbornik* [Key performance indicators of the penal system for January–December 2022: informational and analytical collection]. Tver: Research Institute of Information Technologies of the Federal Penal Service.
7. Map.ombudsmanrf.org. (2024) *Report of the Commissioner for Human Rights in the Republic of Sakha (Yakutia) "Issues of compliance with the labor rights of citizens in detention facilities"*. [Online] Available from: <https://map.ombudsmanrf.org/> (Accessed: 15.03.2024). (In Russian).
8. Razumova, I.V. (2018) *Programma trudovoy adaptatsii ispravitel'nykh uchrezhdeniy UIS kak osnova realizatsii gosudarstvennoy funktsii po privlecheniyu osuzhdennykh k trudu* [The program of labor adaptation of correctional institutions of the penal system as a basis for the implementation of the state function of attracting convicts to work]. *Vedomosti ugovorno-ispolnitel'noy sistemy*. 5. pp. 47–51.

9. Russian Federation. (2018) *On the federal target program "Development of the penal system (2018–2026)": Resolution of the Government of the Russian Federation of April 6, 2018, No. 420.* [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_295582/ (Accessed: 08th March 2024). (In Russian).
10. Timofeeva, E.A. (2019) К вопросу об особенностях организации трудовой занятости осужденных в России и за рубежом [On the peculiarities of organizing the employment of convicts in Russia and abroad]. *Aktual'nye problemy pravovedeniya.* 4. pp. 48–55.
11. Darkhanova, A.B. & Filippova, O.V. (2023) Determinantes of post-prison relapse. *Journal of Siberian Federal University: Humanities and Social Sciences.* 16 (5). pp. 801–808.
12. *RF Federal Penitentiary Service.* [Online] Available from: <https://fsin.gov.ru/index.php>
13. Ol'khovik, N.V. (2021) Retsidivnaya prestupnost' osuzhdennykh, otbyvayushchikh prinuditel'nye raboty [Recidivism of convicts serving forced labor]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta.* 1 (46). pp. 45–52.
14. RF Ministry of Justice. (2023) *Minyust soobshchil o roste chisla mest dlya otbytiya prinuditel'nykh rabot za tri goda* [The Ministry of Justice reported an increase in the number of places for serving forced labor over three years]. [Online] Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/events/49887/> (Accessed: 15th April 2024).

Информация об авторе:

Филиппова О.В. – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления (Улан-Удэ, Россия). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Filippova, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law Disciplines of the East Siberia State University of Technology and Management (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: ovalfilippova@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.04.2024;
одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 12.04.2024;
approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

КРИМИНОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 343.01

doi: 10.17223/23088451/23/17

РАННИЕ ВЗГЛЯДЫ Ч. ЛОМБРОЗО НА НАКАЗАНИЕ И ПЕНИТЕНЦИАРНУЮ СИСТЕМУ

Иван Игоревич Корнаков¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kornakosivan@gmail.com*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ранних взглядов Ч. Ломброзо на идею наказания, систему уголовно-исполнительных учреждений. Автор исследует данные взгляды в динамике, сравнивая их с последующими воззрениями Ч. Ломброзо на систему наказаний.

Ключевые слова: идея наказания, Чезаре Ломброзо, пенитенциарная система, рецидивная преступность, смертная казнь

Для цитирования: Корнаков И.И. Ранние взгляды Ч. Ломброзо на наказание и пенитенциарную систему // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 103–107. doi: 10.17223/23088451/23/17

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/17

CESARE LOMBROSO'S EARLY VIEWS
ON PUNISHMENT AND THE PENITENTIARY SYSTEM

Ivan I. Kornakov¹

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation kornakosivan@gmail.com*

Abstract. This article discusses Cesare Lombroso's views on the system of punishment. The study shows that Lombroso analyzed various ideas of punishment, but was a supporter of the concept of social protection. He was initially a supporter of the introduction of differentiation in the system of correctional institutions, considered it possible to use punishments not related to imprisonment, especially for persons who committed a crime for the first time, who cannot be subjected to the influence of repeat offenders. He stated that a system of educational institutions for minors is required, and also that in prisons (preferably, cell type) a system of not only punishments but also incentives should be created – convicts must be taught applied skills that cannot be used to commit new crimes. Later, Lombroso changed his views slightly – he became a supporter of the death penalty for malicious repeat offenders.

Keywords: idea of punishment, Cesare Lombroso, penitentiary system, recidivism, death penalty

For citation: Kornakov, I.I. (2024) Cesare Lombroso's early views on punishment and the penitentiary system. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 103–107. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/17

В трудах по уголовно-исполнительному праву взгляды известного итальянского криминолога Ч. Ломброзо упоминаются редко. Некоторые авторы указывают на абсолютизацию им идей об атавизме, биологических свойствах преступника [1. С. 46–47], иные пишут, что он слишком много внимания уделял личности преступника [2. С. 39], что основанная им антропологическая школа сместила акцент науки с абстрактного преступления на конкретного преступника, его биологические, социальные и психологические особенности [3. С. 23–24]. В работах по криминологии воззрения Ч. Ломброзо упоминаются чаще. Например, описываются его воззрения о прирожденном характере преступной наклонности и необходимости внесудебных процедур по выявлению и изоляции прирожденных преступ-

ников, которые должны осуществлять специальные комиссии [4. С. 152], указывается, что данные комиссии по изначальной задумке всецело должны состоять из психиатров, хотя в дальнейшем Ломброзо отвёл им роль экспертов [5. С. 67]. Некоторые криминологи пишут про идеи Ч. Ломброзо о принудительной изоляции прирожденных преступников [6. С. 35], о необходимости их лечения [7. С. 27]. Утверждают также, что Ч. Ломброзо считал прирожденных преступников неисправимыми, подлежащими смертной казни [8. С. 62].

Уже в своей первой работе «L'Uomo delinquente» (1876) Ч. Ломброзо коснулся проблемы наказания, указывая на неэффективность исключительно карательного подхода. Автор объяснял это атавизмом преступников, их схожестью с дикарями своей безнравственностью,

жестокостью, невозможностью исправления в существующей системе. В обосновании он приводил неизменные данные уголовной статистики. Автор считал, что преступность усугубляется подпиткой рядов преступников беспризорными детьми, не получившими соответствующего воспитания и заботы, потому преступниками часто становятся в раннем возрасте. Преступность является вечным явлением, вытекающим из самой человеческой природы [9. Р. 199–202].

Как указывал Ч. Ломброзо, наказание как мера социальной защиты имеет право на существование, но оно приобретает куда менее жестокий характер, чем просто кара преступника, а также становится менее противоречивым и более эффективным институтом. По его утверждению, данного подхода также придерживались Беккариа, Полетти, Фейербах, Гоббс и др. [9. Р. 204–205].

Значительной проблемой представлялся Ломброзо институт помилования. Если суд уже принял решение, которое представляется суровым, то идея о смягчении наказания посредством помилования является парадоксальной, потому что в таком случае суд и не должен был осуждать человека. В качестве примера приведен случай из работы Г. Руфа о помиловании женщины, которая из-за тяжелого финансового положения сделала некачественную фальшивую банкноту, которую легко распознал бы даже ребёнок. Сам факт, что её изначально осудили, а затем простили, явствует о порочности такой системы, которая судит всех преступников одним лекалом, не заботясь ни о судьбе его, ни о причинах преступления [9. Р. 205].

Ч. Ломброзо указывал, что в древности судьи могли становиться палачами, а само наказание отождествлялось с возмещением или мезтью. Преступление считалось тяжчайшим злом, карой за которое может быть лишь смерть. Казнь была публичной, жестокой, но преступлений от этого меньше не становилось, однако в этом присутствовала своя логика – преступник не может родить хороших, законопослушных детей, а потому, убивая преступника, мы предотвращаем появление новых правонарушителей. В дальнейшем от этой рефлексивной логики отошли, хотя по-прежнему скрытно полагались при оценке преступлений и назначении наказаний на категории отвращения, позора, социальной мести, отрицаемой юристами. Но на фоне крайне редкого исправления преступника, высокого уровня рецидива, что усугубляется превращением тюрьмы в школу зла, ухудшающую преступника, а не улучшающую его, назрела необходимость реформ в исправительных учреждениях [9. Р. 206–207].

В этом контексте опасными Ломброзо считал новые теории возмездия (Канта, Гегеля, де Эрколе и др.), которые сводилась к причинению соразмерного преступлению вреда преступнику. Сущностно они представляли новое изложение принципа талиона и при этом не учитывали, что преступник в тюрьме проникается преступным миром и начинает представлять вечную опасность для общества. Потому необъективно желать от преступников покаяния или стараться запугать их.

Первое невозможно из-за элемента принуждения, снижающего их искренность, а запугивание, как показала история, в контексте даже самых жестоких наказаний (четвертования, гнусных столбов, отрывания конечностей и пр.), приводило лишь к росту преступности и ожесточению преступников. Ч. Ломброзо отмечал, что устоявшаяся практика со своими полумерами не является действительно справедливой и эффективной. Сам он признавался, что в интерпретации Миттермайера согласен с определением наказания как справедливого зла к тем, кто совершает несправедливое зло, так как его можно воспринять как теорию защиты [9. Р. 207–208].

Ч. Ломброзо отмечал, что ни тюрьма, ни правильное воспитание не являются панацеей от преступности, куда более эффективной будет попытка предупредить превращение человека в преступника ещё до полного формирования его как личности. Следует также отменить королевские помилования, а смертную казнь сделать непубличной. Приоритетным должно стать устройство тюрем камерного типа, которые снизят контакты между преступниками [9. Р. 208].

Особую проблему, по мнению Ломброзо, представляет предупреждение преступности несовершеннолетних, которые, раз совершив преступление, попадали в общие тюрьмы; следует обратить внимание на устройство исправительных учреждений для содержания молодых людей, которые уже существовали в США, Бельгии, Франции, Италии, Голландии. Однако статистика не свидетельствует о безусловном или даже существенном успехе данных учреждений при всей кажущейся их полезности. Виной тому – множась контакты между молодыми преступниками, которые в силу возраста более эмоциональны и менее подвержены рефлексии, особенно склоны к подражанию как в силу своих страстей, так и вследствие недостатка образования, что усугубляется снижением уровня контроля и эффективности воспитания в больших группах; технически сложно проводить профилактику преступлений на индивидуальном уровне. При этом Ломброзо хвалит саму систему устройства некоторых реформаторских школ, где преступники делились на группы по 16–17 человек и жили в специальных домиках с начальником и помощниками [9. Р. 212–214].

Ч. Ломброзо замечал, что даже хорошо выстроенная система предупреждения не сможет остановить всех преступников, потому следует не забывать и об устройстве системы исполнения наказания. Прежде всего, указывалось на важность «внетюремных» приговоров, то есть назначение наказания, не связанного с лишением свободы. В отношении несовершеннолетних необходимо избегать кратких и повторяющихся тюремных заключений, так как они являются школой преступности, позволяя юноше начать восторгаться преступными авторитетами. Кроме того, надлежит заменить телесные наказания (голод, удары кнутом) на конфискацию, значительный штраф (самое страшное наказание для некоторых городских преступников), домашний арест, принудительный труд. Ч. Ломброзо был сторонником тюрем, в которых контакт между заключёнными был бы максимально ограничен. Это не исправляет преступника

само по себе, но препятствует усилению его контактов с преступным миром, формированию тюремных ассоциаций (группировок, сообществ). В то же время признавалась губительность одиночества, которая приводила к росту суицидов среди осуждённых, но значительно снижала уровень тюремных ранений, убийств и дальнейшей рецидивности [9. Р. 217-220].

По мнению Ч. Ломброзо, в тюрьмах надлежит приучать человека к труду. Не стоит заниматься лишь обучением его грамоте, так как в большинстве случаев оно лишь вредит, позволяя правонарушителям легче общаться друг с другом, а также расширяет арсенал средств преступления. Грамматике стоит уделять второстепенное значение, больший упор сделав на обучении практическим навыкам, полезным ремеслам (земледелие, прикладная физика), чередуя их с занятиями, направленными на развитие чувства прекрасного (флористикой, как в Дании). Именно нравственное воспитание надлежит ставить в приоритет, но не посредством сторонних нравочучений и упором на логику, но опорой на страсти, интересы людей, которые всё ещё чувствительны к тщеславию, соблазну освобождения, хотя и могут не воспринимать боль и угрозы. Благо и материальные выгоды должны стать для них основной целью, например, возможность досрочного освобождения, что также может сопровождаться различного рода наградами (дипломами, медалями и пр.), формированием льгот (ношение бороды, другой одежды, украшение камер, приём посетителей). Наличие возможности выйти на свободу легально, в соответствии с понятными правилами, снижает риск побегов. Хотя искренность в действиях заключённых может отсутствовать, важнее, что эта деятельность будет формировать привычку, новый образ мышления, который станет для них второй натурой, потому что надлежит отменить право благодати, когда именно милость других, достигаемая лестью и жалостью, а не собственными заслугами, становится главным способом достижения свободы [9. Р. 220–221].

Крайне важно дать заключённым возможность вновь поверить в себя, чтобы они знали, что могут вернуть уважение мира, стать честными в глазах окружающих. Если доверить им какое-либо дело, то некоторые преступники утрачивают желание сбежать или начинают мешать своим товарищам сделать это. В некоторых случаях преступников вдохновлял пример надзирателей, которые брались за работу вместо отказывающихся заключённых, которые были пристыжены и возвращались к труду. Строгость внутренних наказаний вряд ли можно назвать полезной. Она делает заключённых озлобленными на власть, лицемерными, что можно было бы избежать, назначая более мягкие дисциплинарные наказания. Примером эффективности такого подхода приводилась Дания, где число правонарушений в тюрьмах снизилось с 30 до 6% [9. Р. 222].

При исправлении заключённых важно делать акцент на справедливости, это позволяет улучшать дисциплину и воспитывать преступников, что особенно эффективно при разделении их на маленькие группы, избирающие себе учителей и надзирателей из своих рядов, что пробуждает в них дух товарищества и индивидуализма при

обучении и воспитании. Дисциплинарное наказание не следует налагать немедленно, так как оно будет восприниматься в качестве проявления гнева, прежде необходимо дать преступнику некоторое время на размышление (например, в одной из тюрем нарушителя на час выводили в комнату медиации, и только затем надзиратели приходили и объясняли ему, что он нарушил). Также Ломброзо считает допустимым коллективные, групповые наказания [9. Р. 222–223].

Главной движущей силой должен стать труд. Ему и должно посвящаться основное времяпрепровождение преступника, что позволит снизить расходы государства и приучит заключённого к работе. Но стоит избегать профессий, которые помогут ему совершить преступление (кузнец, медник, каллиграф и т. д.), также избегать следует профессий, связанных с алкоголем; куда предпочтительнее труд на полях, дающий наименьшую смертность, но наибольшие возможности для поиска работы в условиях начинавшейся индустриализации. Также приветствовались пошив одежды, книгопечатание, работы с соломой, глиной, на каменоломнях, а в последнюю очередь – обувное, столярное, плотницкое дело, поскольку это связано с устройствами, на которых осуществляется работа (станки), которые могли вызвать травмы или разбиться на оружие. Работа должна быть по силам и способностям осуждённого, чтобы даже хилый и необразованный мог хотя бы улучшить условия своего заключения [9. Р. 223–224].

Ломброзо указывал, что приучать к труду надо не насильственно, но показывая, что работой и хорошим поведением можно избавиться от тюремной скуки. Сам труд надлежит сделать наградой, чтобы заключённые хотели не сидеть в камерах, но общаться и работать малыми группами, воспитывая в них дух соперничества между отрядами. В этой связи его похвалу получила Ирландская тюремная система. В ней осуждённый изначально находится в тюрьме камерного типа с полной изоляцией от остальных преступников, получая лишь растительную пищу, плохую одежду и скудный заработок, занимаясь монотонной работой по очистке пряхи (срок такого заключения составляет от 8 до 9 месяцев). Следующим является этап коллективной работы, которая длится весь день, работы разделены на четыре категории, из которых одна считается наиболее выгодной и престижной. Действует система поощрений, карты заслуг, посредством которых можно улучшить условия своего заключения и вид работы, что положительно сказывается на поведении осуждённых. По мере роста числа карточек растёт и размер оплаты труда [9. Р. 224].

Затем наступает этап почти полной самостоятельности – «промежуточные тюрьмы», в которых осуждённые носят свою одежду, приобретенную на честно заработанные деньги, имеют отгулы и постоянные контакты с внешним миром, после чего возвращаются на свободу, но с ограничениями (в виде надзора полиции, которая может вернуть осуждённого в тюрьму в случае наличия каких-либо нарушений) до окончания назначенного срока заключения.

В результате преступник может сократить срок своего заключения и заработать некоторый капитал, которого должно хватить на первое время. Устрашение, показательные взыскания в такой системе не нужны, можно обойтись обычными дисциплинарными. Такая система показала свою эффективность. Согласно приведенной им статистике, в 1854 г. в Ирландии в местах лишения свободы находилось 3 933 осуждённых, 710 человек прибавилось по итогам года, а уже в 1870 г. показатели составили 1 236 и 245 человек соответственно [9. Р. 224–225].

Данный метод, по мнению Ломброзо, верен с позиции криминальной психологии, так как связан с постепенным изменением ценностных взглядов преступника, с мечтой об абсолютной свободе, которая становится орудием дисциплины и исправления, что способствует снижению стигматизации преступников со стороны общества и росту их внутренней уверенности [9. Р. 225].

Ломброзо описывает и систему наказаний в Дании. Там заключённые всё время проводят в камере и там же работают для собственной выгоды. Осуждённые на срок более 6 лет помещаются в специальную тюрьму, где единственная награда для них – возможность работать на полях. Те, кто подлежат исправлению в силу молодости, или совершившие незначительное преступление впервые, подлежат тюремному заключению на срок от шести месяцев до шести лет в специальных тюрьмах камерного типа. В рамках этого срока выделяется несколько стадий.

На первой стадии (от 3 до 6 месяцев) осуждённый всё время находится в камере, подчиняется строгому порядку, свободен от работы и может писать только на доске.

На второй стадии (6 месяцев) он получает 2 шиллинга в день за работу, ему дают книги и бумагу, обучают в школе, он может писать письма или устраивать свидания раз в 15 дней, а на половину заработка может покупать какие-то вещи или обильнее питаться в столовой.

На третьей стадии (от 12 месяцев) он получает 3 шиллинга в день, может покупать книги и газеты каждую неделю, расширяется ассортимент вещей, которые он может приобрести, часть денег он может отправлять семье, свидания возможны немного чаще.

На четвертой стадии он получает 4 шиллинга в день, может выходить из камеры, работать на открытом воздухе, владеть цветами и птицами. Приговор может быть сокращен с 8 месяцев до 6, с 2 лет до 1 года и т.д. Таким образом происходит постепенный переход от абсолютного одиночества к почти полной свободе. Не более 10% преступников остаются в камерах более двух лет заключения [9. Р. 225–226].

Кроме того, Ломброзо призывал к максимальной индивидуализации наказания, при которой должны применяться особые методы подавления для каждого преступника. Потому признавался полезным опыт Саксонии, в которой были тюрьмы для стариков, для молодых, для совершивших преступления разной степени тяжести. После отбывания наказания предлагалось оставлять бывших заключенных под надзором муниципалитетов и

моральных органов, а также озвучивалось мнение о возможности создания органов патронажа для таких лиц, хотя не каждый государственный бюджет будет способен выдержать такую нагрузку [9. С. 226].

Вместе с тем Ломброзо признавал, что все предпринятые меры не способны в полной мере предотвратить совершение повторного преступления, что доказывал пример Швейцарии, сократившей этот показатель с 45 до 23% осуждённых. Кроме того, показатели рецидивной преступности в Пруссии, Швеции, Бельгии, Дании, США и Англии значительно отличались, и даже применение одинаковых мер не приводило к одинаковым результатам; например, в Вюртемберге не пользовались тюрьмами камерного типа в отличие от Бельгии, но показатели первого государства по рецидивной преступности составляли 38%, а второго – 78% и т.д. [9. Р. 226–227].

Из указанных данных Ч. Ломброзо делал вывод о существовании «вечных рецидивистов». Указанная проблема не может быть решена обычным судом, требуется собрание специальных комиссий с участием психиатров, судей и криминологов, решающих вопросы судьбы таких преступников. Для таких закоренелых преступников предлагалось перемещение на отдельные острова или в сельскую местность, где их режим должен быть менее суров, чем в обычных тюрьмах. Из них можно формировать отряды, предназначенные для дорожных работ, мелиорации. Они могут получать письма от родственников, иметь небольшое свободное время, но освобождены могут быть только при наличии чрезвычайных доказательств раскаяния. Тюрьмы камерного типа предлагалось назначать лишь лицам, которые совершают преступления в местах лишения свободы. Подобное ограничение использования обычных тюрем позволит освободить в них места для исправимых заключенных, уменьшив риск влияния на них со стороны закоренелых преступников. Именно эти меры должны стать альтернативой смертной казни, которую Ломброзо признавал неприменимой из-за неприятия этого вида наказания обществу, хотя и признавал это не слишком рациональным [9. Р. 227–229].

В последующих работах Ч. Ломброзо практически не изменил своего мнения. Более того, некоторые из его тезисов (о принудительном труде, штрафах вместо телесных наказаний, о новой воспитательной ценности (честный труд), условно-досрочном освобождении и пр.) остались неизменными, с дополнением их положениями об учёте типа преступника, о новом виде наказания (компенсации за причинённый ущерб), условном осуждении (когда несовершеннолетний преступник помещается под надзор полиции вместо тюремного заключения). Кроме того, им приводились новые примеры исправительных учреждений, способствующих приучением к труду и индивидуальным подходом снижению уровня рецидива. Значительно изменились его взгляды относительно смертной казни. Ломброзо стал её убежденным сторонником, хотя и полагал, что назначать её нужно лишь отъявленным рецидивистам за повторные насильственные преступления, а не на основе внешних признаков [10. V. 3. Р. 528–590].

Таким образом, хоть за Ч. Ломброзо в отечественной литературе прочно укоренилась роль основоположника криминальной антропологии, его взгляды на наказание и пенитенциарную систему в значительной степени были основаны на идее о социально-психологической детерминации преступности. Биологические черты, биологические причины играют второстепенную роль, что подтверждается как доводами о восприятии тюремной культуры, так и выводами о возможности исправления осужденных посредством по-

лучения специфических навыков и выработки привычки к законопослушному поведению. Соответственно, необходимо развивать не только уголовно-исполнительную систему, но и социальные учреждения, которые являются важнейшим средством предупреждения преступлений, особенно среди несовершеннолетних. Ч. Ломброзо, в отличие от Ч. Беккариа и П. Фейербаха (классическая школа), был сторонником некарательных мер (условному осуждению, мерам воспитательного характера и пр.).

Список источников

1. Ельчанинова О.Ю. История пенитенциарной мысли : учеб. пособие / под общ. ред. О.Ю. Ельчаниновой. Самара : Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. 325 с.
2. Антонян Е.А. Уголовно-исполнительное право : учебник для аспирантуры / под общ. ред. Е. А. Антонян. М. : Норма : ИНФРА-М, 2020. 336 с.
3. Полищук Н. И., Иванова Н. А. Гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных женщин. Рязань : Академия ФСИН России, 2012. 210 с.
4. Кузьмина Н.В. Криминология : учеб. пособие для бакалавриата. М. : Директ-Медиа, 2020. 341 с.
5. Капинус О.С. Криминология : учебник для вузов / под общ. ред. О.С. Капинус. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2024. 1132 с.
6. Козаченко И.Я., Корсаков К.В. Криминология : учебник и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2023. 277 с.
7. Авдийский В.И. [и др.] Криминология : учебник для вузов / под ред. В.И. Авдийского, Л.А. Букаловой. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. 301 с.
8. Старков О.В. Криминология. Теория и практика : учеб. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2021. 641 с.
9. Lombroso C. L'uomo delinquente : studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie. Milano : Hoepli, 1876. 256 p.
10. Lombroso C. L'uomo delinquente : studiato in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza eo alla psichiatria. Torino : Fratelli Bocca editori, 1897. 677 p.

References

1. El'chaninova, O.Yu. (2018) *Istoriya penitentsiarnoy mysli: ucheb. posobie* [History of penitentiary thought: textbook]. Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
2. Antonyan, E.A. (2020) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo: uchebnik dlya aspirantury* [Penal law: textbook for postgraduate studies]. Moscow: Norma: INFRA-M.
3. Polishchuk, N.I. & Ivanova, N.A. (2012) *Gumanizatsiya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody v otnoshenii osuzhdennykh zhenshchin* [Humanization of the execution of punishment in the form of imprisonment in relation to convicted women]. Ryzan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia.
4. Kuz'mina, N.V. (2020) *Kriminologiya: ucheb. posobie dlya bakalavriata* [Criminology. Theory and practice: textbook for bachelor's students]. Moscow: Direkt-Media.
5. Kapinus, O.S. (2024) *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov* [Criminology. Theory and practice: textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
6. Kozachenko, I.Ya. & Korsakov, K.V. (2023) *Kriminologiya: uchebnik i praktikum dlya vuzov* [Criminology. Theory and practice: textbook and workbook for universities]. Moscow: Yurayt.
7. Avdiyskiy, V.I. et al. (2023) *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov* [Criminology. Theory and practice: textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
8. Starkov, O.V. (2021) *Kriminologiya. Teoriya i praktika: ucheb. dlya vuzov* [Criminology. Theory and practice: textbook for universities]. 2nd ed. Moscow: Yurayt.
9. Lombroso, C. (1876) *L'uomo delinquente: studiato in rapporto alla antropologia, alla medicina legale ed alle discipline carcerarie*. Milano: Hoepli.
10. Lombroso, C. (1897) *L'uomo delinquente: studiato in rapporto all'antropologia, alla giurisprudenza eo alla psichiatria*. Torino: Fratelli Bocca editori.

Информация об авторе:

Корнаков И.И. – аспирант кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: kornakosivan@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.I. Kornakov, postgraduate student, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: kornakosivan@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

УГОЛОВНОЕ ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Научная статья
УДК 343.54

doi: 10.17223/23088451/23/18

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ЗАЩИТЫ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Светлана Викторовна Корнакова¹

¹ Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, crim.just@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрено законодательство ряда зарубежных стран, касающееся защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних. Целью исследования явилось определение особенностей уголовной политики зарубежных стран в данной сфере. Компаративистский анализ нормативной регламентации защитных и превентивных мер, отраженных в соответствующих правовых актах ряда стран, показал, что в европейских странах уголовная политика в этом отношении характеризуется тем, что наказание за сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних имеет более мягкий характер, но вместе с тем более развита система мер их предупреждения. В уголовной политике восточных стран, напротив, отмечен низкий уровень правовой защиты несовершеннолетних при гораздо более строгих санкциях за совершение насильственных сексуальных преступлений в отношении данной категории граждан. Сделан вывод, что с превентивной точки зрения опыт некоторых европейских стран является более прогрессивным.

Ключевые слова: уголовное законодательство зарубежных стран; несовершеннолетние; половая неприкосновенность несовершеннолетних; преступления сексуальной направленности; профилактика половых преступлений

Для цитирования: Корнакова С.В. Зарубежный опыт защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 108–115. doi: 10.17223/23088451/23/18

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/18

FOREIGN EXPERIENCE IN PROTECTING MINORS' SEXUAL INVIOABILITY

Svetlana V. Kornakova¹

¹ Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation, crim.just@mail.ru

Abstract. The article examines the legislation of a number of foreign countries concerning the protection of sexual inviolability of minors. The aim of the study was to determine the features of the criminal policy of foreign countries in this area. A comparative analysis of the normative regulation of protective and preventive measures reflected in the relevant legal acts of a number of foreign countries showed that, in European countries, the criminal policy in this regard has a more lenient punishment for sexual assault against minors, but, at the same time, the system of measures to prevent it is more developed. In the criminal policy of eastern countries, on the contrary, a low level of legal protection of minors is noted with much stricter sanctions for committing violent sexual crimes against minors. It is concluded that, from a preventive point of view, the experience of some European countries is more progressive. One of the most effective measures to prevent sexual crimes against minors is the creation of an open registry of persons convicted of committing such crimes. This registry is usually publicly available on the website of the Ministry of Justice, with the convicted person's data, photograph, and place of residence so that anyone who wishes can check their neighbor or their child's new acquaintance there. In the USA, restrictions have been introduced on the choice of place of residence for persons who are on this registry (they cannot live near schools, kindergartens, or other children's educational or leisure organizations). This measure has also been repeatedly criticized, since this registry labels the convicted person as a pedophile for life, which deprives them of the opportunity for resocialization. This definitely is a disadvantage of this measure, but it seems that the safety of children is more important than the opportunities for the realization of a person who has previously deprived their victims of this opportunity through their illegal actions. As for Russia, it seems that the presence of such a registry could affect the effectiveness of preventing recurrent sexual crimes against minors at the early stages of their commission. At the same time, it seems that this registry should still have limited access, for example, for law enforcement officers, employees of educational institutions, kindergartens, employment centers, etc.

Keywords: criminal legislation of foreign countries, minors, sexual inviolability of minors, sexual crimes, prevention of sexual crimes

For citation: Kornakova, S.V. (2024) Foreign experience in protecting minors' sexual inviolability. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 108–115. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/18

Оценка эффективности действующего в России законодательства в области защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних затруднительна без его сравнительного анализа с законодательством других стран. Проблема распространения и высокого уровня половой преступности, по оценкам ученых, является сложной для выявления и высоко латентной [1. С. 264]. В некоторых государствах данный вопрос является одним из центральных во внутренней политике.

Законодательство многих стран базируется на нормах международного права, в которых уделяется большое внимание обеспечению прав и свобод ребенка и подростка, его нормальному развитию и защите от противоправных посягательств. Одним из таких документов является Декларация прав ребенка, где уже в Преамбуле отражена необходимость применения специальных мер защиты несовершеннолетних, поскольку «ребенок, ввиду его физической и умственной незрелости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения» [2. С. 385].

Положения Декларации развивает Конвенция о правах ребенка, в ст. 34 которой установлена обязанность для всех государств-участников «защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения» [3. С. 201]. На этих и других международных нормах строится законодательство различных государств, однако каждое из них все же имеет свои особенности, например, в определении объективной стороны половых преступлений.

В частности, Германия уделяет особое внимание защите несовершеннолетних от половых посягательств. Это отражено и в структуре Уголовного Кодекса ФРГ. Особенная Часть данного закона состоит из разделов и параграфов, что соотносится с главами и разделами Уголовного кодекса РФ. Раздел 13 УК ФРГ объединяет в себе все составы преступлений, которые направлены против полового самоопределения. В данном разделе посягательства, совершенные в отношении несовершеннолетних, содержатся в отдельных параграфах [4. С. 207]. Это отличает УК ФРГ от структуры отечественного УК, где несовершеннолетний возраст выступает квалифицирующим признаком половых преступлений, поэтому посягательства в отношении несовершеннолетних в уголовном законодательстве РФ представляют собой квалифицированные составы половых преступлений и содержатся в частях самих статей.

Можно выделить в УК ФРГ [5] шесть параграфов (174, 176, 176а, 176b, 180, 182), нормы которых непосредственно защищают детей от сексуального насилия и направлены на защиту физического, психологического и психического здоровья несовершеннолетних.

Следующей отличительной особенностью уголовного законодательства Германии является отсутствие законодательно установленного возраста сексуального согласия, но, исходя из толкования содержания параграфа 176, минимальный возраст согласия составляет 14 лет. Таким образом, любые сексуальные действия в отношении лиц, младше 14 лет, в Германии считаются уголовно наказуемыми вне зависимости от согласия

несовершеннолетнего. В остальных случаях Уголовный кодекс ФРГ устанавливает запрет определенных действий, входящих в объективную сторону половых преступлений, в зависимости от возраста. Так, если сексуальные действия были совершены в отношении лица в возрасте от 14 до 18 лет, то они будут уголовно наказуемыми в том случае, если несовершеннолетний находился в зависимом состоянии от виновного (§ 174). Пособничество в сексуальных действиях в отношении несовершеннолетнего влечет уголовно-правовые последствия, если они совершены в отношении лица, не достигшего 16 лет (§ 180).

В уголовном законе ФРГ также нет указаний на то, какие именно деяния образуют составы половых преступлений и их дефиниций. В диспозициях вышеуказанных норм они названы как сексуальные действия или сексуальные злоупотребления. В число таких действий могут входить изнасилование в естественной и неестественной форме, совершение иных развратных действий, склонение ребенка к их совершению, совершение указанных действий в присутствии ребенка, посредничество или пособничество в реализации вышеуказанных действий, демонстрация ребенку порнографических материалов. При этом еще одной особенностью является то, что в Германии, как в большинстве стран Европы, нет различий между однополыми и разнополыми сексуальными контактами. Но гендерное различие имеет уголовно-правовое значение только в тех случаях, когда виновный использует отсутствие сексуальной самоидентификации у несовершеннолетнего для совершения преступления и удовлетворения своих потребностей (§ 182). То есть если несовершеннолетний в возрасте 15 лет не определился со своей сексуальной ориентацией, а субъект преступления склоняет его к принятию одной из них, тем самым, помимо физического воздействия, последний оказывает еще и психологическое, меняя ценностные установки личности несовершеннолетнего.

Отдельные параграфы кодекса содержат вышеуказанные составы преступлений, но совершенные при определенных обстоятельствах или определенным субъектом. Например, параграф 174 «Сексуальные злоупотребления в отношении вверенных лиц» предусматривает уголовную ответственность для лиц, которые занимаются воспитанием, обучением, попечением несовершеннолетних, состоят в рабочих отношениях с несовершеннолетним или являются его родителем или родственником. Параграф 176а указывает на совершение сексуальных действий при отягчающих обстоятельствах: сожительство с несовершеннолетним лица старше 18 лет; совершение преступления группой лиц; создание опасности нанесения тяжкого вреда здоровью или нанесения значительного вреда физическому или духовному развитию ребенка; совершение преступления лицом, в последние 5 лет уже сужденным за подобные посягательства. Параграф 176b предусматривает уголовную ответственность за совершение действий, повлекших за собой смерть ребенка [5].

Что касается наказания, то оно имеет более мягкий характер, чем предусмотрено санкциями соответствующих

статей российского уголовного закона. За совершение простых сексуальных действий в отношении несовершеннолетнего к лицу может быть применено наказание в виде лишения свободы до 5 лет или штраф; за те же деяния, совершенные с отягчающими обстоятельствами, – до 10 лет; за деяния, предусмотренные параграфом 176b, – на срок не менее 10 лет или пожизненное лишение свободы. Назначение более мягких видов наказания отнюдь не является свидетельством лояльности правительства Германии к совершающим сексуальные действия в отношении детей лицам, поскольку до 1998 г. данные преступления не являлись уголовно наказуемыми и входили в категорию правонарушений [6. С. 36].

Законодатель Германии, как законодатели большинства европейских стран, придерживается того мнения, что ужесточение ответственности не может снизить уровень преступности, с чем трудно не согласиться. Поэтому в ФРГ более развита система мер предупреждения сексуального насилия и сексуальной эксплуатации в отношении несовершеннолетних. Два данных явления считаются в Германии глобальными проблемами. Для их решения с 2010 г. ведет свою работу Круглый стол «Сексуальное насилие над детьми, находящимися в отношениях зависимости и подчинения в частных и общественных организациях и в семейном окружении» [7]. В результате работы Круглого стола в Германии появились организации под названием «Нет места сексуальному насилию над детьми», которые занимаются патронажем и помощью несовершеннолетним, пострадавшим от сексуального насилия. Помимо Круглого стола, в Германии введен институт Независимого Уполномоченного по вопросам сексуального насилия над детьми, которым проводится мониторинг ситуации и случаев совершения половых преступлений в отношении несовершеннолетних, а также выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, составляются рекомендации по борьбе с ними. На сайте Уполномоченного представлена информация о порядке действий для предотвращения насилия в случае его совершения и после. Также указаны сведения об организациях, которые занимаются оказанием помощи жертвам сексуального насилия, телефоны горячей линии и ссылка на Портал помощи пострадавшим.

Независимый Уполномоченный совместно с сотрудниками Круглого стола периодически составляет план мероприятий, которые должны быть реализованы с целью предотвращения подобных преступлений, а также определяет средства и методы, которые будут применяться при их реализации. Обычно такой план составляется на 5 лет, но в течение этого срока он нуждается в постоянном совершенствовании, поскольку появляются новые виды сексуальных преступлений и меняются способы их совершения [6. С. 36–37].

Таким образом, в Германии существует специализированный орган, который занимается непосредственно проблемами, возникающими при совершении половых преступлений. Такая централизация полномочий позволяет другим органам, которые занимаются предупреждением преступности и устранением ее последствий, действовать сплоченно, целенаправленно и эффективно.

Данный опыт может оказаться положительным при использовании его в России, поскольку на современном этапе в нашей стране работа по борьбе с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних представляется недостаточно систематизированной. Для приведения в систему всех применяемых в настоящее время мер необходимо, на наш взгляд, внедрение одного органа, который смог бы объединить усилия всех иных органов, подразделений и организаций и направить их в нужное русло.

Уголовное законодательство Франции построено таким образом, что в нем выделяются и общие нормы, которые направлены на защиту половой неприкосновенности личности, и специальные, которые охраняют физическую и психическую неприкосновенность несовершеннолетних. Общие нормы закреплены в главе II «О посягательствах на физическую и психическую неприкосновенность личности» [8]. Структура каждой главы представлена отделами, которые состоят из параграфов. В указанной главе содержится отдел III «Сексуальные агрессии», состоящий из трех параграфов: «Изнасилование», «Прочие сексуальные агрессии» и «Сексуальное преследование». Интерес представляют первые два параграфа. Так, ст. 222-23 первого параграфа содержит дефиницию понятия «изнасилование»: «Любой акт сексуального проникновения какого-либо рода, совершенный в отношении другого лица путем насилия, принуждения, угрозы или обмана, является изнасилованием». По способам совершения данного преступления данное определение имеет схожесть с пониманием изнасилования в отечественном уголовном законодательстве. Но при этом если в России под изнасилованием понимается только половой контакт между мужчиной и женщиной, где только женщина может выступать в роли потерпевшей, то во Франции в данное понятие входит любой насильственный половой контакт, совершенный между любыми лицами.

Статья 222-24 предусматривает квалифицированные составы изнасилования, где в п. 3 в качестве отягчающего обстоятельства указано совершение деяния в отношении лица, особая уязвимость которого в силу его возраста, болезни, увечья, физического или психического недостатка очевидна или известна.

Совершение данного преступления карается наказанием исключительно в виде уголовного заключения на срок строго 20 лет. В данном пункте несовершеннолетние не выделяются в особую категорию потерпевших, но, судя по формулировке статьи, являются ими.

В параграфе «Прочие сексуальные агрессии», напротив, совершение преступления в отношении несовершеннолетних выделяется в качестве отдельного отягчающего обстоятельства. В соответствии со ст. 222-27 под прочими сексуальными агрессиями понимаются иные действия сексуального характера, которые не охватываются понятием «изнасилование». Статья 222-29 содержит особо квалифицированные составы данного преступления, к которым и относится совершение данных действий в отношении несовершеннолетних, что карается 7 годами тюремного заключения и штрафом в размере 700 000 франков.

Стоит отметить, что по французской правовой системе тюремное заключение предполагает более мягкий вид наказания, чем уголовное заключение. Тюремное заключение имеет целью исправление осужденного и назначается за совершение проступков. Уголовное заключение – это прежде всего строгая изоляция осужденного, которая имеет своей целью кару и исключение из социума его членов, представляющих общественную опасность для окружающих [8].

Специальные нормы, которые обеспечивают защиту прав и законных интересов несовершеннолетних, предусмотрены главой VII «О посягательствах на несовершеннолетних и на семью». Выделение отдельной главы, посвященной особой категории потерпевших, свидетельствует об озабоченности законодателя Франции обеспечением нормального физического и нравственного развития детей и подростков. Преступления, указанные в данной главе, определяются как сексуальные посягательства, поскольку они совершаются с добровольного согласия несовершеннолетних и посягают на развитие ценностно-ориентированной системы подростков. Во Франции половая свобода наступает по достижении 15-летнего возраста [9. С. 5], т.е. все сексуальные деяния, совершенные в отношении лица до этого возраста, даже при его согласии, являются незаконными. После 15 лет лица имеют право добровольно вступать в половые контакты.

Статья 227-25 УК Франции предусматривает уголовную ответственность за совершение сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетнего лица, не достигшего 15 лет, что наказывается 5 годами тюремного заключения и штрафом в размере 500 000 франков. В случае совершения данного деяния при отягчающих обстоятельствах, которые указаны в ст. 227-26, к лицу применяется наказание в виде 10 лет тюремного заключения и штрафа в размере 1 000 000 франков. Отягчающими обстоятельствами являются: совершение преступления законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии или любым другим лицом, имеющим власть над потерпевшим; лицом, злоупотребляющим властью в связи с предоставленными ему полномочиями; группой лиц; с выплатой вознаграждения несовершеннолетнему; с использованием сети «Интернет» и иных телекоммуникационных технологий.

Статья 227-27 предполагает совершение аналогичных деяний, но в отношении несовершеннолетнего старше 15 лет, но реализованных при следующих условиях: посягательства осуществлены законным, естественным или приемным родственником по восходящей линии или любым другим лицом, имеющим власть над потерпевшим; лицом, злоупотребляющим властью в связи с предоставленными ему полномочиями. Без данных условий состав преступления по данной статье не образуется. Совершение подобных действий наказывается 2 годами тюремного заключения и штрафом 200 000 франков.

Также в рамках данной главы содержится норма, указанная в ст. 227-22, которая предусматривает наступление уголовной ответственности за совершение содей-

ствия или попытки содействовать развращению несовершеннолетнего, что карается 5 годами тюремного заключения и штрафом в 500 000 франков. Данная норма не имеет конкретизации, поэтому в объективную сторону состава входит огромное количество действий, например, демонстрирование порнографических материалов, эксгибиционизм, ведение разговоров и переписок с побуждением к сексуальным действиям и т.д. В статье также представлены отягчающие обстоятельства, при наличии которых лицо наказывается тюремным заключением до 7 лет и штрафом в размере 700 000 франков: совершение преступления в отношении несовершеннолетнего младше 15 лет, в пределах воспитательного или образовательного учреждения, с использованием сети «Интернет» и иных телекоммуникационных технологий при распространении сообщений, адресованных неопределенному кругу лиц [8].

В какой-то степени законодательство Франции является более мягким, чем в России, но при этом стоит отметить, что законодатель этой страны, прежде всего, уделяет особое внимание не физическому насилию в отношении несовершеннолетних, а нарушениям в их системе ценностей и нравственном развитии, поскольку преждевременное вовлечение в половую и сексуальную жизнь может повлечь за собой необратимые неблагоприятные последствия для несовершеннолетних и лиц, их окружающих, которые являются непредсказуемыми. Поэтому за совершение половых преступлений лицами, которые по своей социальной роли должны оказывать положительное влияние на подростков, наказание резко усиливается в несколько раз. Особую роль законодательство Франции также отводит не ужесточению наказания, а предупреждению совершения подобных преступлений на ранних этапах.

В частности, во Франции постоянно проводится мониторинг ситуации, связанной с сексуальным насилием несовершеннолетних или их развращением. В целях предотвращения совершения преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних с 1989 г. во Франции работает Служба социальной помощи детям [10]. В полномочия данной службы входит: оказание материальной, воспитательной и психологической помощи несовершеннолетним и их семьям; проведение профилактических мероприятий и сбор информации о детях, подвергающихся жестокому обращению; обход и осмотр районов и мест, где наблюдаются признаки социального неблагополучия; осуществление контроля за лицами, которые склонны к совершению подобных преступлений или находятся в группе высокого риска; помощь детям, оставшимся без попечения родителей [11. С. 891]. В рамках работы данной службы создана бесплатная анонимная горячая линия, по которой граждане могут сообщить о фактах плохого обращения с детьми или сексуального насилия. Сведения, сообщенные в каждом звонке, немедленно проверяются и в случае их подтверждения передаются в подразделения, специализирующиеся на этом.

Применение данной меры предупреждения также имеет место в России.

Например, органами следственного управления СК РФ создана горячая линия «Ребенок в опасности!» [12], в которую можно бесплатно обратиться по номеру 123 из любой точки страны и которая выполняет аналогичные функции. Однако во Франции о существовании подобной службы и горячей линии знают все взрослые и дети, поскольку информация об этом постоянно сообщается путем раздачи памяток, бесед в учебных заведениях, в СМИ, в сети «Интернет» и т.д. Хотелось бы, чтобы и в России такая пропагандистская работа имела более распространенный характер.

Рассматривая уголовную политику стран Европы по отношению к лицам, посягающим на половую неприкосновенность несовершеннолетних, и меры по пресечению подобных видов преступлений, стоит отметить, что уголовное законодательство практически всех европейских стран в данной области схоже между собой. Вместе с тем хотелось бы проанализировать еще одну специфическую меру, которая выступает и как мера предупреждения, и как мера наказания. Ее применяют уже более 10 стран, в том числе, Германия, Польша, Эстония, Израиль, Великобритания, Бельгия, Дания, Франция, некоторые штаты США и др. Речь идет о химической кастрации [13], по поводу внедрения в правоприменительную практику которой в России на протяжении уже более десятка лет идут дискуссии. Она представляет собой введение медицинских препаратов, которые снижают сексуальную способность и уровень либидо в организме. В некоторых странах, таких как Польша, Молдова, Индонезия, она проводится в принудительном порядке в качестве наказания за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних или малолетних. В других странах, например во Франции, Испании, она является добровольной и проводится с согласия осужденного взамен на сокращение срока тюремного заключения. В Германии она проводится в обязательном порядке в отношении лиц, которым по результатам медико-психологического исследования поставлен диагноз педофилия. В остальных случаях она является добровольной.

В США некоторые штаты применяют данную меру к лицам, отбывающим наказание, которые, согласившись на процедуру кастрации, могут рассчитывать на сокращенное наказание [14. С. 291].

Указанная мера вызывает много вопросов. Например, высказываются суждения о том, что данный способ является негуманным, поскольку лицо лишается своих естественных прав. Также существует мнение о том, что применение кастрации в качестве предупредительной меры бесполезно, поскольку действие медицинских препаратов индивидуально, со временем ослабевает; человек, если не будет повторять процедуру, может вернуть утраченную функцию организма [15. С. 41]. Следует учитывать также, что педофилия является психическим расстройством, поэтому подавление физического желания не повлияет на психическое желание. Необходимо в данном случае изучать процессы мозговой деятельности и оказывать влияние на них. Если педофил не сможет удовлетворить свои потребности обычным путем, то он может найти другой способ удовлетворения, например, убийство или пытки.

На наш взгляд, данная мера не сможет оказать должного предупредительного воздействия, которого от нее ожидают, а также не сможет повлиять на уровень преступности. Думается, что для включения в правовую систему РФ химической кастрации в качестве принудительной меры медицинского характера, как предлагается некоторыми авторами [14], в настоящее время нет ни достаточного научного обоснования, ни законодательной, ни организационной, ни финансовой базы.

По нашему мнению, более эффективным будет применение другой меры, которая имеет место в США, Польше и других странах совместно с проведением химической кастрации. Это создание открытого реестра лиц, осужденных за совершение преступлений на сексуальной почве в отношении малолетних [16]. Данный реестр (в частности, в Польше) находится на сайте Министерства юстиции в открытом доступе и содержит данные осужденного, его фотографию, место жительства. Каждый, кто желает, может проверить по этому списку своего соседа или нового знакомого своего ребенка. В США в отношении лиц, которые находятся в этом реестре, введены ограничения по выбору места жительства (они не могут жить поблизости от школ, детских садов, иных образовательных и досуговых детских организаций). Такая мера также неоднократно подвергалась критике, поскольку данный реестр вешает на осужденного до конца жизни ярлык педофила, что лишает его возможности ресоциализации [17]. Безусловно, это является минусом данной меры, но, как представляется, безопасность детей важнее, чем возможности реализации лица, который ранее своими противоправными действиями лишил этой возможности своих жертв.

Что касается России, думается, что наличие такого реестра могло бы повлиять на эффективность предупреждения рецидивных половых преступлений против несовершеннолетних на ранних этапах их совершения. Вместе с тем, думается, что все-таки этот реестр должен быть ограниченного доступа, например, для сотрудников правоохранительных органов, работников образовательных учреждений, детских садов, центров занятости и т.п.

Что касается уголовно-правовой политики некоторых восточных государств в рассматриваемом вопросе, то она характеризуется достаточно жесткими методами борьбы с насилием, в том числе сексуальным. Уголовное законодательство Китайской Народной Республики [18], как и российское, состоит из двух частей: Общей и Особенной. Особенная часть разделена на главы в зависимости от объекта преступного посягательства, некоторые из которых поделены на параграфы по более узким группам объектов. В УК Китая нет отдельной главы или параграфа, который был бы посвящен преступлениям против половой неприкосновенности, в том числе и несовершеннолетних. Все статьи, которые предусматривают совершение подобных преступлений, находятся в разных главах и параграфах. Такой признак, как совершение сексуальных посягательств в отношении несовершеннолетних, содержится в диспозициях статей в качествеотягчающего обстоятельства. В главе 4 «Преступления против личности и демократических прав

граждан» закреплена ст. 236 «Изнасилование, совершенное с применением к женщине угроз и насилия». Часть вторая данной нормы устанавливает, что любые развратные действия, совершенные по отношению к девушке младше 14 лет, приравниваются к изнасилованию и наказываются максимально строгим наказанием – смертной казнью.

Такое построение норм во многом отличается от российского. Во-первых, уголовным законом Китая в отдельности охраняется только половая неприкосновенность несовершеннолетних женского пола младше 14 лет, в отношении которых запрещены любые действия сексуального характера. При этом в отношении всех лиц, старше 14 лет, и всех лиц мужского пола нет никаких защитных мер. Если было совершено изнасилование 15-летней девушки, то такие деяния будут квалифицироваться по части 1 настоящей статьи и наказываться лишением свободы на срок от 3 до 10 лет. А если были совершены иные действия, не включающие в себя половой контакт, то они не будут расцениваться как уголовно наказуемое деяние.

Глава 6 «Преступления против общественного порядка и порядка управления» содержит в себе две нормы, которые защищают несовершеннолетних от противоправных посягательств на сексуальной почве. При этом эти две статьи находятся в разных параграфах. Так, в параграфе 1 «Преступления против общественного порядка» закреплена ст. 301 «Проведение массовых непристойных оргий», часть вторая которых предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет за вовлечение несовершеннолетних в участие в них.

Данная норма направлена на обеспечение нормального нравственного развития несовершеннолетних, причем именно несовершеннолетних, а не лиц младше 14 лет. Статья 358 параграфа 8 «Организация, принуждение, вовлечение, размещение, сводничество в занятии проституцией» устанавливает уголовную ответственность за организацию третьих лиц для занятия проституцией или принуждение третьих лиц к занятию проституцией. Отягчающим обстоятельством в данной норме является совершение принуждения не достигших 14 лет девушек к занятию проституцией, что карается бессрочным лишением свободы или смертной казнью, а также конфискацией имущества [18].

Китайское уголовное законодательство не предусматривает никаких норм, защищающих несовершеннолетних лиц мужского пола от противоправных сексуальных посягательств как насильственных, так и ненасильственных. Также нет санкций за насильственные однополые сексуальные контакты. Кроме того, в законе нет

дефиниций, раскрывающих объективную сторону вышеперечисленных составов.

Анализ уголовного законодательства КНР показал, что оно не имеет должной уголовно-правовой защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних, несмотря на то, что два из трех вышеперечисленных деяний караются смертной казнью. История уже не раз показывала, что скудный набор мер и суровое наказание не дают желаемого результата в борьбе с любым видом преступности. Это в очередной раз доказывает и политика Китая. Так, например, за 2021 г. в КНР было осуждено 60 553 человека за преступления, совершенные в отношении несовершеннолетних, 67% из которых совершили посягательства против половой неприкосновенности несовершеннолетних [19].

Таким образом, рассмотрение зарубежного законодательства с позиции защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних показало, что европейские страны в большей степени озабочены обеспечением безопасности несовершеннолетних от сексуальных посягательств. При этом в каждой стране по-разному определяется возраст защиты половой неприкосновенности несовершеннолетних, а также отягчающие обстоятельства сексуальных посягательств. Так, например, возраст согласия в Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Дании, Италии, Португалии, Китае – 14 лет, в Греции, Испании, Польше, Франции, Швеции – 15 лет, в России, Великобритании, – 16 лет, в Ирландии – 17 лет, в Японии лишь в 2023 г. возраст сексуального согласия был повышен с 13 до 16 лет.

В качестве отягчающих обстоятельств особо учитывается совершение сексуальных посягательств лицами, которые в силу своих обязанностей должны оказывать воспитательное, обучающее воздействие на несовершеннолетних, в результате чего легче могут войти в доверие к подросткам. Во многих странах подобные деяния носят особо тяжкий характер и караются наиболее суровым видом наказания.

В заключение подчеркнем, что одной из задач России сегодня является имплементация позитивной работающей в глобальном измерении модели противодействия негативным явлениям [20. С. 703]. И в этом отношении проведенный компаративистский анализ зарубежного опыта противодействия сексуальному насилию в отношении несовершеннолетних показал, в частности, что практикуемая в некоторых европейских странах система мер его предупреждения является прогрессивной. Безусловно, российская уголовная политика всегда отличалась повышенной заботой о правовой охране половой неприкосновенности несовершеннолетних.

Список источников

1. Варданян А.В., Фойгель Е.И. Некоторые аспекты криминалистического изучения личности несовершеннолетнего потерпевшего по делам о преступлениях против половой свободы и неприкосновенности // Всероссийский криминологический журнал. 2023. Т. 17, № 3. С. 263–272.
2. Декларация прав ребенка: принята 20 ноября 1959 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН // Международная защита прав и свобод человека: сборник документов. М., 1990. 420 с.
3. Конвенция о правах ребенка: принята в Нью-Йорке 20 ноября 1989 г.: вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI. 229 с.
4. Головненков П.В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: Strafgesetzbuch (StGB): науч.-практич. комментарий и перевод текста закона. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016. 311 с.

5. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. URL: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiye_Kodeks.pdf (дата обращения: 27.12.2023).
6. Бельнюк И.А. Защита детей и молодежи от сексуального насилия и эксплуатации (на основе юридических документов федерального правительства Германии) // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2 (3). С. 35–39.
7. Сексуальное насилие над детьми: материалы Круглого стола. URL: http://www.bmjbv.de/DE/Themen/Gesellschaft/RunderTischSexuellerKindesmissbrauch/runderTisch_node.html (дата обращения: 27.01.2024).
8. Уголовный кодекс Франции: Закон от 22 июля 1992 г. URL: https://jurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (дата обращения: 20.01.2024).
9. Живодрова Н.А., Меркульева М.В. Сравнительно-правовая характеристика уголовной ответственности за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетних в зарубежных странах и в Российской Федерации // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2017. № 4 (20). С. 2–7.
10. Зарубежная практика защиты прав ребенка. Справка // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20100317/214971297.html> (дата обращения: 27.01.2024).
11. Меньшик А.А. Защита половой неприкосновенности несовершеннолетних в уголовном законодательстве Франции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 5. С. 887–893.
12. Телефонная линия «Ребенок в опасности». URL: <https://sverdlovsk.sledcom.ru/Telefonnaya-liniya-Rebjonok-v-opasnosti-> (дата обращения: 27.01.2024).
13. Химическая кастрация: в каких странах она применяется и каковы результаты? URL: <https://www.infobae.com/ru/2022/04/19/chemical-castration-which-countries-have-applied-it-and-what-have-been-the-results/> (дата обращения: 27.01.2024).
14. Калашикова А.Ю. Эффективность применения метода химической кастрации для предотвращения совершения сексуального насилия в отношении несовершеннолетних: зарубежный опыт // Право и государство: теория и практика. 2022. № 12 (216). С. 290–293.
15. Саркисян А.А. Особенности профилактики общественно опасного поведения педофилов // Национальная безопасность / Nota bene. 2018. № 6 (59). С. 39–51.
16. Как в Польше реагируют на публичный реестр педофилов. URL: <https://www.dw.com/rua-42050503> (дата обращения: 27.01.2024).
17. Авдалян А.Я. Противодействие сексуальным преступлениям, совершаемым в Соединенных штатах Америки // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 5. С. 85–90.
18. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики: Закон от 14 марта 1997 г. URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 27.01.2024).
19. СИНЬХУА Новости. RUSSIAN.NEWS.CN. URL: <https://russian.news.cn/20220601/d4c1f281602b475e9984b16917ea3948/c.html> (дата обращения: 27.01.2024).
20. Мешко Г., Воронин В.Н. Теоретические основы сравнительной криминологии в мировом измерении // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 5. С. 695–706.

References

1. Vardanyan, A.V. & Foygel', E.I. (2023) Nekotorye aspekty kriminalisticheskogo izucheniya lichnosti nesovershennoletnego potepvshogo po delam o prestupleniyakh protiv polovoy svobody i neprikosnovennosti [Some aspects of the forensic study of the personality of a minor victim in cases of crimes against sexual freedom and inviolability]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 17 (3). pp. 263–272.
2. UN. (1990) Deklaratsiya prav rebenka: prinyata 20 noyabrya 1959 g. rezolyutsiey General'noy Assamblei OON [Declaration of the Rights of the Child: adopted on November 20, 1959, by a resolution of the UN General Assembly]. In: Melkov, G.M. *Mezhdunarodnaya zashchita prav i svobod cheloveka: sbornik dokumentov* [International protection of human rights and freedoms: collection of documents]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
3. Ministry of Foreign Affairs of the USSR. (1993) Konventsiya o pravakh rebenka: prinyata v N'yu-Yorke 20 noyabrya 1989 g.: vstupila v silu dlya SSSR 15 sentyabrya 1990 g. [Convention on the Rights of the Child: adopted in New York on November 20, 1989: entered into force for the USSR on September 15, 1990]. In: *Sbornik mezhdunarodnykh dogovorov SSSR* [Collection of international treaties of the USSR]. Vol. XLVI. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Golovnenkov, P.V. (2016) *Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyy kodeks) Federativnoy Respubliki Germaniya: Strafgesetzbuch (StGB): nauchn.-prakt. kommentariy i perevod teksta* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: Strafgesetzbuch (StGB): scientific and practical commentary and translation of the text of the law] zakona. 2nd ed. Moscow: Prospekt.
5. Germany. (2023) *Ugolovnyy kodeks Federativnoy Respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. [Online] Available from: http://rawunsch.de/images/Ugolovnyiye_Kodeks.pdf (Accessed: 27th December 2023).
6. Belen'ko, I.A. (2014) Zashchita detey i molodezhi ot seksual'nogo nasiliya i ekspluatatsii (na osnove yuridicheskikh dokumentov federal'nogo pravitel'stva Germanii) [Protection of children and young people from sexual violence and exploitation (based on legal documents of the Federal Government of Germany)]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2 (3). pp. 35–39.
7. Bmjbv.de. (2024) *Runder Tisch Sexueller Kindes missbrauch*. [Online] Available from: http://www.bmjbv.de/DE/Themen/Gesellschaft/RunderTischSexuellerKindesmissbrauch/runderTisch_node.html (Accessed: 27th January 2024).
8. France. (2024) *Ugolovnyy kodeks Frantsii: Zakon ot 22 iyulya 1992 g.* [Criminal Code of France: Law of July 22, 1992]. [Online] Available from: https://jurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf (Accessed: 20th January 2024).
9. Zhivodrova, N.A. & Merkul'eva, M.V. (2017) Sravnitel'no-pravovaya kharakteristika ugolovnoy otvetstvennosti za nenasil'stvennye posyagatel'stva na polovuyu neprikosnovennost' nesovershennoletnikh v zarubezhnykh stranakh i v Rossiyskoy Federatsii [Comparative legal description of criminal liability for non-violent attacks on the sexual inviolability of minors in foreign countries and in the Russian Federation]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 4 (20). pp. 2–7.

10. RIA NOVOSTI. (2010) *Zarubezhnaya praktika zashchity prav rebenka. Spravka* [Foreign practice of protecting the rights of the child. Reference material]. [Online] Available from: <https://ria.ru/20100317/214971297.html> (Accessed: 27th January 2024).
11. Men'shikh, A.A. (2014) *Zashchita polovoy neprikosновенности nesovershennoletnikh v ugovnom zakonodatel'stve Frantsii* [Protection of sexual inviolability of minors in the criminal legislation of France]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*. 5. pp. 887–893.
12. *Telefonnaya liniya "Rebenok v opasnosti"* [Child in Danger telephone line]. [Online] Available from: <https://sverdlovsk.sledcom.ru/Telefonnaya-liniya-Rebjonok-v-opasnosti-> (Accessed: 27th January 2024).
13. Infobae.com. (2022) *Khimicheskaya kastratsiya: v kakikh stranakh ona primenyaetsya i kakovy rezul'taty?* [Chemical castration: in which countries is it used and what are the results?]. [Online] Available from: <https://www.infobae.com/ru/2022/04/19/chemical-castration-which-countries-have-applied-it-and-what-have-been-the-results/> (Accessed: 27th January 2024).
14. Kalashnikova, A.Yu. (2022) *Effektivnost' primeneniya metoda khimicheskoy kastratsii dlya predotvrashcheniya soversheniya seksual'nogo nasiliya v otnoshenii nesovershennoletnikh: zarubezhnyy opyt* [The effectiveness of the chemical castration method to prevent sexual violence against minors: foreign experience]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*. 12 (216). pp. 290–293.
15. Sarkisyan, A.A. (2018) *Osobennosti profilaktiki obshchestvenno opasnogo povedeniya pedofilov* [Features of the prevention of socially dangerous behavior of pedophiles]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota bene*. 6 (59). pp. 39–51.
16. DW. (2024) *Kak v Pol'she reagiruyut na publichnyy reestr pedofilov* [How Poland reacts to the public register of pedophiles]. [Online] Available from: <https://www.dw.com/rua-42050503> (Accessed: 27th January 2024).
17. Avdalyan, A.Ya. (2014) *Protivodeystvie seksual'nym prestupleniyam, sovershaemym v Soedinennykh shtatakh Ameriki* [Combating sexual crimes committed in the United States of America]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*. 5. pp. 85–90.
18. People's Republic of China. (2024) *Ugolovnyy kodeks Kitayskoy Narodnoy Respubliki: Zakon ot 14 marta 1997 g.* [Criminal Code of the People's Republic of China: Law of March 14, 1997]. [Online] Available from: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (Accessed: 27th January 2024).
19. *RUSSIAN.NEWS.CN*. [Online] Available from: <https://russian.news.cn/20220601/d4c1f281602b475e9984b16917ea3948/c.html> (Accessed: 27th January 2024).
20. Meshko, G. & Voronin, V.N. (2019) *Teoreticheskie osnovy sravnitel'noy kriminologii v mirovom izmerenii* [Theoretical foundations of comparative criminology in the global dimension]. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*. 13 (5). pp. 695–706.

Информация об авторе:

Корнакова С.В. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Института государства и права Байкальского государственного университета (Иркутск, Россия). E-mail: crim.just@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Kornakova, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor, Baikal State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: crim.just@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 26.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 26.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*

Научная статья
УДК 347.97

doi: 10.17223/23088451/23/19

ЗАДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ ГЕРМАНИИ, ШВЕЙЦАРИИ, АВСТРИИ И ЛИХТЕНШТЕЙНА (ЧАСТЬ 1)

Александр Анатольевич Трефилов¹

¹ *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия, trefilovaa1989@gmail.com*

Аннотация. Освещается институт задержания в уголовных процессах Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна. В частности, рассматриваются сущность задержания, основания, условия и порядок применения данной меры принуждения. Особое внимание уделено так называемому гражданскому задержанию.

Ключевые слова: задержание, основания для задержания, субъект, уполномоченный произвести задержание, гражданское задержание, меры принуждения в уголовном процессе

Для цитирования: Трефилов А.А. Задержание в уголовном процессе Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна (Часть 1) // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 116–124. doi: 10.17223/23088451/23/19

Original article
doi: 10.17223/23088451/23/19

DETENTION IN CRIMINAL PROCEEDINGS IN GERMANY, SWITZERLAND, AUSTRIA, AND LIECHTENSTEIN (PART 1)

Aleksandr A. Trefilov¹

¹ *National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation, trefilovaa1989@gmail.com*

Abstract. The article covers the institution of detention in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein. In particular, it examines the essence of detention, grounds, conditions and procedure for applying this coercive measure in the doctrines and legislations of these countries. Particular attention is paid to the so-called civil detention. The article lists the stable features that are inherent in this coercive measure and distinguish it from confinement and other forms of procedural coercion. The issues of the entities authorized to detain and the grounds for applying this coercive measure are examined in detail. Proposals for improving Russian criminal procedure legislation in this matter are formulated based on the experience of the German-speaking countries.

Keywords: detention, grounds for detention, entity authorized to detain, civil detention, coercive measures in criminal proceedings

For citation: Trefilov, A.A. (2024) Detention in criminal proceedings in Germany, Switzerland, Austria, and Liechtenstein (Part 1). *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 116–124. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/19

Кратковременное лишение свободы, имеющее, как правило, полицейский характер и предваряющее возможное заключение под стражу судебной властью, в силу объективных причин предусмотрено в каждом государстве независимо от конкретных исторических условий.

Построение данного института определяет цивилизованность правовой системы в целом. Права задержанного лица и гарантии их реализации отражают уровень защищённости от незаконного или необоснованного вмешательства в его жизнь со стороны государства, показывают соотношение публичных и частных интересов в данном правопорядке.

Институт задержания и в зарубежных странах, и в России имеет межотраслевой характер [1. С. 450]. С одной стороны, формально невиновное задерживаемое лицо на некоторое время ограничивается в своих конституционных правах, что является неизбежным злом и

в силу объективных причин, и с точки зрения его субъективного восприятия этой ситуации. С другой стороны, без данной меры принуждения органы уголовного судопроизводства не смогут эффективно выполнять возложенные на них в УПК функции, направленные на пресечение преступлений, защиту прав и законных интересов личности, общества, государства.

Конституции многих государств закрепляют право лица на свободу. Основной закон ФРГ 1949 г. предусматривает, что свобода личности может быть ограничена лишь на основании закона, принятого в установленном порядке, и только с соблюдением предписанного в нём порядка (ч 1 ст. 104).

Конституция Швейцарии 1999 г. не закрепляет напрямую право на свободу передвижения, но устанавливает, что швейцарцы могут поселиться в любом месте страны (ст. 24). В Конституции Австрии 1920 г. нет

главы о правах человека. Они установлены в различных законодательных актах, некоторые из которых приняты ещё в XIX в. (например, ГК Австрии 1811 г.). Наибольший интерес в контексте нашего исследования представляет австрийский Федеральный конституционный закон от 29 ноября 1988 г. о защите личной свободы, который предусматривает, что каждый имеет право на свободу и личную безопасность. Никто не может быть задержан по основаниям или в порядке, не предусмотренном в данном законе (ст. 1). Конституция Лихтенштейна 1921 г. закрепляет свободу личности и устанавливает, что арест не может производиться, кроме как в случаях и порядке, предписанных законом (ч. 2 ст. 32).

Конституционализация уголовного процесса, происходящая в большинстве современных государств, предполагает, что разработчики УПК должны предусмотреть механизм задержания, соответствующий Основному закону страны и общепризнанным международным стандартам. Рассмотрим данный вопрос на примере интересующих нас правоприменительных актов.

§ 1. Понятие задержания

Германия

УПК ФРГ для обозначения задержания использует понятие *vorläufige Festnahme*, которое дословно переводится как *временное задержание*. При этом кодекс не содержит легального определения данной меры принуждения, в связи с чем для уяснения её сути необходимо обратиться к правовой доктрине и позициям Верховного суда этой страны.

В уголовном процессе Германии задержание понимается как «мера, применяемая в отношении лица, подозреваемого в совершении уголовно наказуемого деяния при наличии достаточного подозрения» (Карл Крайфельдс) [2. С. 427]; «кратковременное лишение свободы, применяемое в отношении лица, предположительно совершившего уголовно наказуемое деяние» (Верховный суд ФРГ) [3. С. 48].

Данные определения, с одной стороны, указывают на основание задержания (*достаточное подозрение*), а с другой – на его возможную продолжительность (*кратковременный характер*).

Особенность юридической техники УПК ФРГ: нормы, регулирующие задержание (§ 127–130), стоят после норм, относящихся к другим мерам принуждения (§ 112–126а). Законодатель заканчивает правовое регулирование мер принуждения нормами о задержании, а не открывает ими его.

Швейцария

В Швейцарии, по смыслу раздела 3 УПК 2007 г., задержание понимается как разновидность уголовно-процессуального лишения свободы (*die Freiheitsentzug*) и находится в одном разделе с заключением лица под стражу. Легальное определение задержания отсутствует.

Поскольку УПК Швейцарии различает два вида задержания, данная мера принуждения обозначается соответственно двумя различными терминами: *polizeiliche Anhaltung* и *vorläufige Festnahme*.

Перевод первого понятия целесообразно выполнить дословно: полицейское задержание. Перевод второго понятия лучше произвести, дополнив его пояснением, уточняющим смысловую нагрузку: уголовно-процессуальное задержание (дословный перевод: временное задержание). Это связано с тем, что, согласно УПК Швейцарии, в первом случае ещё нет точных данных о причастности лица к совершению преступления (такое задержание связано, скорее, с административной деятельностью полиции как органа исполнительной власти), во втором – лицо задерживается по горячим следам или в силу наличия достоверной информации о его причастности к преступлению (к этому моменту в отношении него начинается или уже начато уголовное судопроизводство).

Военный УПК Швейцарии 1979 г. разграничивает уголовно-процессуальное задержание (*vorläufige Festnahme*), производимое командиром воинской части или следственным судьёй (ст. 54), и временное задержание (*Anhaltung*), которое имеет место по горячим следам (ст. 55). Далее мы рассмотрим данные институты подробнее.

Ювенальный УПК 2009 г. не содержит норм о задержании и указывает, что подлежат применению соответствующие нормы общего УПК (ст. 26). Предусмотрены лишь особенности заключения под стражу лица, не достигшего 18 лет.

Австрия

УПК Австрии для обозначения задержания использует понятие *die Festnahme* (§ 170–172а). В отличие от немецкого законодателя, австрийский не добавляет к этому термину прилагательное *vorläufig* (временный), поскольку задержание в силу своей природы всегда является временным, причём относительно кратковременным.

УПК Австрии содержит большое количество определений (в этом проявляется его сходство с УПК РФ), но понятие задержания в нём не раскрывается, поэтому обратимся к доктрине.

Профессор Штефан Зайлер пишет: «Задержание (*Festnahme*) и заключение под стражу (*Untersuchungshaft*) охватываются понятием предварительного ареста (*Vorhaft*), поскольку они имеют место перед исполнением уголовного наказания в виде лишения свободы» (*Strafhaf*) [4. С. 149]. Как мы видим, данное определение не раскрывает признаков задержания, но показывает его соотношение с заключением под стражу и с лишением свободы.

Профессор Винфрид Плацгуммер указывает: «Задержание является краткосрочным лишением свободы подозреваемого с целью обеспечить его участие в предварительном расследовании и в судебном разбирательстве до поступления дальнейших распоряжений» [5. С. 244]. Автор обращает внимание на содержание данной меры

принуждения, на её целевую направленность и на её продолжительность.

Лихтенштейн

Глава XI УПК Лихтенштейна имеет название «О повестке, приводе, задержании и заключении под стражу обвиняемого» (§ 125–144). Три последние категории охватываются понятием меры принуждения. В отличие от УПК Швейцарии, лихтенштейнский кодекс не подразделяет задержание на виды. Оно обозначается единым понятием *die Festnahme* без добавления к нему прилагательного временный, уголовно-процессуальный и т.д.

Кроме того, в Лихтенштейне действует Закон о полиции. В нём так много уголовно-процессуальных норм и он такой большой по объёму, что его будет справедливо назвать УПК № 2. Кодекс предусматривает в ст. 24h право полиции задержать лицо (*in Gewahrsam nehmen*). По смыслу данного правового акта такое задержание может быть связано с уголовным судопроизводством (например, лицо задержано за совершение преступления), а может быть с ним и не связано (например, лицо задерживается в административном порядке).

Во всех четырёх немецкоязычных УПК задержание и заключение под стражу как самостоятельные меры принуждения обозначаются разными словами. Для сравнения: в законодательстве англосаксонских стран, напротив, термин *arrest* нередко охватывает оба рассмотренных понятия. Частно они смешиваются и на доктринальном уровне. Например, американский юрист Джулиан Хенли пишет: «Арест – это действие, которое инициирует процесс привлечения к уголовной ответственности, состоящее в помещении под стражу человека, чтобы он мог ответить за предполагаемое преступление» [6. С. 351]. При буквальном прочтении не совсем понятно, про какой *arrest* идёт речь: про задержание или про заключение под стражу. Очевидно, имеется в виду и то, и другое.

§ 2. Субъекты, уполномоченные производить задержание, и основания для задержания

Данные вопросы целесообразно рассмотреть вместе по одной простой причине: немецкоязычные УПК предусматривают, что у различных субъектов, производящих задержание, имеются различные основания для применения этой меры принуждения. Некоторые из них могут быть близкими или даже совпадать, некоторые весьма далеки друг от друга.

Германия

УПК ФРГ предусматривает, что задержание может производить каждый («*Jemand*»): согласно ч. 1 § 127 УПК ФРГ, если кто-либо застигнут при совершении преступного деяния или преследуется по горячим сле-

дам, **каждый** уполномочен задержать его без постановления суда, если существует подозрение, что он попытается скрыться или его личность не может сразу быть установлена.

Как видим, речь идёт про так называемое «гражданское задержание», которое известно многим зарубежным УПК. Физические лица имеют право по своей инициативе оказывать содействие органам уголовного судопроизводства, в том числе для защиты собственных прав: если они не задержат лицо, нарушившее закон, то, возможно, правоохранительные органы его не поймают, а потерпевший не сможет добиться возмещения причинённого ему ущерба. Существует мнение, что граждане, осуществляя задержание, занимаются применением права [7. С. 316].

Вместе с тем УПК Германии запрещает задержание человека, который не пытается покинуть место происшествия или не скрывает свою личность (союз или означает альтернативность данных оснований). Например, гражданин, предположительно совершивший магазинную кражу, никуда не уходит или демонстрирует сотрудникам охраны или очевидцам паспорт, водительские права или иной документ, удостоверяющий личность. В этом случае гражданское задержание будет неправомерным.

В немецкой литературе обращается внимание на то, что если лицо ещё не совершило преступление, а лишь готовится к этому, то «гражданское задержание едва ли возможно» [8. С. 540]. В этом случае будет иметь место не задержание лица, а воспрепятствование подготовке к нему или покушению на него.

Весьма интересно, что сначала УПК ФРГ регулирует гражданское задержание и только после этого задержание, производимое сотрудниками правоохранительных органов.

Согласно ч. 2 § 127 УПК ФРГ прокуратура и должностные лица полицейского ведомства (*die Staatsanwaltschaft und die Beamten des Polizeidienstes*) в случаях, не терпящих отлагательства, также уполномочены на задержание, если выполнены предпосылки для вынесения постановления о заключении под стражу или о помещении в лечебное учреждение. § 127b УПК ФРГ допускает также задержание лица, застигнутого при совершении преступления или по горячим следам, если является вероятным незамедлительное принятие решения в ходе ускоренного производства или на основании конкретных фактов существуют опасения, что лицо не явится на судебное разбирательство.

Отсюда можно сделать несколько выводов. Во-первых, среди государственных органов уполномочены производить задержание только прокуратура и полиция, причём прокуратура обозначена как государственный орган, а в отношении полиции речь идёт только о её служащих. Во-вторых, если не допускается потенциальное применение к лицу, предположительно совершившему преступление, наиболее строгой меры принуждения – заключения под стражу, то задержание, по общему правилу, невозможно.

Исключения составляют дела, по которым допускается так называемое ускоренное производство (*beschleunigtes Verfahren*). В-третьих, допускается задержание лица, не являющегося субъектом преступления (например, душевнобольного в целях его помещения в учреждение, оказывающее психиатрическую помощь).

В контексте института задержания рассмотрим более подробно категорию «подозрение» (*Verdacht*) в уголовном процессе Германии. Применительно к гражданскому задержанию УПК ФРГ прямо предусматривает: для применения данной меры принуждения необходимо подозрение; в норме о задержании лица правоохранительными органами кодекс непосредственно не указывает на подозрение в отношении задерживаемого лица, однако подразумевает его, поскольку нельзя впоследствии заключить под стражу лицо, которое ни в чём не подозревается.

Обращает на себя внимание, что УПК ФРГ использует категорию «подозрение», но не указывает на его виды и степени. В частности, кодекс не предусматривает, что оно должно быть достаточным. По замыслу законодателя данная категория является не количественной, а качественной: подозрение либо есть, либо его нет.

В 2010 г. автору данной статьи посчастливилось посетить летнюю школу права в Университете Регенсбурга (Германия, Бавария). Во время лекции по уголовному процессу преподаватель Мануэль Штрунц отметил, что категория «подозрение» (*Verdacht*), или начальное подозрение (*Anfangsverdacht*), является одной из самых сложных и неоднозначно интерпретируемых в немецкой доктрине. Профессор привёл пример: некая девушка подаёт заявление, в котором указывает, что её изнасиловал известный политик. Существует ли в этом случае подозрение? В ходе развернувшейся дискуссии её участниками были высказаны две противоположные точки зрения, обусловленные сущностью поставленного вопроса. Преподаватель отметил, что каждая из них имеет право на существование.

УПК ФРГ содержит прямой и ясный ответ на интересный вопрос: допускается ли задержание по делу частного обвинения, если лицо, которое в будущем станет частным обвинителем, ещё не подало жалобу в органы уголовного судопроизводства? Согласно ч. 2 § 127 УПК ФРГ, если преступное деяние преследуется только по жалобе, задержание допустимо, даже если жалоба ещё не заявлена. Получается, что данная мера принуждения применяется ещё до начала уголовного процесса. Для сравнения: УПК Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна не содержат специальных норм по этому вопросу.

Швейцария

Как отмечено выше, УПК Швейцарии 2007 г. дифференцирует полицейское задержание (ст. 215–216) и уголовно-процессуальное задержание (ст. 217–219) как по субъекту, производящему задержание, так и по его основанию.

Во-первых, согласно данному Кодексу они производятся различными субъектами: полицейское задержание вправе произвести только полиция, хотя в отдельных случаях и с привлечением населения, а уголовно-процессуальное – не только полиция, но и частные лица самостоятельно (своего рода «гражданское задержание»).

Во-вторых, у них разные предпосылки и целевая направленность. Полицейское задержание производится тогда, когда в отношении лица ещё не существуют убедительные и обоснованные подозрения в совершении им преступного деяния. Согласно ч. 1 ст. 215 полиция вправе в интересах расследования преступного деяния предварительно задержать лицо и при необходимости доставить в полицейский участок, чтобы: а) установить его личность; б) кратко его допросить; в) выяснить, совершало ли данное лицо преступное деяние; г) выяснить, не находятся ли в розыске предметы, которые оно хранит или которые находятся при нём.

Уголовно-процессуальное задержание, согласно ч. 1 ст. 217 УПК, производится, если лицо застигнуто при совершении им преступления или уголовного проступка по горячим следам или непосредственно после этого (*in flagrante delicto*) или на основе ранее изданного мотивированного постановления о заключении под стражу. Как видим, в указанных случаях степень уверенности в виновности лица, которого задерживают, более высокая, чем при полицейском задержании.

Как отмечено выше, Военный УПК Швейцарии 1979 г. также выделяет два вида задержания: уголовно-процессуальное задержание (*vorläufige Festnahme*) и временное задержание (*Anhaltung*). Терминология отличается от той, которая используется в общем УПК 2007 г., но идея, лежащая в основе дифференциации, такая же. Военный командир обвиняемого или подозреваемого может распорядиться *об уголовно-процессуальном задержании*, если установлены предусмотренные законом предпосылки или если этого требуют настоятельные служебные основания. Также его вправе предписать следственный судья (ст. 54). Тот, кого поймали по горячим следам или непосредственно после этого в ходе преследования, может быть *временно задержан* при опасности побега или для установления персональных данных. Он должен быть немедленно доставлен в ближайшую воинскую часть или в полицию (ст. 55). Субъект, производящий временное задержание, в кодексе не установлен, но, по общему смыслу, им может быть любое лицо (каждый).

Как видим, различие между этими видами задержания состоит в первую очередь в том, производится ли оно по горячим следам (*in flagrante delicto*). По сути, временное задержание – это, как правило, «гражданское задержание», производимое частными лицами, застигнутыми военнотружущего при совершении преступного деяния. Это могут быть как другие военнотружущие, так и лица, не связанные с вооружёнными силами. Теоретически командир воинской части или следственный судья тоже могут произвести задержание по горячим следам, и тогда это будет временное задержание, а не уголовно-процессуальное.

Ювенальный УПК 2009 г., как мы отметили выше, норм о задержании не содержит. Основания задержания взрослого и ребёнка одинаковы, виды задержания также совпадают.

С чем связан такой подход? Думаю, ответ на данный вопрос состоит в том, что в момент задержания возраст лица в некоторых случаях не может быть установлен сразу. Например, у молодого человека или девушки нет при себе документов. Сотрудникам полиции было бы трудно сделать выбор между нормами о задержании несовершеннолетнего и совершеннолетнего лица. Напротив, к моменту заключения лица под стражу его возраст достоверно установлен по документам или посредством проведения экспертизы, и в этом случае подлежат применению особенности заключения под стражу лица, не достигшего 18 лет, предусмотренные в «общем» УПК Швейцарии.

Отменённый УПК Ааргау 1958 г. не дифференцировал задержание. Согласно § 72 *каждый* уполномочен произвести задержание в случаях: 1) если лицо застигнуто при совершении преступления или уголовного проступка, или при покушении на них по горячим следам, или очевидцы указывают на него как на лицо, совершившее деяние, непосредственно после данного деяния; 2) если подозреваемый застигнут после его совершения с инструментами, украденными вещами или с другими предметами, указывающими на его участие в совершении деяния; 3) если настоятельным образом подозреваемый в совершении уголовно наказуемого деяния пойман при побеге (ч. 1). Кодекс прямо предусматривает, что в случае гражданского задержания государство несёт ответственность за вред, причинённый частными лицами (ч. 2), и что частные лица обязаны передать задержанного полиции при первой возможности (§ 72 ч. 1).

Отменённый УПК Берна 1995 г. предусматривал любопытную в компаративном отношении классификацию задержания (ст. 17–172). Кодекс выделяет целых три вида данной меры принуждения: 1) предварительное задержание (*Anhaltung*), которое делится ещё на два вида: осуществляемое частными лицами (*durch Privatpersonen*) и осуществляемое полицией (*durch Angehörige der Kantonspolizei*); 2) уголовно-процессуальное задержание (*Festnahme*); 3) полицейский арест (*Polizeihaft*). В первом и втором случаях перевод не является дословным, зато верно передаёт суть описываемых мер принуждения.

Предварительное задержание (*Anhaltung*). Согласно УПК Берна *каждый* имеет право задержать при совершении преступления или уголовного проступка пойманное или непосредственно после этого убегающее лицо (ст. 170). Кантональная полиция имеет право задержать любое лицо, которое в настоящий момент осуществляет уголовно наказуемое деяние или застигнуто немедленно после этого (ст. 171). По смыслу данной нормы в обоих случаях говорится про задержание по горячим следам, когда очевидно, что совершено противоправное деяние, но при этом пока ещё отсутствует достоверная информация о нём.

Уголовно-процессуальное задержание (*Festnahme*). Задержанный может быть доставлен в полицейский уча-

сток, если невозможно произвести необходимую идентификацию на месте или если имеются существенные сомнения в правдивости сведений о задержанном лице, в подлинности его документов или в правомерности владения транспортным средством или другими вещами (ст. 172). Частные лица, по смыслу данной нормы, не уполномочены произвести уголовно-процессуальное задержание.

Полицейский арест (*Polizeihaft*). Он производится по постановлению суда (ст. 174) или следственного судьи (ст. 176), когда имеются основания для заключения лица под стражу. Такое задержание предваряет избрание в отношении лица наиболее строгой меры принуждения, предусмотренной в УПК. Арест производится кантональной полицией в интервале между 6.00 и 20.00, если приказ об аресте не предписывает иное время. В течение 24 часов лицо допрашивается, после чего следственный орган принимает решение об освобождении лица или за явлении ходатайства о заключении под стражу.

Как видим, идея дифференциации задержания перешла в единый УПК Швейцарии 2007 г. в том числе из УПК Берна 1995 г. При этом законодатель упростил её, сделав не трёхзвенной, а двухзвенной.

P.S. Русский философ И.А. Ильин, находившийся в эмиграции в Швейцарии с июля 1938 г., рассказывает о *Fremdepolizei* (полиция для иностранцев), которая должна была контролировать, чтобы лица, приехавшие из других стран, не занимались политической деятельностью и не нарушали миграционные правила. В противном случае она могла произвести *задержание* правонарушителя в целях его последующей депортации [9. С. 152]. Данное структурное подразделение существует в Швейцарии с 1917 г. по настоящее время.

Австрия

УПК Австрии в § 170 устанавливает 4 основания для задержания.

1. Лицо было застигнуто на месте преступления по горячим следам или непосредственно после этого, или достоверно обвинено в совершении уголовно наказуемого деяния, или при нём имеются предметы, указывающие на совершение преступления. Штефан Зайлер пишет, что выражение «по горячим следам» означает наличие видимой связи между деянием и лицом, его совершившим [4. С. 150]. Он же излагает позицию Конституционного суда Австрии: если лицо задержано на следующий день после инкриминируемого ему деяния, то нельзя утверждать, что задержание произведено по горячим следам [4. С. 151].

2. Лицо скрылось или на основании определённых фактов можно утверждать, что оно попытается скрыться. Штефан Зайлер отмечает, что на опасность побега в большинстве случаев указывают косвенные доказательства (*Indizien*) [4. С. 152]. По его мнению, одна лишь потенциальная опасность побега, не подтверждаемая конкретными сведениями, не может служить основанием для задержания [4. С. 151].

3. Лицо попыталось повлиять на свидетелей, очевидцев, обвиняемых, чтобы устранить следы преступления или иным образом помешать установлению истины, или на основании определённых фактов можно утверждать, что оно попытается это сделать. Данное основание Штефан Зайлер дословно называет *Verdunkelungsgefahr* («Опасность затемнения»), имея в виду риск сокрытия следов преступления. Со ссылкой на практику Верховного суда Австрии данный учёный отмечает: нельзя говорить о данном основании, если свидетели уже допрошены ранее, а следы преступления собраны и надёжно хранятся при уголовном деле [4. С. 148].

4. Лицо подозревается в совершении преступления, за которое предусмотрено лишение свободы свыше 6 месяцев и на основании определённых фактов можно предположить, что оно попытается снова совершить такое же деяние, в котором его обвиняют (ч. 1 § 170). По смыслу данной нормы, если УК Австрии предусматривает более мягкую санкцию, задержание возможно лишь по первым трём основаниям, предусмотренным в ч. 1 § 170 УПК. Штефан Зайлер с опорой на судебную практику отмечает, что чаще всего данное основание, имеющее неотложный характер, применяется в случае, когда лицо угрожает женщине, ребёнку или другому лицу, нуждающемуся в защите [4. С. 150].

Рассмотренный § 170 воспроизводит положения ст. 2 австрийского ФКЗ о защите личной свободы (*Bundesverfassungsgesetz über den Schutz der persönlichen Freiheit*) [10. С. 231]. Штефан Зайлер подчёркивает, что перечень основания для задержания в обоих правовых актах является исчерпывающим (*taxativ*) [11. С. 217].

Любопытно в компаративном отношении следующее императивное правило, предусмотренное в УПК Австрии: если лицо подозревается в деянии, которое наказывается лишением свободы свыше 10 лет, задержание *обязательно*, за исключением случая, когда отсутствуют все обстоятельства, указанные в п. 2–4 (ч. 2 § 170). Профессор Элен Бахнер-Фореггер называет такое задержание «условно обязательным» (*bedingt-obligatorisch*). Считается, что в данном случае интерес общества к обеспечению безопасности и интерес государства к отправлению правосудия более значимы, чем индивидуальный интерес обвиняемого к пребыванию на свободе. Закон о ювенальных судах предусматривает, что данное основание неприменимо к несовершеннолетним (§ 5). В этом проявляется гуманистическая направленность правосудия по делам, которые ведутся в отношении лиц, не достигших 18 лет.

В силу принципа целесообразности УПК Австрии устанавливает: задержание недопустимо, если оно не соответствует значимости данного уголовного дела (ч. 3 § 170). Например, речь может идти о деяниях, за совершение которых не предусмотрено наказание в виде лишения свободы. Профессор Элен Бахнер-Фореггер пишет, что данная норма является оценочной и предполагает усмотрение органа уголовного судопроизводства, поскольку «не может быть никакой единой таблицы, показывающей, какое уголовное дело значимое, а какое – нет» [11. С. 216].

Близкое положение закрепляется в Законе о ювенальных судах: задержание несовершеннолетнего недопустимо, если его цели могут быть достигнуты путём применения других, более мягких мер (§ 35), например, посредством передачи под надзор родителей [4. С. 149–150].

УПК Австрии устанавливает, какой субъект уполномочен произвести задержание. Согласно § 171 задержание *предписывает* прокуратура с согласия суда и *производит* криминальная полиция. В неотложных случаях (по горячим следам, при опасности побега) криминальная полиция выполняет задержание самостоятельно.

В этой связи обращает на себя внимание, что кодекс ничего не говорит о гражданском задержании. Отношения между частными лицами и теми, кого они задерживают, не входят в предмет регулирования уголовно-процессуального права Австрии.

Лихтенштейн

Согласно § 127 УПК без предварительного вызова следственный судья вправе предписать привод или задержание лица, подозреваемого в совершении преступления или уголовного проступка: 1) если подозреваемый застигнут по горячим следам или непосредственно после совершения преступления или уголовного проступка на основе достоверных данных обвиняется в совершении деяния или застигнут с оружием или другими предметами, относящимися к преступлению или уголовному проступку, или существуют иные указания на его участие в них; 2) если он совершает побег или скрывается, или если на основе определённых фактов существует опасность того, что он уклонится от участия в уголовном судопроизводстве, в частности, вследствие того, что он удаляется без разрешения из места жительства или не является по повестке на рассмотрение дела по существу, или в связи с размером наказания, которое ему предположительно назначат, или по другим основаниям он убежит или скроется; 3) если он попытался оказать влияние на свидетелей, экспертов или обвиняемых, уничтожить следы преступления или иным образом воспрепятствовать установлению истины, или если на основе других определённых фактов существует опасность того, что он попытается это предпринять; 4) если на основе определённых фактов можно предполагать, что он совершит уголовно наказуемое деяние, которое направлено против той же правовой ценности, посягательство на которую ему инкриминируется, или он осуществит деяние, которое ему инкриминируется, на которое он покушался или которым угрожал.

Допускается задержание лиц, не являющихся подозреваемыми. Согласно § 61 следственный судья должен приказывать находиться в состоянии ожидания всем лицам, которые предположительно могут сообщить сведения об обстоятельствах деяния или о лице, являющемся потерпевшим. Ранее допрошенные лица могут быть следственным судьёй допрошены ещё раз, поскольку это представляется существенным для дополнения или разъяснения их прежних показаний. Как мы видим, данная мера принуждения может применяться даже к тому лицу, в отношении которого уголовное судопроизводство не ведётся.

В отменённом УПК Лихтенштейна 1913 г. было предусмотрено ещё одно необычное основание, которое не перешло в действующий кодекс: «Если в ходе восстания или мятежа (*Aufstande oder Aufruhre*), публичных актов насилия (*bei einer öffentlichen Gewalttätigkeit*) или других уголовно наказуемых деяний, предполагающих их совершение большим числом лиц, невозможно немедленно отыскать виновных, то все, кто присутствовали при происшествии и не свободны полностью от подозрения в соучастии, могут быть временно задержаны» (§ 122). В настоящее время такие «массовые задержания» кодексом не предусмотрены, поскольку меры принуждения должны применяться избирательно к конкретному лицу, подозреваемому в совершении преступления.

Согласно ст. 24h Закона о полиции Лихтенштейна полиция может произвести задержание, если: а) это необходимо для защиты этого или других лиц от опасности для жизни и здоровья или для воспрепятствования или устранения существенной угрозы общественной безопасности и порядку; б) лицо уклонилось от исполнения лишения свободы, заключения под стражу или ареста с целью депортации или от превентивной меры в соответствии с Уголовным кодексом; в) это необходимо для обеспечения исполнения удаления из жилища или недопущения проникновения в жилище (ст. 24f); д) оно застигнуто по горячим следам при нарушении запрета проникновения в жилище в соответствии со ст. 24g.

Можно выделить следующие компаративно значимые особенности задержания в уголовном процессе Лихтенштейна.

Первое, что обращает на себя внимание: законодательство этой страны не регулирует «гражданское задержание» (как и в Австрии). При буквальном толковании кодекса задержание могут произвести только должностные лица: следственный судья и полиция. Что делать, если граждане сами задержали лицо и передали его приехавшей по вызову полиции? Данные отношения не регулируются законодательством и представляют собой исполнение основанного на нормах морали гражданского долга.

Вторая особенность: в законодательстве Лихтенштейна основания для задержания сформулированы гораздо подробнее и конкретнее, чем в Германии, Швейцарии. Указанный перечень похож на тот, который содержит УПК Австрии, но изложен с ещё большей конкретизацией.

Третья особенность: внимательное прочтение Закона о полиции позволяет прийти к выводу, что предусмотренное в нём задержание имеет одновременно и уголовно-процессуальный, и административный характер. Полиция в данном случае выступает и как участник начинающегося уголовного процесса, и как субъект административного права, осуществляющий управленческую и исполнительно-распорядительную деятельность.

Четвёртая особенность: любопытно, что одно из оснований полицейского задержания состоит в необходимости обеспечить безопасность задерживаемого лица (п. «а» ст. 24). Данная норма не известна законодатель-

ству других немецкоязычных стран и российскому правопорядку. Логика данной нормы достаточно проста: если лицо останется на свободе, то с определённой вероятностью оно будет убито толпой людей, преступными организациями и другими опасными субъектами. Лучше на некоторое время задержать его, затем после применения мер безопасности отпустить на свободу.

Близкая норма предусмотрена в уголовном процессе Северной Кореи. Одно из оснований для задержания: подозреваемое в совершении преступления лицо пыталось совершить самоубийство [12. С. 53]. В условиях СИЗО у него имеется гораздо меньше возможностей для попытки суицида. Там ему будет гораздо безопаснее.

Пятая особенность: среди оснований задержания можно выделить основания с конкретными признаками (например, лицо совершило побег) и с оценочными признаками (например, лицо может попытаться оказать влияние на свидетелей, экспертов и других участников уголовного процесса).

Шестая особенность. УПК Лихтенштейна различает ситуацию, когда задержание является правом полиции, а когда обязанностью. Согласно ч. 2 § 127, если речь идёт о преступлении, за совершение которого в соответствии с законом может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок не менее 10 лет, задержание подозреваемого должно быть предписано, за исключением случая, когда на основе определённых фактов существуют основания предполагать, что наличие всех предусмотренных в УПК оснований для задержания исключено. В остальных случаях задержание является правом полиции.

Седьмая особенность. УПК Лихтенштейна, как и австрийский кодекс, устанавливает: предписание задержания в соответствии с абз. 1 и 2 недопустимо, если заключение не соразмерно значению уголовного дела (ч. 3 § 127). Например, речь может идти про дела частного обвинения и про ситуацию, когда лицо задерживается по подозрению в преступлении, за совершение которого не предусмотрено уголовное наказание в виде лишения свободы.

Сделаем несколько общих замечаний по теме исследования.

1) В компаративном отношении интересен вопрос, обязаны ли граждане оказывать содействие полиции, когда они производят задержание? Можно выделить два основных подхода.

Первый подход. В одних государствах содействие граждан правоохранительным органам является добровольным. Очевидцы преступления с учётом своих физических и иных возможностей самостоятельно решают, хотят ли они помочь полиции. В настоящее время такой подход принят во всех четырёх немецкоязычных УПК.

Отменённый УПК Ааргау 1958 г. закреплял следующее правило: если в связи с опасностью обвиняемого или тяжестью инкриминируемого ему деяния необходимы особые меры предосторожности при его задержа-

нии или в связи с его неповиновением следует применить силу, орган, издающий приказ, вправе обратиться за помощью к служащим (*Beamte*) или при необходимости к частным лицам, которые находятся в данном месте или могут воспринять данное требование; служащие в таком случае обязаны оказывать помощь.

Второй подход. В других странах граждане обязаны оказывать содействие полиции, когда она производит задержание. Приведём два интересных, на наш взгляд, примера.

Отменённый УПК Берна 1995 г. предусматривал: кантональная полиция *может требовать содействия частных лиц при предварительном задержании по горячим следам застигнутого лица*; родственники и члены семьи затрагиваемого лица освобождены от этой обязанности (ч. 4 ст. 171). Вместе с тем никакие санкции за невыполнение данной обязанности законодательство Берна не устанавливало.

В США «законодательство некоторых штатов предусматривает, что каждый дееспособный человек старше 18 лет, который отказывается помочь офицеру произвести арест после того, как ему приказали это сделать, виновен в правонарушении. Как мужчины, так и женщины подлежат судебному преследованию, если они не помогают произвести арест после обращения от полицейского» [6. С. 355].

Первый подход представляется более обоснованным. Во-первых, граждане платят налоги и исполняют другие обязанности, предусмотренные Конституцией. В связи с этим не ясно, почему они, подчас с риском для жизни, должны выполнять вместо сотрудников полиции их трудную и нередко опасную работу. Во-вторых, в некоторых случаях будет тяжело доказать, что очевидец преступления с учётом обстоятельств дела имел реальную возможность оценить ситуацию и оказать помощь правоохранительным органам. В-третьих, если такие действия подводить под состав оставления в опасности, то он становится слишком широким.

2) В России категория «гражданское задержание» не используется в уголовно-процессуальном законодательстве, но упоминается в Постановлении Пленума Верховного суда РФ от 27 сентября 2012 года № 19: «Право на задержание лица, совершившего преступление, имеют не только уполномоченные на то представители власти, но и иные лица, в том числе пострадавшие от преступления, или ставшие его непосредственными очевидцами, или лица, которым стало достоверно известно о его совершении». Перед нами пример одного из способов легализации «гражданского задержания» (введение института в правовую систему судебной властью). В литературе высказываются справедливые предложения о необходимости закрепления данной нормы на законодательном уровне [13. С. 43].

В связи с особой значимостью данного вопроса для защиты прав и свобод человека и гражданина представляется необходимым урегулировать гражданское задержание непосредственно в УПК РФ с учётом рассмотренных выше положений УПК Германии и Швейцарии, где

этот институт успешно функционирует, а его целесообразность в настоящее время на доктринальном уровне не ставится под сомнение.

Сделаем краткие выводы по теме исследования:

1) Институт задержания присущ любому правопорядку. В отношении подозреваемого или обвиняемого уголовный процесс, как правило, начинается именно с этой меры принуждения. Поскольку конституции большинства стран мира закрепляют право лица на свободу, уголовно-процессуальное законодательство должно предусмотреть чёткий порядок и конкретные правовые основания для применения задержания. В этой связи интересно обратиться к опыту Германии, Швейцарии, Австрии и Лихтенштейна.

2) Ни один немецкоязычный УПК не содержит легального определения задержания, что отличает данные кодексы от УПК РФ (п. 11 ст. 5). Обращение к изученным доктринальным источникам позволяет установить существенные признаки этого понятия: временный характер, ограничение права лица на свободу передвижения, применение данной меры принуждения уполномоченным субъектом при наличии оснований, предусмотренных в кодексе.

3) Если в Германии и Швейцарии УПК предусматривает гражданское задержание, то УПК Австрии и Лихтенштейна выводят соответствующие отношения за пределы предмета регулирования уголовно-процессуального законодательства. Если частные лица в двух последних правопорядках кого-либо задержат, то можно говорить либо о действиях в состоянии крайней необходимости, либо о совершении ими преступления (незаконное лишение свободы, причинение вреда здоровью и др.).

4) В Германии и Швейцарии УПК предусматривают различные основания для задержания исходя из того, кто применяет данную меру: частные лица или правоохранительные органы. В первом случае, как правило, основания связаны с фактической обстановкой (например, лицо задерживается по горячим следам очевидцами или потерпевшим), а во втором – не только с фактической обстановкой (полиция патрулирует улицу и задерживает лицо на месте совершения преступления), но и с формальными юридическими основаниями (например, ранее лицо объявлено в розыск, и издано постановление о его задержании).

5) Только УПК Австрии и Лихтенштейна предусматривают, что задержание лица обязательно, когда оно подозревается в преступлении, за совершение которого предусмотрено наказание в виде лишения свободы свыше 10 лет (исключение составляют случаи, когда достоверно отсутствуют все остальные основания для задержания). УПК Германии и Австрии не предусматривают такого «автоматического» задержания, поскольку каждый раз необходимо индивидуально, с учётом всех обстоятельств оценивать, может ли лицо скрыться, планирует ли оно продолжить заниматься преступной деятельностью. Второй подход в большей степени отвечает назначению уголовного судопроизводства и современным стандартам защиты прав личности.

Список источников

1. Россинский С.Б. Задержание подозреваемого: конституционно-межотраслевой подход. М. : Проспект, 2019. 192 с.
2. Carl Creifelds. Rechtswörterbuch. München, 2012. 218 p.
3. BGH. 1978. II. 56, 38.
4. Seiler Stefan. Strafprozessrecht. Wien, 2009. 248 p.
5. Platzgummer W. Grundzüge des österreichischen Strafprozessrechtes. Wien, 1977. 159 p.
6. Барабанов П.К. Уголовный процесс в США. М. : Спутник +, 2023. 730 с.
7. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М. : Дело, 2005. 245 с.
8. Lutz Mayer Goßner. Strafprozessordnung mit CVG und Nebengesetze. München, 2008. 313 p.
9. Ильин И.А. Теория государства и права. М. : Зерцало, 2008. 528 с.
10. Bundesverfassungsgesetz vom 29. November 1988 über den Schutz der persönlichen Freiheit. StF: BGBl. Nr. 684/1988.
11. Strafprozessordnung // herausgegeben von Dr. Helene Bachner-Foregger. Wien, 2009.
12. Сумин А.А., Химичева О.В. Введение в уголовный процесс Корейской Народно-Демократической Республики и Республики Корея. М. : Юрлитинформ, 2020. 272 с.
13. Насонова И.А., Владимиров Ю.К. Обеспечение уголовно-процессуальных прав участников уголовного судопроизводства, содержащихся под стражей или отбывающих наказание в виде лишения свободы. М. : Юрлитинформ, 2019. 299 с.

References

1. Rossinskiy, S.B. (2019) *Zaderzhanie podozrevaemogo: konstitusionno-mezhostraslevoy podkhod* [Detention of a Suspect: a constitutional and inter-sectoral approach]. Moscow: Prospekt.
2. Creifelds, C. (2012) *Rechtswörterbuch*. München: Beck.
3. BGH. (1978) II. 56, 38.
4. Seiler Stefan. (2009) *Strafprozessrecht*. Wien: Facultas.
5. Platzgummer, W. (1977) *Grundzüge des österreichischen Strafverfahrens*. Wien: Manfred Burgstaller.
6. Barabanov, P.K. (2023) *Ugolovnyy protsess v Ssha* [Criminal procedure in the USA]. Moscow: Sputnik +.
7. Matuzov, N.I. & Mal'ko, A.V. (2005) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the state and law]. Moscow: Delo.
8. Goßner, L.M. (2008) *Strafprozessordnung mit CVG und Nebengesetze*. München: Beck.
9. Il'in, I.A. (2008) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of the state and law]. Moscow: Zertsalo.
10. StF: BGBl. (1988) Bundesverfassungsgesetz vom 29. November 1988 über den Schutz der persönlichen Freiheit. *StF: BGBl.* 684/1988.
11. Bachner-Foregger, H. (Hg.) (2009) *Strafprozessordnung*. Wien: MANZ Verlag.
12. Sumin, A.A. & Khimicheva, O.V. (2020) *Vvedenie v ugolovnyy protsess Koreyskoy narodno-demokraticheskoy respubliky i Respubliki Koreya* [Introduction to the criminal procedure of the Democratic People's Republic of Korea and the Republic of Korea]. Moscow: Yurlitinform.
13. Nasonova, I.A. & Vladimirova, Yu.K. (2019) *Obespechenie ugolovno-protsessual'nykh prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva, sodержashchikhsya pod strazhey ili otbyvayushchikh nakazanie v vide lisheniya svobody* [Ensuring the criminal procedure rights of participants in criminal proceedings detained or serving a sentence of imprisonment]. Moscow: Yurlitinform.

Информация об авторе:

Трефилов А.А. – кандидат юридических наук, доцент Департамента уголовного права и систем судопроизводства Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.A. Trefilov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Higher School of Economics (Moscow, Russian Federation). E-mail: trefilovaa1989@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.04.2024;
одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.

The article was submitted 16.04.2024;
approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.

РЕЦЕНЗИИ

Рецензия
УДК 347

doi: 10.17223/23088451/23/20

**ВЛИЯНИЕ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ
НА КОНСТРУКЦИЮ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Александр Викторович Шеслер^{1,2}

¹ Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
^{1,2} sofish@inbox.ru

Аннотация. На заседании диссертационного совета 24.2. 426.04, созданного на базе ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева», 8 декабря 2023 г. прошла защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук Ермаковой Ольги Владимировны на тему «Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации» по специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки (юридические науки). Диссертационный совет констатировал, что диссертация О. В. Ермаковой представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую требованиям, установленным Положением о присуждении ученых степеней от 24 сентября 2013 г. № 842, отличающуюся научной новизной, содержащую разработку теоретических положений, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное теоретическое и практическое значение для науки уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения. Исходя из этого, диссертационный совет принял решение о присуждении О.В. Ермаковой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 – уголовно-правовые науки (юридические науки). Статья представляет собой отзыв на диссертацию официального оппонента, в котором подвергнуты анализу основные положения диссертации О.В. Ермаковой.

Ключевые слова: концепция, общественно опасное деяние, механизм общественно опасного деяния, конструкция состава преступления, социально-криминологические основания и условия криминализации деяний

Для цитирования: Шеслер А.В. Влияние механизма совершения общественно опасного деяния на конструкцию состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации // Уголовная юстиция. 2024. № 23. С. 125–131. doi: 10.17223/23088451/23/20

Review
doi: 10.17223/23088451/23/20

**THE MECHANISM OF COMMITTING A SOCIALLY DANGEROUS ACT:
INFLUENCE ON THE STRUCTURE OF THE ELEMENTS OF A CRIME IN THE NORMS
OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Aleksandr V. Shesler^{1,2}

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Novokuznetsk, Russian Federation

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
^{1,2} sofish@inbox.ru

Abstract. At the meeting of Dissertation Council 24.2. 426.04 at Ural State Law University on December 8, 2023, Olga V. Ermakova successfully defended her dissertation, *Conceptual Foundations of Reflecting a Socially Dangerous Act and the Mechanism for Its Commission in the Norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation*, for the Dr. Sci. (Law) degree (Specialty 5.1.4 – Criminal Law (Law Sciences)). The article is the official opponent's review of the dissertation, which analyzes its main provisions. Dr. Ermakova developed fundamentally new ideas that define her research as a qualifying research work containing developed theoretical provisions that in total can be qualified as a new major scientific achievement. She introduced into the scientific discourse of the criminal law science the notion of the mechanism of a socially dangerous act; made a criminal-legal description of the mechanism of a socially dangerous act; developed mechanisms of socially dangerous acts of a certain group; justified the influence of the mechanism of a socially dangerous act and its types on the choice of the construction of the elements of a crime; characterized social danger applicable not only to the crime as a whole, but also to each stage of the mechanism of the act, as well as to the specifically committed act or inaction; developed an authorial system of grounds and conditions for the selection of the mandatory

features and type of construction of specific elements of a crime for their legal fixation in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. In general, it can be concluded that Olga V. Ermakova's dissertation is an independent, novel, complete, reasoned qualifying research work contributing to the theoretical and practical development of the science of criminal law, of criminal legislation and the practice of its application.

Keywords: concept, socially dangerous act, mechanism of socially dangerous act, structure of elements of crime, socio-criminological grounds and conditions of criminalization of acts

For citation: Shesler, A.V. (2024) The mechanism of committing a socially dangerous act: Influence on the structure of the elements of a crime in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation. *Ugolovnyaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 23. pp. 125–131. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/23/20

Актуальность темы исследования сомнений не вызывает. Преступление является основной категорией уголовного законодательства, практики его применения, науки уголовного права. Вместе с тем опыт отечественного и зарубежного законодательства свидетельствует о различных подходах к определению преступления в уголовном законе (формальном, материальном, формально-материальном). Неоднозначно понимается сущностный признак преступления (его общественная опасность) в теории уголовного права, а соответственно, и в практике применения уголовного закона. Достаточно странной является позиция законодателя, сводящего характер и степень общественной опасности преступления как оценочных категорий к виду и размеру наказания, а также к возможности изменения категории преступления судом (ст. 15 УК РФ). Очевидным является отсутствие научно обоснованных критериев, которыми может руководствоваться законодатель при определении деяний в качестве преступления, при юридическом описании его признаков и выборе оптимальной конструкции его состава. Все это сказывается на недостатках УК РФ, содержащего недействующие нормы, описывающие определенные составы преступления, криминализацию форм и видов соучастия в преступлении, приготовления и покушения в виде самостоятельных составов преступлений в Особенной части УК РФ, а также характеризующегося избыточностью криминализации деяний определенного вида (мошенничества, злоупотребления должностными полномочиями и т.д.). Представляется, что диссертационное исследование О.В. Ермаковой в значительной мере создает научные основы для решения возникших проблем.

Цель исследования, определенная диссертантом как обоснование и разработка концепции отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ [1. С. 12], достигнута. Достижению заявленной цели способствовало последовательное решение правильно сформулированных задач исследования [1. С. 12–13].

Обоснованность и достоверность полученных выводов, сформулированных предложений и рекомендаций не вызывает сомнений, поскольку работа базируется на солидной и репрезентативной базе.

Теоретические положения и выводы, а также прикладные аспекты исследования, содержащиеся в работе, нашли отражение в 177 опубликованных научных и

учебных работах автора, которые включают 9 монографий, 7 учебных пособий, 32 статьи, размещенные в изданиях из Перечня, рекомендованного ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, 129 иных работ. Сформулированные в диссертационном исследовании положения прошли апробацию на 92 научно-представительских мероприятиях международного и всероссийского уровней. Положения диссертационного исследования используются в образовательном процессе, внедрены в образовательный процесс ряда российских вузов и вузов зарубежных государств.

Весьма представительны теоретическая основа и нормативная база исследования. Полученные автором выводы основываются на теоретических положениях, нашедших отражение в трудах отечественных специалистов в области уголовного права, на анализе положений российского и зарубежного уголовного законодательства.

Не вызывают сомнений методология и методика исследования, его нормативная база. Работа базируется на апробированном общенаучном методе познания, философском, конкретном социологическом методе и частично-научных методах.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные положения могут использоваться в ходе разработки фундаментальных теоретических проблем как Общей, так и Особенной частей уголовного права, касающихся понятия и сущности преступления, состава преступления, стадий совершения преступления, а также для внедрения категорий «общественно опасное деяние», «механизм совершения общественно опасного деяния» при научном исследовании конструкций отдельных составов преступлений.

Практическая значимость исследования проявляется в том, что полученные результаты могут быть использованы в процессе совершенствования уголовного законодательства, а также в образовательном процессе при преподавании учебных дисциплин в юридических вузах, а также в системе переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, сотрудников прокуратуры, судей, адвокатов.

Эмпирическая основа исследования включает в себя: результаты анализа и обобщения опубликованной и неопубликованной судебной практики по различным преступлениям, конструкции которых вызывают сложности в правоприменительной деятельности (выборочному исследованию подвергнуты материалы 2 289 уго-

ловных дел и приговоров); результаты социологического исследования (анкетирования) 143 научных и 205 практических работников.

Структурирование работы выполнено в соответствии с определенным автором предметом, поставленной целью и задачами исследования. Давая оценку содержанию работы, следует отметить, что поставленные автором цели были достигнуты, предложения, подготовленные диссертантом, вполне заслуживают внимания законодателя и правоприменителя.

Во введении аргументируется актуальность избранной темы, освещается уровень ее научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи исследования, характеризуется его методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая база, представляется научная новизна работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость диссертации, обоснованность и достоверность результатов исследования, приводятся сведения о его апробации, данные о структуре работы.

В первой главе исследования соискателем представлена авторская концепция отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. Ключевой категорией, на которой выстраивается авторская концепция, является общественно опасное деяние. Его внешние и внутренние особенности обстоятельно анализируются в работе [1. С. 48–63].

Научный интерес представляет предложенная соискателем уголовно-правовая характеристика механизма совершения преступления. Его характеристика давалась до настоящего времени только в криминологической науке. В работе убедительно обосновывается значение механизма совершения преступления для создания законодателем конкретного состава преступления. Предметом научной полемики являются предложения соискателя о классификации видов механизмов различных общественно опасных деяний [1. С. 91–92], прежде всего тех, которые отличаются уровнем сложности своего внешнего проявления (действие, операция, деятельность) [1. С. 96–99].

Во второй главе диссертационного исследования представлены теоретико-прикладные положения реализации концепции отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ. Важным представляется вывод соискателя о роли понятия преступления при отражении общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах уголовного закона. В этой связи соискатель констатирует эволюцию законодательного подхода от формального определения преступления к формально-материальному.

Следует поддержать выводы соискателя о необходимости единого понимания и выражения в уголовном законе признаков объекта преступления, о зависимости определения законодателем момента юридического окончания преступления от обязательности преступных последствий, о классификации окончанных составов

преступлений, о том, что четырехзвенное деление объектов преступления на общий, родовой, видовой и непосредственный обуславливает определение различных степеней его общности, а также о необходимости применения метода моделирования, который предполагает поэтапное обращение законодателя при криминализации деяния к анализу его общественной опасности и механизму его осуществления.

Соискателем убедительно доказывается наличие составов планирования, выделение которых обосновывается существованием соответствующей стадии в механизме общественно опасного деяния [1. С. 153–154].

Третья глава диссертационного исследования посвящена такому структурному элементу отражения общественно опасного деяния в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, как отбор обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления.

Соискатель предлагает авторское понимание социально-криминологических оснований и условий, обуславливающих отбор обязательных признаков и вид конструкции конкретного состава преступления [1. С. 226–227]. Особое внимание в работе обращается на такое основание отбора обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления, как его общественная опасность.

Следует отметить разработку соискателем критериев общественной опасности отдельно взятой стадии механизма общественно опасного деяния, которые оказывают существенное влияние на выбор конструкции состава преступления [1. С. 251–258]. Научную полемику может вызвать вывод автора о нетождественности типичности деяния как основания отбора обязательных признаков, вида конструкции конкретного состава преступления и его распространенности [1. С. 264].

В четвертой главе автором раскрываются особенности юридического выражения обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Следует согласиться с выводом автора о том, что наиболее проблемным представляется юридическое выражение в уголовном законе признаков объекта преступления, признаков внешнего выражения активной формы деяния, а также характеристики момента окончания преступления, прежде всего в тех случаях, когда законодатель вынужден прибегать к использованию оценочных понятий.

Несомненной новизной обладают разработанные правила юридического выражения составов планирования, выделяемые автором в рамках классификации составов окончанных преступлений [1. С. 366–367].

В пятой главе исследования соискатель показывает влияние положений сформулированной им концепции на понимание стадий совершения преступлений и толкование отдельных составов преступлений. В работе к числу стадий совершения преступлений отнесены формирование мотивации, планирование и исполнение преступления. Соискатель полагает, что содержащиеся в гл. 6 УК РФ приготовление, покушение и окончание преступления представляют собой не стадии соверше-

ния преступления, а законодательные конструкции, выступающие основанием уголовной ответственности при прерывании преступного поведения и позволяющие индивидуализировать уголовную ответственность в зависимости от этапа реализации преступного деяния.

Следует поддержать идею автора о том, что проблемы толкования указанных в уголовном законе признаков состава преступления подразделяются в зависимости от того, какие недостатки в структурных элементах отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения были допущены законодателем [1. С. 390–391].

В заключении автором сделаны выводы, вытекающие из содержания работы, сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства, обозначены перспективы проведения дальнейших научных исследований по обозначенным в диссертации вопросам.

В приложениях к диссертации содержатся результаты проведенного анкетирования научных и практических работников по вопросам отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, предложена авторская концепция отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, раскрыты составные части этой Концепции, приведен анализ соответствующей правоприменительной практики, представлены предложения по изменению действующего уголовного законодательства.

Диссертации присуща несомненная *научная новизна*, которая определяется разработкой авторской концепции отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ, включающая в себя следующие составные части: базисные понятия – общественно опасное деяние и механизм его совершения; инструменты, необходимые для создания учения; структурные элементы (блоки) отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах уголовного закона (предлагаемая концепция наглядно представлена в приложениях 3 и 4).

В соответствии с разработанной концепцией автором продемонстрированы недостатки законодательных конструкций отдельных составов преступлений, закрепленных в Особенной части Уголовного кодекса РФ, предложены рекомендации их трансформации.

К числу принципиально новых положений, полученных лично соискателем, позволяющих определить исследование как научно-квалификационную работу, содержащую разработанные теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение, относятся следующие:

- введение в научный оборот в науке уголовного права понятия механизма общественно опасного деяния;

- уголовно-правовая характеристика механизма общественно опасного деяния;

- разработка механизмов общественно опасных деяний определенной видовой группы;

- обоснование влияния механизма общественно опасного деяния и его видов на выбор конструкции состава преступления;

- характеристика общественной опасности применительно не только к преступлению в целом, но и к каждой стадии механизма деяния, а также к конкретно совершаемому действию, бездействию;

- формирование авторской системы оснований и условий отбора обязательных признаков и вида конструкции конкретного состава преступления для их юридического выражения в нормах Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Однако несмотря на актуальность и научную новизну диссертационного исследования в нем содержатся положения, по поводу которых следует сделать замечания.

1. Вряд ли можно согласиться с позицией соискателя, в соответствии с которой определение преступления, основанное на материальном признаке, сводится к указанию на его общественную опасность [1. С. 126–137].

Обоснование в качестве материального признака преступления его общественной опасности является достижением советской уголовно-правовой науки и советского уголовного законодательства. В исследованиях отечественных и зарубежных ученых обоснование материального признака преступления во второй половине XIX в. сводилось к тому, что преступление отличается от иных нарушений закона по своей правовой сути. Особенно удачно эту мысль выразил К. Маркс в статье «Дебаты по поводу закона о краже леса». Критикуя решение Рейнского Ландтага, которым в угоду частным владельцам лесов был принят закон, в соответствии с которым собирание хвороста, являющее простым нарушением лесных правил, подводится под понятие кражи и наказывается как порубка леса, исследователь отмечал: «Правовая природа вещей не может... приспособиться к закону – закон, напротив, должен приспособиться к ней... Вам ни в какой мере не удастся заставить нас поверить в наличие преступления там, где нет преступления, – вы можете только само преступление превратить в правовой акт». Автор исходил из различной правовой природы данных деяний, одно из которых (незаконная порубка леса) посягает на собственность, а другое – на нарушение лесных правил (собираение валежника): «Чтобы присвоить себе растущее дерево, нужно насильственно отделить его от органической связи. Этот акт, представляя явное покушение на дерево, тем самым становится явным покушением и на собственника дерева»; «При сборе валежника, наоборот, ничего не отделяется от собственности. Только то, что фактически уже отделилось от собственности, отделяется здесь от нее... собственник леса владеет ведь только самим деревом, а дерево уже не владеет упавшими с него ветвями». К. Маркс, исходя из различной правовой природы указанных деяний, выступал против формального определения преступления, фиксировавшего в уголовном за-

коне нарушение шаблона о должном поведении господствующей части общества, в данном случае лесовладельцев, облекающих в форму закона свои частные интересы: «Практичный лесовладелец рассуждает следующим образом: такое-то постановление закона есть доброе дело, поскольку оно полезно для меня, ибо моя польза и есть добро»; «Интерес знает, как очернить право. – он выдвигает перспективу вредных последствий...»; «Что такое вредные последствия? Вредно то, что приносит вред интересу землевладельца» [2. С. 121–122, 125, 145, 146].

Отечественная уголовно-правовая мысль досоветского периода даже в числе ее представителей, выступавших за материальное понятие преступления, еще не подошла к обоснованию отнесения к преступлению только такого противоправного деяния, которое по своей социальной природе, состоящей в общественной опасности, является преступлением. Как и К. Маркс, исследователи указывали на юридическую сущность преступления, отличающую последнее от иных правонарушений [3. С. 24–36; 4. С. 49–50; 5. С. 226].

Не случайно уже в наше время исследователи отмечали, что общественная опасность преступления, наиболее интенсивно отражая материальный признак преступления, не исчерпывает его, что при характеристике материальной стороны преступления помимо его общественной опасности исходным является правовое благо, которое должен охранять уголовный закон [6. С. 334].

Справедливости ради отметим, что в представленном на оппонирование исследовании в числе оснований, влияющих, по мнению соискателя, на выбор законодателем конструкции состава оконченного преступления, указывается на ценность общественных отношений, охраняемых уголовным законом [1. С. 192, 233–234].

2. Объектом критики является сведение соискателем общественной опасности преступления только к его вредности как способности деяния причинить вред общественным отношениям [1. С. 19, 49–51, 87, 240, 242, 256]. Такая позиция не позволяет, на наш взгляд, обосновать установление уголовной ответственности с 14 лет за любую кражу (ч. 2 ст. 20 УК РФ), в частности, за кражу, предусмотренную ч. 1 ст. 158 УК РФ, которая не обладает способностью причинить значительный вред отношениям собственности, охраняемым нормами главы 21 УК РФ. Кроме того, при совершении преступления вредность деяния реализуется в наступивших негативных последствиях, она исчерпывается. Возникает вопрос о том, сохраняется ли у совершенного деяния свойство общественной опасности? Соискатель отвечает на этот вопрос положительно, так как, по его мнению, совершенное деяние сохраняет угрозу для общества [1. С. 19, 50]. Однако в работе такое правильное суждение не получает развития. Полагаем, что обосновать общественную опасность совершенного преступления можно, если содержание такой категории преступления раскрыть не только через его вредность, но и через его прецедентность. Вредность преступления означает его способность причинять значительный вред отношениям, охраняемым уголовным законом. Без та-

кого свойства деяния не следует отражать его в уголовном законе в качестве преступления. Однако не могут быть в уголовном законе отражены отдельные эксцессы человеческого поведения, которые не повторяются или возможность повторения которых маловероятна, лишь на том основании, что ими когда-то причинен вред обществу. Норма права воздействует лишь на такие деяния, которые обладают свойством повторяемости, распространенности, содержат в себе свойства человеческой практики, т.е. обладают прецедентностью [7. С. 10–12]. Причем сочетание в общественной опасности вредности и прецедентности деяния, при наличии которых в уголовном законе его следует признавать преступлением, может быть различным: чем выше вредность деяния, тем меньше оно может быть прецедентным. Так, акты вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) являются достаточно редкими. Однако их вредность очень велика в силу способности подрывать основы конституционного строя и безопасности государства. Напротив, кражи без квалифицирующих признаков, совершаемые подростками, существенного вреда отношениям собственности причинить не могут. Вместе с тем статистические данные свидетельствуют о большой их распространенности среди этой возрастной категории населения. Поэтому высокая прецедентность краж среди несовершеннолетних в большей степени, чем их вредность, повлияла на то, что законодатель криминализовал этот вид деяний с 14 лет. Свойство прецедентности позволяет обосновать также общественную опасность уже совершенного преступления именно возможностью повторяемости деяний подобного рода.

3. Вызывает возражение категоричное суждение соискателя о том, что у законодателя отсутствует четкая иерархическая система общественных отношений, построенная в соответствии с их значимостью, которой он руководствуется, определяя местоположение определенного состава преступления в уголовном законе [1. С. 199, 219]. Безусловно, это не так. Сам соискатель содержанием своего текста объективно опровергает этот тезис, указывая на очередность ценностей, охраняемых действующим уголовным законом в виде личности, общества и государства [1. С. 191], приоритетность охраны действующим уголовным законом личности [1. С. 198–199], а также предлагая законодателю признать более значимыми те ценности, которые относятся не к отдельному индивиду, а ко всему обществу в целом [1. С. 253–254]. С данными утверждениями соискателя стоит согласиться. Это означает, что законодатель при принятии УК РФ 1996 г. достаточно четко руководствовался иерархией либеральных ценностей. Такая система выстраивается в следующей парадигме: личность – общество – государство. При такой иерархии ценностей интерес индивида выше коллективного интереса [8. С. 215]. Следовательно, уголовно-правовая охрана интереса индивида должна быть приоритетной. Не случайно к первоочередной задаче УК РФ отнесена охрана прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 2), а Особенная часть УК РФ начинается с раздела о преступлениях против личности. Соискатель предлагает приоритеты уголовно-правовой

охраны основать на парадигме консервативных ценностей, означающих следующую иерархию: государство – общество – личность. Полагаем, что такая иерархия ценностей лежала в основе УК РСФСР 1960 г., в котором в ст. 1 в качестве приоритетов охраны указывались общественный строй СССР, его политическая и экономическая системы, социалистическая собственность, а затем уже личность, права и свободы граждан. В такой же последовательности указывались эти ценности и в ст. 7 УК РСФСР, где давалось определение преступления, а Особенная часть УК РСФСР начиналась с главы о государственных преступлениях, затем шла глава о преступлениях против социалистической собственности, лишь третья глава включала в себя преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

4. Соискатель упрощает механизмы неосторожного преступления. По мнению соискателя, механизм преступления при легкомыслии выглядит следующим образом: мотивация – исполнение – выполнение действий по предотвращению «нежелаемого результата» – наступление результата [1. С.103]. Механизм преступления при небрежности представлен соискателем несколько иначе: мотивация – несовершенство действий вследствие непредвидения результата – наступление результата [1. С. 103–104]. Полагаем, что в конструкции таких механизмов не учтена особенность причинной связи между неосторожным деянием и его последствием. Суть неосторожного деяния состоит в нарушении обычных (бытовых) или специальных правил предосторожности. Такое нарушение создает условия для вхождения в процесс развития причинной связи приводящих обстоятельств (источников повышенной опасности, действий других лиц, влияния социальной среды), существенно влияющих на наступление преступных последствий. Эта особенность развития причинной связи при неосторожных преступлениях обуславливает специфику механизма их совершения по сравнению с умышленными преступлениями. В механизме умышленного преступления взаимодействуют два самостоятельных элемента – субъект преступления и ситуация совершения преступления [9. С. 32–33]. Если при этом сознательно используются внешние силы (например, автомобиль при убийстве), то они выступают в качестве орудия совершения преступления. В механизме неосторожного преступления, помимо субъекта преступления и ситуации его совершения, участвует третий элемент, обладающий свойством самостоятельного причиняющего воздействия [10. С. 31–32, 44–46, 49–51; 11. С. 187–190; 12. С. 151–152; 13. С. 20–22], например, автомобиль при нарушении правил дорожного движения (ст. 264 УК РФ). Такое свойство автомобиля обусловлено тем, что он как источник повышенной опасности выходит из-под контроля управляющего им лица в результате указанных нарушений. В по-

добной ситуации автомобиль выступает в качестве одного из признаков обстановки, а не орудия совершения преступления. Различная роль автомобиля в механизме причинения вреда влечет разные уголовно-правовые последствия для его владельца, совершившего преступление. Так, автомобиль, выступающий в качестве орудия совершения преступления, подлежит конфискации у виновного (п. «г» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ). Опосредованный характер причинной связи в неосторожных преступлениях повлиял и на законодательное отражение субъективных аспектов его механизма, а именно: в ст. 26 УК РФ не указано, что лицо должно осознавать общественную опасность своего деяния. При легкомыслии такое осознание отсутствует, так как опосредованный характер причинной связи влияет на то, что предвидение возможности общественно опасных последствий от деяния осуществляется в абстрактной форме, т.е. предвидятся последствия от деяний подобного вида, а не от конкретного деяния. При небрежности такое осознание отсутствует, так как опосредованный характер причинной связи влияет на то, что предвидение возможности общественно опасных последствий от деяния вообще отсутствует.

Вместе с тем указанные замечания имеют дискуссионный характер, не снижают ценность диссертационного исследования и его общую положительную оценку.

Автореферат по своему содержанию полностью соответствует представленной диссертации, отражает наиболее важные ее положения и научную новизну.

В целом можно сделать вывод о том, что диссертация Ольги Владимировны Ермаковой является самостоятельной, законченной, обоснованной (аргументированной) научно-квалификационной работой, отличающейся научной новизной, в которой разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение, имеющее важное теоретическое и практическое значение для науки уголовного права, уголовного законодательства и практики его применения, по содержанию и форме соответствует критериям, установленным п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 18 марта 2023 г. № 415), и научной специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки); оформление указанной диссертации соответствует требованиям, установленным Министерством образования и науки Российской Федерации.

На основании изложенного полагаю, что автор диссертации – Ольга Владимировна Ермакова – заслуживает присуждения искомой ученой степени доктора юридических наук по специальности 5.1.4 Уголовно-правовые науки (юридические науки).

Список источников

1. *Ермакова О.В.* Концептуальные основы отражения общественно опасного деяния и механизма его совершения в нормах Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. Барнаул : Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2023. 551 с.
2. *Маркс К.* Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. 2-е изд. М., 1955. С. 119–160.
3. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекция. Часть общая : в 2 т. Т. 1. М. : Наука, 1994. 380 с.

4. *Сергеевский Н.Д.* Русское уголовное право : пособие к лекциям. Часть общая. СПб. : Книжный магазин А.Ф. Цанзерлинга, 1887. 434 с.
5. *Кистяковский А.Ф.* Элементарный учебник общего уголовного права с подробным изложением начал русского уголовного законодательства. Часть общая. Киев : Издание Книгопродавца-Издателя Ф.А. Иогансона, 1891. 892 с.
6. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен. М. : Проспект, 2009. 400 с.
7. *Шеслер А.В.* Криминологические и уголовно-правовые аспекты групповой преступности. Тюмень : Тюменский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2005. 188 с.
8. *Панарин А.С.* Народ без элиты. М. : Алгоритм, Эксмо, 2006. 352 с.
9. *Кудрявцев В.Н.* Генезис преступления. Опыт криминологического моделирования. М. : ФОРУМ-ИНФРА-М, 1998. 216 с.
10. *Дажель П.С.* Неосторожность. Уголовно-правовые и криминологические проблемы. М. : Юрид. лит., 1977. 144 с.
11. Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М. : Наука, 1981. 248 с.
12. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая охрана безопасности мореплавания в СССР. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 1984. 195 с.
13. *Шеслер А.В.* Криминологическая характеристика и профилактика неосторожной преступности. Красноярск : Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2002. 28 с.

References

1. Ermakova, O.V. (2023) *Kontseptual'nye osnovy otrazheniya obshchestvenno opasnogo deyaniya i mekhanizma ego soversheniya v normakh Osobennoy chasti Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Conceptual foundations of reflecting a socially dangerous act and the mechanism of its commission in the norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation]. Law Dr. Diss. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
2. Marx, K. (1955) *Debaty po povodu zakona o krazhe lesa* [Debates on the law on theft of woods]. In: Marx, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Writings]. Translated from German. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: GIPL. pp. 119–160.
3. Tagantsev, N.S. (1994) *Russkoe ugovolnoe pravo. Lektsiya. Chast' obshchaya: v 2 t.* [Russian criminal law. Lecture. General part: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
4. Sergeevskiy, N.D. (1887) *Russkoe ugovolnoe pravo: posobie k lektsiyam. Chast' obshchaya* [Russian criminal law: a guide to lectures. General part]. St. Petersburg: Knizhnyy magazin A.F. Tsanzerlinga.
5. Kistyakovskiy, A.F. (1891) *Elementarnyy uchebnyy obshchego ugovolnogo prava s podrobnym izlozheniem nachal russkogo ugovolnogo zakonodatel'stva. Chast' obshchaya* [Elementary textbook of general criminal law with a detailed presentation of the principles of Russian criminal legislation. General part]. Kyiv: Izdanie Knigoprodavtsa-Izdatel'ya F.A. Ioganson'a.
6. Zhalinskiy, A.E. (2009) *Ugolovnoe pravo v ozhidanii peremen* [Criminal law in anticipation of change]. Moscow: Prospekt.
7. Shesler, A.V. (2005) *Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye aspekty gruppovoy prestupnosti* [Criminological and criminal-legal aspects of group crime]. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
8. Panarin, A.S. (2006) *Narod bez elity* [People without the elite]. Moscow: Algoritm, Eksmo.
9. Kudryavtsev, V.N. (1998) *Genezis prestupleniya. Opyt kriminologicheskogo modelirovaniya* [Genesis of crime. An experience of criminological modeling]. Moscow: FORUM-INFRA-M.
10. Dageľ, P.S. (1977) *Neostorozhnost'. Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy* [Carelessness. Criminal-legal and criminological problems]. Moscow: Yurid. lit.
11. Kudryavtsev, V.N. (ed.) (1981) *Mekhanizm prestupnogo povedeniya* [The mechanism of criminal behavior]. Moscow: Nauka.
12. Korobeev, A.I. (1984) *Ugolovno-pravovaya okhrana bezopasnosti moreplavaniya v SSSR* [Criminal-legal protection of navigation safety in the USSR]. Vladivostok: Far Eastern State University.
13. Shesler, A.V. (2002) *Kriminologicheskaya kharakteristika i profilaktika neostorozhnoy prestupnosti* [Criminological description and prevention of careless crime]. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Информация об авторе:

Шеслер А.В. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права Кузбасского института ФСИН России (Новокузнецк, Россия); профессор кафедры уголовного права Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), professor, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation (Novokuznetsk, Russian Federation); professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 09.04.2024;
одобрена после рецензирования 02.05.2024; принята к публикации 17.06.2024.*

*The article was submitted 09.04.2024;
approved after reviewing 02.05.2024; accepted for publication 17.06.2024.*